

ВЕСТНИК

**МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**СЕРИЯ
«ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ»**

№ 2 (22)

**Издается с 2008 года
Выходит 4 раза в год**

**Москва
2016**

VESTNIK

MOSCOW CITY UNIVERSITY

SCIENTIFIC JOURNAL

SERIES

LEGAL SCIENCES

№ 2 (22)

Published since 2008

Quarterly

**Moscow
2016**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

<i>Реморенко И.М.</i> председатель	ректор ГАОУ ВО МГПУ, кандидат педагогических наук, доцент, почетный работник общего образования Российской Федерации
<i>Рябов В.В.</i> заместитель председателя	президент ГАОУ ВО МГПУ, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО
<i>Геворкян Е.Н.</i> заместитель председателя	первый проректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор экономических наук, профессор, академик РАО
<i>Агранат Д.Л.</i>	проректор по учебной работе ГАОУ ВО МГПУ, доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

<i>Пашенцев Д.А.</i> главный редактор	доктор юридических наук, профессор
<i>Северухин В.А.</i> зам. главного редактора	кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист РСФСР
<i>Андреянова Н.Н.</i>	кандидат юридических наук, доцент
<i>Ефимова О.В.</i>	кандидат юридических наук, доцент
<i>Ростиславлев Д.А.</i>	кандидат исторических наук, доцент
<i>Ростокинский А.В.</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>Ситдикова Л.Б.</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>Пряхина Т.М.</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>Чурилов С.Н.</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>Безносикова О.И.</i>	ответственный редактор Юридического института ГАОУ ВО МГПУ

Журнал входит в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

ISSN 2076-9113

© ГАОУ ВО МГПУ, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Права человека: теория и практика реализации

<i>Игнатьева М.В.</i> Формирование российской традиции защиты прав человека в контексте участия России в международных организациях	8
---	---

Государство и право: теоретические и исторические аспекты

<i>Алехина Е.Л.</i> Правовые основы банковской реформы второй половины XIX века	16
<i>Ростиславлев Д.А.</i> Л. де Бональд о «духе народов».....	21
<i>Яровая М.В.</i> Особенности правовой системы Шотландии.....	26

Публичное право

<i>Васильева О.Н., Милованова М.М.</i> Установление механизма преступлений, посягающих на оборот валютных ценностей, в процессе расследования	33
<i>Куксин И.Н., Чечельницкий И.В.</i> Современные тенденции развития уголовного законодательства России в контексте обеспечения принципа справедливости	39
<i>Чурилов С.Н.</i> К вопросу о целях применения криминалистических средств и методов	49

Частное право

<i>Рахматулина Р.Ш.</i> Ответственность провайдера.....	56
<i>Ситдикова Л.Б., Стародумова С.Ю.</i> Имущественная ответственность опекунов и недееспособных лиц.....	64
<i>Шубников Ю.Б.</i> Государство и право в институциональном механизме	72

Трибуна молодых ученых

- Егоров Я.Ю.* Развитие законодательства об ответственности за преступления в сфере экономической деятельности в России..... 79
- Милосердов А.С.* Принцип учета исторических традиций в системе принципов местного самоуправления..... 88
- Свищева Е.И.* Возможность перехода исключительного права на коммерческое обозначение к новому правообладателю без заключения договора..... 94
- Шестопалов М.А.* Политико-правовые аспекты отношений советского государства и церкви..... 101

Критика. Рецензии. Библиография

- Пашенцев Д.А.* Рецензия на монографию Е.М. Павленко «Образование в области прав человека как основа формирования правовой культуры и культуры прав человека в Российской Федерации» (М.: Права человека, 2016. 216 с.) 107

Авторы «Вестника МГПУ», серия «Юридические науки», 2016, № 2 (22)..... 111

Требования к оформлению статей..... 113

CONTENTS

Human Rights: Theory and Practice of Realisation

<i>Ignatyeva M.V.</i> Formation of Russian Tradition of Human Rights Protection in the Context of Russian Participation in International Organizations.....	8
---	---

State and Law: Theoretical and Historical Aspects

<i>Alyokhina E.L.</i> Legal Framework of the Bank Reforms of the Second Half of the 19 th Century.....	16
<i>Rostislavlev D.A.</i> L. de Bonald about «The Spirit of Nations».....	21
<i>Yarovaya M.V.</i> Features of the Legal System in Scotland	26

Public Law

<i>Vasilyeva O.N., Milovanova M.M.</i> Establishing a Mechanism for the Crimes that Infringe on the Circulation of Currency Assets in the Course of Investigation	33
<i>Kuksin I.N., Chechelnitkiy I.V.</i> Current Trends in the Criminal Legislation of Russia in the Context of the Principle of Fairness.....	39
<i>Churilov S.N.</i> About the Purpose of the Application of Forensic Tools and Techniques	49

Private Law

<i>Rakhmatulina R.Sh.</i> Liability of the Provider	56
<i>Sitdikova L.B., Starodumova S.U.</i> Property Liability of Guardians and Disabled Persons	64
<i>Shubnikov U.B.</i> State and Law in the Institutional Mechanism	72

Young Scientists' Platform

- Egorov Ya.U.* Development of Liabilities for Crimes in the Sphere of Economic Activity in Russian Legislation..... 79
- Miloserdov A.S.* Reference to Historical Traditions in the System of Local Self-Government Principles 88
- Svishcheva E.I.* Possibility to Transfer the Exclusive Rights to the Trade Name to a New Right Holder without a Contract 94
- Shestopalov M.A.* Political and Legal Aspects of the Relationship of the Soviet State and Church 101

Critical Survey. Reviews. Bibliography

- Pashentsev D.A.* Review of the Monograph by E.M. Pavlenko «The Education in the Field of Human Rights as the Basis of Formation of Legal Culture and a Culture of Human Rights in the Russian Federation» (M.: Human Rights, 2016. 216 s.) 107

«MCU Vestnik Series “Legal Sciences”» — № 2 (22), 2016 / Authors 111

Style Sheet..... 113

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ

М.В. Игнатьева

Формирование российской традиции защиты прав человека в контексте участия России в международных организациях¹

В статье рассматривается формирование российской традиции соблюдения прав человека, участие России в международных организациях по данной проблеме. Показано правовое закрепление сотрудничества государств в сфере прав и свобод человека и гражданина.

Ключевые слова: защита прав человека; международные организации; Организация Объединенных Наций; Европейский союз; международно-правовые обязательства.

Среди всех ценностей нематериального характера, осознанных человечеством как универсальные и общечеловеческие, права и свободы человека стоят на первом месте.

Одним из актуальных вопросов положения личности в обществе является вопрос о механизмах защиты прав и свобод человека. Необходимость таких механизмов обусловлена природой правового государства, в котором условием развития его институтов служит приоритет прав человека и обязанность государства обеспечить эти права.

Государство, принимая на себя какое-либо международно-правовое обязательство, должно обеспечить согласование с ним своего национального законодательства.

Формирование норм по защите прав человека началось с развития международного гуманитарного права. Введение деления населения на комбатантов (воюющих) и мирное население, установление права военнопленных на жизнь должно было привести к ограничению жестокостей войны. Но в реальности

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта научных исследований (Правовые традиции России и развитие права международных организаций: проблемы взаимовлияния), проект № 15-03-00255.

этого не произошло. Признаваемое государствами право на ведение войны, формирование регулярных армий, а также разработка новых средств ведения войны приводили к случаям грубого нарушения гуманитарных правил [7: с. 15].

Усилия государств по международному сотрудничеству сконцентрировались на следующих направлениях: ограничения средств ведения войн, кодификация законов и обычаев войны.

Кодификация законов и обычаев войны впервые в истории международных отношений была проведена на Первой (1899 г.) и Второй (1907 г.) Гаагских конференциях мира, созванных по инициативе России и США

Идею созыва Первой Гаагской конференции мира активно поддерживал российский император Николай II. Циркуляром 12 августа 1898 г. русское правительство обратилось к официальным представителям всех государств, аккредитованных в столице Российской империи, с предложением с помощью широкого и гласного международного обсуждения найти эффективные способы обеспечить для всех народов прочный мир. Несмотря на то, что в рамках конференции не были решены многие вопросы, она стала одним из самых ярких политических событий конца XIX века, итоги которого не потеряли своего значения по сегодняшний день. На конференции были представлены 21 европейское государство, а также США, Мексика, Китай, Япония, Персия, Сиам. В результате ее работы были приняты Постановление о желательности ограничения военных расходов, Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны, Конвенция о мирном решении международных столкновений, которая, в частности, создавала Постоянную палату международного третейского суда. Важным также было решение о созыве Второй конференции мира. Таким образом, Гаагские конвенции 1899 г. положили начало международному диалогу по развитию мирных средств урегулирования вооруженных конфликтов.

Вторая конференция мира 1907 г. также была созвана по инициативе России. Подписанные в ходе этой конференции конвенции стали первой в истории международного права крупной кодификацией законов и обычаев войны. Теоретическая часть кодификации была основана на международно-правовых идеях выдающегося русского юриста Ф. Мартенса. Его идеи получили закрепление в преамбуле к четвертой Гаагской конвенции 1907 года. Их справедливо относят к наиболее яркому выражению идеалов «гуманитаризма», которые определили содержание многих правил ведения войны.

Помимо этого, конференция рекомендовала государствам-участникам созвать Третью конференцию мира. Таким образом, мир фактически признал ценность и перспективность российских мирных инициатив.

До начала XX века международное право представляло собой в основном право войны. В это время любое государство, которое выступало одной из сторон международного конфликта, имело право отказаться от мирного урегулирования спора и попытаться решить конфликт с помощью силы, вооруженным путем. При этом в международном праве не проводилось каких-либо различий между государством-агрессором и государством-жертвой

агрессора, и действия обеих сторон считались в равной степени правомерными, единственным условием было соблюдение законов и обычаев войны. В итоге правовые последствия войны зависели от ее фактического результата — победитель диктовал свою волю.

Вторая конференция мира существенным образом повлияла на развитие международного гуманитарного права, и поэтому ее можно считать важным этапом на пути его становления.

Значение Гаагских конвенций, которые продолжают свое действие и в наше время, заключается в том, что впервые была создана системы международно-правовых средств, позволяющих мирным путем разрешать межгосударственные споры. Была кодифицирована практика применения отдельных средств мирного урегулирования. Кроме этого, это была первая попытка ограничить право на войну и первый шаг на пути закрепления принципа мирного разрешения споров в международном праве.

Гаагские конвенции повлекли за собой принятие ряда актов, которые предусматривают запрещение агрессивной войны и необходимость разрешения международных споров мирными средствами. К ним можно отнести: проект Договора о взаимной помощи от 28 сентября 1923 года, Женевский протокол о мирном разрешении международных споров от 2 октября 1924 года, резолюцию Ассамблеи Лиги наций от 25 сентября 1925 года и Декларацию об агрессивных войнах от 24 сентября 1927 года. Все эти акты выработаны в рамках Лиги наций, но по различным причинам не имели юридической силы, тем не менее они способствовали созданию необходимых условий для закрепления в международном праве базовых принципов: принципа запрещения агрессивной войны и принципа мирного разрешения международных споров. В результате дальнейшей работы международно-правовые нормы, разработанные на Гаагских конференциях, получили свое новое развитие в Женевских конвенциях о защите жертв войны 1949 года и двух дополнительных протоколах к ним 1977 года [7: с. 16].

Международное сотрудничество в сфере защиты прав человека активизировалось в период Второй мировой войны в рамках антигитлеровской коалиции как реакция на грубейшие нарушения прав человека в военный период.

В принятом в 1945 году Уставе ООН впервые в истории международного права была закреплена обязанность государств сотрудничать в сфере прав человека. Активное участие России в деятельности ООН, в том числе в качестве постоянного члена Совета Безопасности, создает условия для оказания эффективного воздействия на процессы, происходящие в различных сферах межгосударственных дел, для формирования стабильного и основанного на международном праве миропорядка.

Положения Устава ООН, касающиеся прав человека, служат базой для развития международно-правовой системы норм в этой сфере, для активизации процессов их универсализации и международного сотрудничества.

В Преамбуле Устава подчеркивается решимость международного сообщества «утвердить веру в основные права человека». Одной из целей организации является сотрудничество государств в развитии «уважения к правам

человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии».

Необходимо отметить, что Устав ООН оперирует такими терминами, как «права человека» и «основные свободы». Права человека закреплены в ряде основополагающих международных документов. 10 декабря 1948 года ООН приняла Всеобщую декларацию прав человека, которая провозглашала права личности, гражданские и политические права и свободы, в том числе равенство всех перед законом, право каждого на свободу и личную неприкосновенность, свободу совести и другие. В основу документа были положены все имеющиеся наработки по данному вопросу, это был первый опыт коллективной разработки универсального документа по правам человека [7: с. 152].

Всеобщая декларация прав человека стала основой для развития международного права в сфере прав человека, на ее основе осуществлялась дальнейшая разработка других международных соглашений.

Представители Советского Союза принимали активное участие в разработке и подготовке Всеобщей декларации прав человека, предлагая внести пункт об обеспечении каждого человека защитой от преступных посягательств. Однако это поправка была отклонена.

В 1948 году при голосовании в ООН по Всеобщей декларации прав человека Советский Союз воздержался, как и многие другие страны.

С одной стороны, СССР подписал Всеобщую декларацию и международные пакты, с другой стороны, так и не опубликовал их. Большинству населения Советского Союза эти документы не были известны.

Права и свободы граждан были закреплены в Конституциях СССР 1936 и 1977 годов, но все они сопровождались оговорками, в результате которых многие положения сводились на нет. Помимо этого, в СССР отсутствовала возможность судебной защиты прав человека, а это означало, что положения Конституции не могли гарантировать человеку защиту его прав, и он не мог предъявить претензии государству за их ущемление [7: с. 160].

Такое отношение к правам человека сформировалось благодаря особенностям советской идеологии. К тому же вся собственность принадлежала государству и существовала своего рода диктатура власти. В связи с этим СССР наполнял понятие «права человека» другим содержанием, такими благами, как право на труд, право на отдых, право на социальное обеспечение, право на образование. Таким образом, права человека в СССР понимались как социальная защита населения. Государство (по мнению компартии) должно было опекать своих граждан, обеспечивать их работой, жильем, пенсиями и т. д.

В 1960-е годы в Советском Союзе появилось правозащитное движение, которое осмелилось требовать от государства соблюдения прав человека. Государство начало вести настоящую войну с правозащитниками. По некоторым вопросам защиты прав человека мировые лидеры оказывали на Советский Союз давление, что послужило определенным сдерживающим фактором.

Полноценное признание прав человека в России началось после распада СССР. В Конституции России 1993 г. были закреплены общепризнанные

права и свободы человека. К тому же Конституция провозгласила приоритет положений международных договоров в случае их коллизии с внутригосударственными нормативно-правовыми актами.

Конституция Российской Федерации устанавливает, что в России признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права [4: с. 23]. Граждане России получили возможность отстаивать свои нарушенные права в судебном порядке, в том числе в органах международного правосудия.

Узаконенные права человека и гражданина и их реализация показывают сегодня необходимость в реформировании различных сфер жизни. Конечно, здесь допустимы исключения. Режим военного положения, чрезвычайного положения являются теми периодами (безусловно имеющими временное ограничение), когда ограничения прав не только допустимы, но и полностью оправданы [1: с. 149].

Несмотря на всю важность принятия Всеобщей декларации прав человека, она имела только рекомендательный характер, поэтому в рамках ООН планировалось принять единый документ — Конвенцию о правах человека, а также акт, который бы содержал меры по проведению в жизнь этой конвенции. Однако в ходе разработки было принято другое решение: в основу работы была положена классификация прав человека. Результатом работы стало принятие 16 декабря 1966 г. Международного пакта о гражданских и политических правах и Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах. Как известно, пакты вступили в силу только в 1976 году. Для Российской Федерации пакты обязательны в силу правопреемства вследствие распада СССР, который ратифицировал оба пакта в 1973 г.

Пакты о правах человека развивают положения Всеобщей декларации прав человека 1948 года. Они являются универсальными по числу участников, в них участвуют государства различных регионов. Перечень прав и свобод во Всеобщей декларации 1948 года и в пактах о правах человека 1966 года является основополагающим и касается каждого человека.

В современном обществе часто нарушаются культурные права человека. Эти нарушения включают в себя незаконное ограничение свободы, преследование творческих деятелей, журналистов, ученых, сознательное уничтожение движимого культурного наследия, ограничение свободы слова и свободы выражения [5: с. 163]. Проблема соблюдения культурных прав человека неоднократно привлекала внимание общественности. Определенные шаги в этом направлении уже сделаны. К ним следует отнести принятие Европейским союзом в 2000 году Хартии Европейского союза об основных правах. Этот документ сводит все права воедино и признает в качестве основных прав [6: с. 87].

В 1996 году Россия вступила в Совет Европы, а через два года ратифицировала Европейскую конвенцию защиты прав человека и основных свобод. Граждане России получили возможность защищать свои права в Европейском суде по правам человека.

Право, установленное в документах и актах Совета Европы, может быть юридически обязательным для России в случае, если в отношении этих норм будет выражено согласие на их обязательность. Вхождение Российской Федерации в Совет Европы означало включение в число ее правовых источников Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года. Однако положения этой конвенции существуют не сами по себе, а в том виде, в котором их понимает Европейский суд по правам человека. Реальную жизнь нормы приобретают в решениях этого Суда [8: с. 29].

Роль Европейского суда по правам человека в правозащитной системе входящих в Совет Европы стран общеизвестна. Подписав и ратифицировав Европейскую конвенцию, Россия признала юрисдикцию Европейского суда по правам человека и обязательный характер исполнения его решений. Однако это касается лишь той части практики, которая формируется при рассмотрении дел с участием Российской Федерации. Также можно констатировать, что акты международных межправительственных организаций, таких как Совет Европы, носят правоустанавливающий характер для каждого из входящих в их состав членов [8: с. 32].

Несмотря на то, что многие ныне действующие федеральные законы РФ создавались с учетом международно-правовых стандартов по правам человека, обращения российских граждан по защите своих прав в международные органы являются достаточно частыми. Примером могут служить жалобы в Европейский суд по правам человека о некорректной или неполной реализации федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» [2: с. 10].

Нужно отметить, что в текущей российской практике требование к применению норм международного договора в сфере национального права очень часто остается без должного внимания, а причина состоит в том, что здесь существует недостаточная информированность российских судей.

Можно сделать вывод о том, что основные черты правозащитной системы России и стран Европы достаточно близки. Это связано с тем, что в качестве ориентира и для европейских стран, и для Российской Федерации (при работе над Конституцией 1993 г.) служила Всеобщая декларация прав человека.

Права человека получают разработку в договорной практике участников Содружества Независимых Государств (СНГ). Согласно Уставу данной организации, ее основной целью является обеспечение прав и основных свобод человека в соответствии с нормами международного права. В соответствии с Уставом СНГ учреждена Комиссия по правам человека, в полномочия которой входит наблюдение за выполнением обязательств, взятых на себя государствами-членами СНГ.

В связи с ситуацией, которая сложилась на значительной части территории бывшего СССР, где возникали вооруженные конфликты, встал вопрос о защите жертв вооруженных конфликтов и прежде всего мирных жителей. С этой целью страны СНГ подписали 24 сентября 1993 года Соглашение о первоочередных мерах по защите жертв вооруженных конфликтов, которое вступило в силу в 1994 году. При этом стороны соглашения подтвердили свои обязательства, вытекающие из международных документов по защите прав человека.

Важным документом СНГ является подписанная Российской Федерацией, а также республиками Арменией, Беларусью, Грузией, Кыргызстаном, Молдовой и Таджикистаном 26 мая 1995 года и ратифицированная Россией 4 ноября 1995 года Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека. В Конвенции выражена приверженность указанных государств Всеобщей декларации прав человека, Международным пактам о правах человека, а также международным обязательствам по правам человека.

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) — это новое международное интеграционное экономическое объединение, создание которого произошло на базе Таможенного союза (ТС) и Единого экономического пространства (ЕЭП) России, Казахстана и Беларуси.

Основной целью Евразийского экономического союза является стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза. Развитие ЕАЭС будет способствовать усилению миграционных потоков, что неизбежно, поставит вопрос о правах человека. В частности, о свободе совести [9: с. 93], так как миграция населения всегда связана со столкновением различных культур, мировоззрений, установок.

Таким образом, в условиях глобализации правовая система России развивается через преодоление противоречия между нарастающим вызовом со стороны международных наднациональных структур, преследующих вполне определенные и четко выраженные интересы, и собственной правовой традицией [3: с. 29]. К тому же отметим, что развитие права в РФ обусловлено также и тем фактом, что система прав человека меняется, и кроме гражданских и политических, социально-экономических, коллективных прав развиваются гендерные, экологические, биоэтические, информационные [1: с. 165] и другие права.

Литература

1. Дорская А.А. Правовые реформы в России: проблема классификации // Вопросы правоведения. 2013. № 3 (19). С. 147–165.
2. Дорская А.А. Церковное право в системе права Российской империи конца XVIII – начала XX веков: дис. ... д-ра юрид. наук. М, 2008. 402 с.
3. Пашенцев Д.А. Правовые традиции России и развитие международных экономических организаций // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2015. № 3 (19). С. 26–30.
4. Пашенцев Д.А. Совершенствование механизма защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2015. № 1 (17). С. 20–25.
5. Петрова Е.Е. Проблема реализации культурных прав человека в современном мире // Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика: материалы ежегодной Международной научной конференции памяти профессора Ф.М. Рудинского. Рязань: Концепт, 2015. С. 162–165.
6. Петрова Е.Е. Международно-правовая защита культурных прав человека // Международное право: ретроспективный анализ современных проблем. СПб.: Астерион, 2014. С. 86–88.

7. *Тиунов О.И.* Международное гуманитарное право: учебник. М.: Норма, 2015. 343 с.
8. *Щелконогова Е.В.* Участие России в Совете Европы и вытекающие из этого правовые последствия // Российский судья. 2006. № 10. С. 29–35.
9. *Smorgunova V.Yu., Dorskaia A.A., Malysheva N.I., Orlova I.A., Pashentsev D.A.* Processes of Harmonization of the Eurasian Economic Community Member States' Laws on Freedom of Conscience // International Journal of Economics and Financial Issues. 2015. № 5 (Special Issue). P. 93–99.

Literatura

1. *Dorskaya A.A.* Pravovy'e reformy' v Rossii: problema klassifikatsii // Voprosy' pravovedeniya. 2013. № 3 (19). S. 147–165.
2. *Dorskaya A.A.* Cerkovnoe pravo v sisteme prava Rossijskoj imperii koncza XVIII – nachala XX vekov: dis. d-ra jurid. nauk. M, 2008. 402 s.
3. *Pashencev D.A.* Pravovy'e tradicii Rossii i razvitie mezhdunarodny'x e'konomicheskix organizacij // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2015. № 3 (19). S. 26–30.
4. *Pashencev D.A.* Sovershenstvovanie mexanizma zashhity' prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossijskoj Federacii // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2015. № 1 (17). S. 20–25.
5. *Petrova E.E.* Problema realizacii kul'turny'x prav cheloveka v sovremennom mire // Prava i svobody' cheloveka i grazhdanina: teoreticheskie aspekty' i yuridicheskaya praktika: materialy' ezhegodnoj Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii pamyati professora F.M. Rudinskogo. Ryazan': Koncept, 2015. S. 162–165.
6. *Petrova E.E.* Mezhdunarodno-pravovaya zashhita kul'turny'x prav cheloveka // Mezhdunarodnoe pravo: retrospektivny'j analiz sovremenny'x problem. SPb.: Asterion, 2014. S. 86–88.
7. *Тюнов О.И.* Международное гуманитарное право: учебник. М.: Норма, 2015. 343 с.
8. *Shhelkonogova E.V.* Uchastie Rossii v Sovete Evropy' i vy'tekayushhie iz e'togo pravovy'e posledstviya // Rossijskij sud'ya. 2006. № 10. S. 29–35.

M.V. Ignatyeva

Formation of Russian Tradition of Human Rights Protection in the Context of Russian Participation in International Organizations

The article deals with the formation of Russian tradition of human rights, Russian participation in international organizations in relation to this issue. The legal confirmation of cooperation of states in the sphere of rights and freedoms of man and citizen is shown.

Keywords: protection of human rights; international organizations; United Nations; European Union and international legal obligations.

**ГОСУДАРСТВО И ПРАВО:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ**

Е.Л. Алехина

**Правовые основы банковской реформы
второй половины XIX века**

В статье раскрываются основные положения банковской реформы в Российской империи. Показаны основные мероприятия этой реформы и их правовое обеспечение.

Ключевые слова: банк; банковская реформа; Российская империя; кредитное учреждение; законодательство.

В современных условиях, когда финансовая система России переживает кризис, обусловленный как внешними, так и внутренними факторами, необходима смена парадигмы экономического развития, принятие такого законодательства, которое сможет обеспечить инновационный рывок и финансовую стабилизацию. В этом отношении может оказаться полезным опыт Российской империи, когда правительство во второй половине XIX века пыталось решать сходные задачи.

Вторая половина XIX века отмечена в России целым рядом финансовых реформ, которые в свою очередь повлекли существенное обновление финансового законодательства. В их числе назовем такие значимые мероприятия, как создание новой бюджетной системы, введение финансового контроля, проведение конверсии государственного долга и денежной реформы. Одним из самых важных аспектов финансового реформирования стало создание нормативной базы для новой комплексной кредитно-банковской системы. Масштаб предпринятых мер позволяет говорить о полноценной банковской реформе.

Как правило, до настоящего момента эту реформу рассматривали как отдельные преобразования, которые выступали составной частью общей финансовой реформы в империи [4: с. 132–176], но, по нашему мнению, стоит говорить именно об отдельной банковской реформе, так как в результате ее был создан полноценный кредитный механизм, выходящий за рамки государственных финансов.

Особенности банковской реформы второй половины XIX века могут быть выражены в следующих основных положениях:

- 1) проведение этой реформы заняло достаточно длительный период времени — с 1860 по 1895 гг.;
- 2) реформа проводилась на основе принятия целого ряда различных нормативных актов;
- 3) реформа начиналась в условиях выраженного бюджетного дефицита;
- 4) реформа стала частью целенаправленной финансово-экономической политики государства;
- 5) реформа имела выраженный сословный характер.

Банковская реформа проводилась не по прихоти кого-либо из государственных деятелей. Она имела ярко выраженные предпосылки, логика которых вполне укладывается в общий курс финансово-экономической политики правительства в тот период:

- 1) активное развитие капиталистического сектора экономики в период реформ второй половины XIX века;
- 2) завершение формирования базовых структурных элементов правовой системы после создания Свода законов Российской империи [2: с. 51];
- 3) формирование новой модели взаимоотношений государства и общества в результате «великих» реформ;
- 4) возможность использования доктринальных наработок и концепций российских ученых и практиков;
- 5) возможность использования иностранного опыта создания и развития кредитно-банковской системы.

Основные мероприятия банковской реформы могут быть обозначены следующими позициями:

- 1) создание Государственного банка Российской империи, который стал центральным кредитно-банковским учреждением страны;
- 2) создание государственных сословных кредитных учреждений, которые стали проводниками государственной финансово-экономической политики в отношении дворянства и крестьянства — Государственного дворянского земельного банка и Государственного крестьянского поземельного банка;
- 3) создание необходимой нормативной базы для развития сети различных видов банковских учреждений: городских и сельских общественных банков, акционерных коммерческих банков, сберегательных касс, мелких кредитных учреждений.

Началом реформы можно считать 1860 г., когда накануне отмены крепостного права государственные Заемный и Коммерческий банки, имевшие к этому моменту огромные долги и показавшие свою неэффективность, были ликвидированы, и вместо них был создан единый Государственный банк. С 1860 г. именно Государственный банк стал главным кредитно-банковским учреждением страны, игравшим важную роль в осуществлении государственной финансово-экономической политики.

В то же время, по мнению современных ученых, Государственный банк Российской империи не сразу превратился в полноценный центральный банк

в современном понимании этого термина. В течение всего времени своего существования в дореволюционной России он выполнял, кроме основных, и не характерные для главного банковского учреждения страны операции, в том числе осуществлял операции краткосрочного кредитования физических лиц, строил элеваторы и зернохранилища. Помимо этого, Государственному банку разрешалось открывать вексельные кредиты ссудо-сберегательным товариществам и другим учреждениям мелкого кредита [1: с. 195].

Действовал Государственный банк сначала на основании своего Устава 1860 г., а затем нового устава, принятого в 1894 г. Он не был независимым в своей деятельности и подчинялся Министерству финансов.

16 октября 1862 г. был принят Устав о городских сберегательных кассах. Он был ориентирован на создание сберегательных касс в губернских городах, посадах и местечках, регламентировал их деятельность. Сберегательные кассы создавались для приема небольших сумм на хранение от недостаточно обеспеченных граждан с целью приумножения их сбережений за счет процентов по вкладу [5: с. 216].

Новый Устав сберегательных касс, принятый в 1895 г., изменил их статус — они стали государственными, как следствие, правительство стало гарантировать сохранность вкладов в сберегательных кассах.

Для увеличения числа вкладчиков кредитных учреждений за счет рабочего и сельского населения в 1889 г. были открыты фабрично-заводские кассы, а в 1891 г. — почтово-телеграфные кассы [3: с. 306].

Важной особенностью создававшейся в ходе банковской реформы системы кредитных учреждений стало создание правовой базы для деятельности общественных банков как городских, так и сельских.

Городские общественные банки представляли собой кредитные учреждения, создававшиеся городскими обществами на городские же средства для кредитно-банковского обслуживания мелких торговцев и небогатого городского населения. В рассматриваемый период правовой основой создания и деятельности городских общественных банков являлись такие акты, как Положения о городских общественных банках 1857 и 1862 гг. [3: с. 309].

В современных условиях основу банковской системы, ее главное звено составляют акционерные коммерческие банки. В банковской системе Российской империи они не преобладали, хотя и стали создаваться именно в период рассматриваемой банковской реформы. Первый акционерный коммерческий банк Российской империи — Петербургский частный — был основан в 1864 г. К концу XIX столетия общая численность акционерных коммерческих банков в России не превышала 50 — во много раз меньше, чем количество городских общественных банков. Но при этом эти немногочисленные акционерные коммерческие банки играли весомую роль в развивавшейся капиталистической экономике страны. Такие крупные банки, как Азовско-Донской банк, Русско-Азиатский банк, Русский для внешней торговли банк, контролировали крупные части в промышленности

и строительстве, владели металлургическими, текстильными, угледобывающими предприятиями, пароходными и железнодорожными компаниями.

Важным этапом на пути формирования банковской системы России стало создание еще двух упоминавшихся выше государственных банков: Государственного дворянского земельного банка (1885) и Государственного крестьянского поземельного банка (1882). Необходимость создания этих учреждений определялась не поиском коммерческой выгоды, но потребностью в финансировании проведения выкупной операции после отмены крепостного права, а также стремлением поддержать разорявшееся дворянство, лишенное крестьян. В итоге в России были созданы не характерные для капиталистического общества сословные кредитные учреждения, игравшие важную социальную роль.

Существенной особенностью банковской реформы стало создание системы мелких кредитных учреждений. В соответствии с законодательством, они делились на три вида в зависимости от осуществлявших надзор учреждений.

К первому виду мелких кредитных учреждений, состоявших под надзором Министерства внутренних дел, относились сельские и волостные банки. Они создавались на основе специальных нормативных актов: закона от 25 января 1883 г. и устава 1885 г. В эту же группу входили созданные ранее сельские банки удельных крестьян, вспомогательные сельские сберегательные кассы бывших государственных крестьян и гминные судо-сберегательные кассы.

Ко второму виду относились состоявшие под надзором Министерства финансов и существовавшие с конца 60-х годов XIX века ссудо-сберегательные товарищества, создававшиеся на кооперативных началах.

К третьему виду относились кредитные товарищества, которые состояли под надзором Государственного банка и создавались в соответствии с Положением о кредитных товариществах 1895 г.

В связи с той ролью, которую играли в создававшейся банковской системе мелкие кредитные учреждения, потребовалось принятие специального нормативного акта. В итоге 1 июня 1895 г. было принято Положение об учреждениях мелкого кредита. Но действие этого положения охватывало не все виды учреждений мелкого кредита, существовавшие на тот момент в Российской империи, а только кредитные товарищества, ссудо-сберегательные товарищества и кассы, сельские, волостные и станичные банки и кассы. Положение подчеркивало главную цель учреждений мелкого кредита — предоставлять населению, включая разного рода союзы и артели, ссуды для удовлетворения хозяйственных потребностей и возможность «помещать сбережения для приращения из процентов» [3: с. 312].

Именно 1895 г. мы предлагаем рассматривать как год завершения банковской реформы. Во-первых, именно в этом году было принято указанное выше Положение об учреждениях мелкого кредита, что стало важным событием процесса правовой регламентации деятельности кредитных учреждений. Во-вторых, в 1895 г. был упразднен Совет государственных кредитных установлений,

который в соответствии с Уставом кредитным, входившим в Свод законов Российской империи, осуществлял контроль за деятельностью кредитно-банковских учреждений. Ликвидация этого органа означала завершение формирования новой системы банковского контроля.

Результатом банковской реформы стало создание в Российской империи полноценной кредитно-банковской системы. Возникла сеть учреждений, которые в своей совокупности осуществляли широкий круг банковских операций, включая кредитование под залог, прием вкладов, учет векселей и т. д. В итоге, данную реформу можно охарактеризовать такими терминами, как целенаправленность, последовательность, объективная прогрессивность, взаимодействие теории и практики.

Литература

1. *Алехина Е.Л., Долакова М.И.* Система кредитных учреждений Российской империи во второй половине XIX века // Научное мнение. 2013. № 12. С. 193–197.
2. *Дорская А.А.* Развитие системы права в России: проблема периодизации // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2011. № 2. С. 51–58.
3. *Комаров Н.И., Пашенцев Д.А., Пашенцева С.В.* Очерки истории права Российской империи (вторая половина XIX – начало XX века). М.: Статут, 2006. 384 с.
4. *Пашенцев Д.А.* Финансово-правовая традиция России. М.: Кнорус, 2015. 186 с.
5. *Пашенцев Д.А., Алехина Е.Л., Долакова М.И.* Финансовое право Российской империи: от идей к реализации. Саратов: ЭЙПиАр букс, 2015. 282 с.

Literatura

1. *Alexina E.L., Dolakova M.I.* Sistema kreditny'x uchrezhdenij Rossijskoj imperii vo vtoroj polovine XIX veka // Nauchnoe mnenie. 2013. № 12. S. 193–197.
2. *Dorskaya A.A.* Razvitie sistemy prava v Rossii: problema periodizacii // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2011. № 2. S. 51–58.
3. *Komarov N.I., Pashencev D.A., Pashenceva S.V.* Oчерki istorii prava Rossijskoj imperii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka). M.: Statut, 2006. 384 s.
4. *Pashencev D.A.* Finansovo-pravovaya tradiciya Rossii. M.: Knorus, 2015. 186 s.
5. *Pashencev D.A., Alexina E.L., Dolakova M.I.* Finansovoe pravo Rossijskoj imperii: ot idej k realizacii. Saratov: E'jPiAr buks, 2015. 282 s.

E.L.Alyokhina

Legal Framework of the Bank Reforms of the Second Half of the 19th Century

The article considers the main provisions of the bank reform in the Russian Empire. The basic activities of this reform and legal support are shown.

Keywords: bank; bank reform; the Russian Empire; a loan institution; legislation.

Д.А. Ростиславлев

Л. де Бональд о «духе народов»

В статье рассмотрена государственно-правовая доктрина консерватизма, которая формировалась на основе интеллектуального наследия Просвещения и под воздействием опыта Великой французской революции. Проанализированы взгляды основателя французского консерватизма Л. де Бональда на факторы, влияющие на формирование национального характера.

Ключевые слова: консерватизм; католицизм; абсолютная монархия; национальный характер; дух законов; революция.

Политико-правовая доктрина консерватизма, подобно другим великим идеологиям: либерализму, социализму, демократическим учениям — формировалась на основе интеллектуального наследия Просвещения, которое, однако, потребовало коренного переосмысления под воздействием крайне неоднозначного опыта Великой французской революции и последовавшей за ней эпохой бонапартизма.

Один из основателей западноевропейского консерватизма Луи-Габриэль-Амбуаз Бональд (1753–1840) в опубликованном в 1796 г. капитальном труде «Теория политической и религиозной власти в гражданском обществе, доказанная рассуждением и опытом истории» [4] (далее — «Теория...») анализировал проблемы, сформулированные в знаменитом сочинении Ш. Монтескье «О Духе законов». Основное внимание в «Теории...» было уделено классическим сюжетам о содержании закона и об онтологических основаниях нормотворчества, о принципах и формах правления, о доктрине разделения властей [3]. Л. де Бональд не мог обойти и вопрос о национальном характере, которому, как считал Ш. Монтескье, должен соответствовать «дух законов». Ш. Монтескье указывал и на факторы, которые в разное время оказывали влияние на формирование «духа народа»: климат, религию, законы, принципы правления, «примеры прошлого», нравы и обычаи [1: с. 3–65; 2: с. 350–361, 412–415]. «Климатической теории» он посвятил отдельную книгу. Эта теория вызвала неоднозначный отклик среди читателей знаменитого труда. Очевидно, на автора оказала влияние апологетика естествознания в эпоху, когда знания о природе противопоставлялись религиозным представлениям о мире. Научно-популярные по жанру рассуждения о том, что сжатие или ослабление внешних волокон человеческого тела под влиянием соответственно холодного и тёплого воздуха приводит к различию не только физических, но и нравственных, эмоциональных качеств народов севера, юга, центральной части

Европы, выглядят неловко, равно как и сопутствующие замечания, например, в связи с утверждениями автора о разной чувствительности народов к боли. Он, например, писал о том, что в «московите» можно пробудить чувствительность, лишь содрав с него кожу [2: с. 350–352]. Впрочем, сам Ш. Монтескье в предисловии просил судить о своём двадцатилетнем труде в целом, не обращая внимания на отдельные фразы.

Л. де Бональд посвятил раздел своего сочинения [4: с. 420–451] критике «климатической теории» Ш. Монтескье по принципиальным соображениям. Идеолог консерватизма не мог согласиться с двумя взаимосвязанными постулатами этой теории. Во-первых, она основывалась на предположении о дообщественном состоянии человечества, когда климат и природно-географические факторы оказывали наибольшее воздействие на формирование характера народов. По мнению Л. де Бональда, подобное предположение означало отрицание богоданной сущности человека, приравнивание его к растениям, полностью зависимым от внешних условий или к животным, ведомым страстями. Автор «Теории...» утверждал, что неотъемлемым качеством людей является духовность, а потому природные факторы могли оказать лишь минимальное воздействие на цивилизацию [4: с. 420].

Во-вторых, из теории о влиянии климата на формирование характера народов следовало признание неизбежности плюрализма форм правления. Более того, форма правления оказывалась обусловленной характером народов. Заметим, что к этому же выводу склонялся другой основатель консервативной доктрины, Ж. де Местр, признававший законность разных форм правления. Правда, этот выдающийся современник и идейный соратник Л. де Бональда объяснял различия характеров народов не материальными причинами, подобно Ш. Монтескье, а Божественным предопределением. По его мнению, нации были наделены свыше различными миссиями, что и обусловило их непохожесть друг на друга [5: с. 187–219].

Л. де Бональд полагал, что только «королевская», т. е. абсолютная монархия французского образца соответствовала конституции, октроированной Богом для человечества, а характер народов обусловлен государственно-правовыми и социальными учреждениями. Подобно Ш. Монтескье, консервативный писатель ссылаясь на данные естественных наук, в частности на труды Ж. Бюффона, приводил аргументы из области этнографии, истории, культуры. Так, утверждения Ш. Монтескье относительно храбрости и воинственности народов севера из-за того, что холодный воздух стимулирует приток крови к сердцу [2: с. 350], дезавуировались напоминанием Л. де Бональда о кровожадности хищных зверей в южных широтах и указанием на исключительно мирный характер народов Крайнего Севера — лапландцев, самоедов. Автор «Теории...» также замечал, что высокий рост и исключительная сила присущи лишь некоторым народам Северной Европы, но этими качествами также отличались, например, неаполитанцы, проживавшие в южной части континента [4: с. 419, 423–424]. Опыт всемирной истории позволял Л. де Бональду утверждать, что

вплоть до крушения Римской империи народы юга в военном отношении превосходили северные племена. Музыкальность и склонность итальянцев к искусству консервативный писатель объяснял не климатом, а значительным накоплением произведений культуры в период римской цивилизации. Музыкальные способности также были распространены, по мнению Л. де Бональда, в Германии вследствие хорошей организации обучения, большого числа квалифицированных преподавателей и умелого исполнения хорового пения на церковной службе. Высоко отзывался автор «Теории...» об укорененности любви к музыке в характере русского народа, проживавшего в иных, нежели итальянцы, природно-климатических условиях [4: с. 422–424].

Раздел своего труда Л. де Бональд посвятил размышлениям о завоеваниях народов Азии, которых он коллективно называл «татарами». В средние века этот термин использовался в Китае и христианских государствах для характеристики «варварских народов», в основном тюркского происхождения. Л. де Бональд воспользовался примером «татар», чтобы показать, что народы формируются под воздействием не климата, а учреждений. Согласно его трактовке, татары — молодой этнос, не имевший собственных учреждений, перенимал формы правления, государственно-правовые учреждения, культуру у народов, которые он завоевывал. «Народ природы, — так порой называл Л. де Бональд «татар», — стал европейцем (автор, видимо, имел в виду завоевание турками-османами Балканского полуострова. — *Д.Р.*), индийцем в империи Моголов, китайцем в Пекине» [4: с. 429]. Завоевания «татар» автор «Теории...» также объяснял не климатом, сформировавшим особый характер, а отсутствием достаточных средств к существованию в местах первоначального расселения. «Климат не дал им мужества, но лишил их пропитания; он не напрягал их волокон, но опустошил их земли; он был не причиной их побед, а лишь поводом», — утверждал Л. де Бональд [4: с. 425].

Философ предупреждал об опасности завоевания молодыми азиатскими народами Европы, в которой на его глазах шёл процесс разрушения традиционных конституций и упадка нравов. Он напоминал, что монархический Китай сумел навязать «татарам» свои законы и нравы и тем самым ассимилировал их, а Римская империя, в которой так и не сформировались наследственные правящие династии, была разрушена варварами [4: с. 429–430].

Мысль о завоевании «варварами» Европы, которая отказывается от своей христианской традиции и нравственных устоев, выглядит удивительно актуальной в контексте дискуссий о последствиях миграционных потоков, захлестнувших в наши дни страны Евросоюза. Как, впрочем, и размышления о том, что государства, подобные Китаю, имевшие монархическую форму правления и сохранившие традиционные нравственные устои (заслуга конфуцианства), справляются с подобными вызовами.

Л. де Бональд отвергал тезисы о якобы изначально существовавших преимуществах одних народов над другими или и о недостатках, негативных чертах

отдельных народов, обусловленных природно-климатическими условиями. Католический мыслитель был убеждён в том, что Создатель заботился в равной степени о «сохранении», то есть о духовном совершенствовании всех народов. Отклонения от предусмотренных божественным промыслом нравственных норм объяснялись на страницах «Теории...» страстями, эгоизмом людей, обладающих свободой воли. Л. де Бональд был убеждён в том, что нравственная деградация проявляется в результате недостатков социальных и государственно-правовых учреждений, а не климата. В северной части европейского континента эту деградацию философ объяснял следствием скопления населения в крупных городах, а в южных странах Европы — порождением господствующего в регионе духа торговли. Социальным идеалом мыслителя-традиционалиста были средневековые земледельческие общины.

Причины упадка нравов европейцев Л. де Бональд усматривал также во влиянии античной традиции. Консервативный мыслитель был решительным противником демократических учреждений полисов Древней Греции. Активное участие народа в отправлении государственной власти он объяснял праздным образом жизни граждан доступным вследствие эксплуатации труда рабов. По мнению Л. де Бональда, римляне приобрели развращённость нравов после завоевания Греции и оставили эту развращённость в наследство народам Европы. Лишь исправление государственно-правовых и социальных учреждений могло остановить процесс развращения нравов, способствовать цели Создателя «сохранить» народы, полагал автор «Теории...» [4: с. 433–436].

Католический философ фактически отождествил зрелость национально-го характера с монархическим правосознанием, с укоренённостью в обществе католического культа и с привязанностью населения к традициям и обычаям. Рационалистическому толкованию феномена нации он противопоставил традиционалистское. «Этот (национальный. — Д.Р.) характер будет выражен сильнее или слабее в зависимости от того, насколько нация едина, насколько отделена от других посредством особенностей языка и обычаев, насколько долго объединена она одним культом, одним правлением, одним правящим домом на одной территории» [4: с. 437], — утверждал автор «Теории...». Л. де Бональд полагал необходимым воспитывать чувство национальной гордости. Предупреждением об опасности национального самоуничтожения стали следующие строки: «Народ, который ставит себя намного ниже других, будет легко порабощён» [4: с. 444]. Консервативный мыслитель не одобрял подражаний другим народам, чрезмерной вовлечённости в глобальный торговый оборот, а также того, что он называл «чрезмерным вкусом к поездкам» [4: с. 445]. Если использовать современную социологическую лексику, Л. де Бональд был антиглобалистом. Он ясно осознавал, что либеральные идеи о всемирной нации и о едином человечестве разрушали христианские и корпоративные основы европейских государств.

Развитие национального характера в европейских странах было достигнуто, по мнению Л. де Бональда, благодаря учреждениям средневековой монархии

и католической религии. Автор «Теории...» был убеждён в жизнеспособности национальных чувств, формировавшихся на протяжении многих веков. Эти чувства, по его мнению, могли быть усыплены в периоды безмятежного развития европейских стран, могли быть задавлены в эпоху революционного террора. Однако Л. де Бональд не сомневался в том, что они непременно пробудятся вследствие инстинкта наций к самосохранению. С укоренённостью «духа народов» связывал автор «Теории...» свои надежды на возрождение Европы.

Литература

1. *Азаркин Н.М.* Монтеские. М.: Юридическая литература, 1988. 128 с.
2. *Монтеские Ш.* О духе законов // Монтеские Ш. Избранные произведения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. 799 с.
3. *Ростиславлев Д.А.* Л. де Бональд о «духе законов» // Вестник МГПУ, серия «Юридические науки». 2006. № 1. С. 41–53.
4. *Bonald L. de.* Théorie du pouvoir politique et religieux dans la société civile, démontrée par le raisonnement et par l'histoire // Bonald L. de. Oeuvres completes. Paris: A Le Claire, 1843. 953 p.
5. *Maistre J. de.* Trois fragments sur la France. Caractere et influence de la nation francaise \ Maistre J de. Oeuvres completes. V. 1: Lyon. Paris: Varieture, 1924. 452 p.

Literatura

1. *Azarkin N.M.* Montesk'e. M.: Yuridicheskaya literatura, 1988. 128 s.
2. *Montesk'e Sh.* O duxe zakonov // Montesk'e Sh. Izbrannye proizvedeniya. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury', 1955. 799 s.
3. *Rostislavlev D.A.* L. de Bonal'd o «duxe zakonov» // Vestnik MGPU, seriya «Yuridicheskije nauki». 2006. № 1. S. 41–53.
4. *Bonald L. de.* Théorie du pouvoir politique et religieux dans la société civile, démontrée par le raisonnement et par l'histoire // Bonald L. de. Oeuvres completes. Paris: A Le Claire, 1843. 953 p.
5. *Maistre J. de.* Trois fragments sur la France. Caractere et influence de la nation francaise \ Maistre J de. Oeuvres completes. V. 1: Lyon. Paris: Varieture, 1924. 452 p.

D.A. Rostislavlev

L. de Bonald about «The Spirit of Nations»

The article of state law considers the doctrine of conservatism, which was formed on the basis of the intellectual heritage of the Enlightenment and under the influence of the experience of the French revolution. Analyzes the views of the founder of French conservatism L. de Bonald on the factors influencing the formation of national character.

Keywords: conservatism; Catholicism; the national character; the spirit of the laws.

М.В. Яровая

Особенности правовой системы Шотландии

В статье рассмотрены историко-правовые особенности современного права Шотландии. Статья вводит в научный оборот новую уточненную информацию на основе авторского перевода оригинальных правовых документов и интернет-ресурсов.

Ключевые слова: правовая система современной Шотландии; история права Шотландии; Закон об Унии от 22 июня 1706 года; законодательство Шотландии; шотландский суд присяжных.

Как известно, один из историко-географических регионов Соединенного Королевства, Шотландия, был насильственно присоединен к Англии в середине XVII века, а официально объединен с нею в 1707 году.

После «войн за независимость» с Англией (1298–1326 гг.) правоведы Шотландии обратились к римскому праву (чтобы подчеркнуть свою приверженность Франции). До XV века в Шотландии не было своих университетов, поэтому на обучение отправлялись в университеты Франции и Германии, где изучали римское право, которое играло роль «общего права» в Шотландии. До настоящего времени сохранилось влияние римского права в отдельных институтах гражданского права, в правовой терминологии, в делении права на публичное и частное (отсутствующее в английском праве). В то же время шотландские суды полностью восприняли английскую прецедентную систему, хотя и опирались на собственные прецеденты. Право в Шотландии никогда не было кодифицировано, а складывалось с самого начала из судебных решений шерифов и юстициариев. Однако шотландский метод толкования норм права ближе к континентальному, чем к англосаксонскому. В Шотландии конкретные правовые вопросы выводятся из общего принципа (дедуктивно), в то время как в странах англосаксонской системы, наоборот, судьи формулируют общий принцип, выводя его из конкретных случаев (индуктивно). Касаясь этого различия, шотландский юрист лорд Купер писал: «Цивилисты относятся к правовой норме с точки зрения ее политического и рационального значения, а юристы «общего права» — с позиции происхождения нормы...» [6: с. 468].

Сравнивая английское и шотландское право в их историческом развитии, надо отметить три основных фактора: а) в отличие от Англии, в Шотландии не было дуализма права в виде параллельной общему праву системы норм права справедливости; б) в Шотландии не получили развития искивые приказы; в) в Шотландии существовало публичное обвинение в форме организованной службы государственного уголовного преследования.

Тем не менее будет ошибкой считать, что все, что не совпадает с английскими институтами и нормами, было воспринято от римского или романского права. Шотландская правовая система, отличаясь от английской, не копирует и континентальную. Независимо от двойного влияния, она сохранила свои национальные особенности и обычаи, сложившиеся в результате самостоятельного исторического развития¹.

Эта самостоятельность относительна, поскольку после Унии 1707 года (*Acts of Union*)² начался процесс ассимиляции посредством проникновения английских норм в право Шотландии. В XVIII веке появились общие нормы в области коммерческого, торгового, фабричного, страхового, налогового законодательства.

Между тем уникальная судебная система Шотландии сохранилась, и это было одно из условий Закона об Унии от 22 июня 1706 года (*Treaty of Union*)³. Этот договор включает в себя главы, регулирующие все основные направления праворегулирования⁴. Дополнительно в Акте закреплялось господствующее положение пресвитерианской церкви в Шотландии⁵.

Независимость была гарантирована тем, что никакие иски, возбуждаемые в Шотландии, не могут рассматриваться в Суде канцлера, Суде Королевской скамьи, Суде общих тяжб или в каком-либо ином суде Англии, и что ни названные, ни иные суды после Унии не будут иметь права расследовать,

¹ После принятия Акта об Унии была предпринята попытка переименовать Англию и Шотландию в Южную и Северную Великобританию, но эта идея не нашла широкого применения, особенно в отношении Южной Великобритании (Англии), хотя в отношении Шотландии термин «Северная Великобритания» в некоторых английских учреждениях еще употреблялся недолгое время.

² 1 мая 1707 года, в правление королевы Анны, Акт об Унии вступил в силу. Парламенты Англии и Шотландии объединились в единый парламент Великобритании, поэтому в английской историографии иногда Акт об Унии упоминается как «Союз парламентов».

³ URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Union_with_England_Act_1707 (дата обращения: 11.11.2015). Текст на англ. языке URL: <http://www.scotshistoryonline.co.uk/union.html>.

⁴ Глава 1: Англия и Шотландия сливаются в единое королевство под названием «Великобритания»; Глава 2: наследование престола в новом королевстве будет происходить на основании английского Акта о престолонаследии 1701 г.; Глава 3: новое королевство будет иметь единый Парламент (им станет английский парламент); Главы 4–18: устанавливают единые правила в области торговли, налогов, валюты и других аспектов хозяйственной деятельности; Глава 19: сохраняется особая юридическая система Шотландии; Глава 20: сохраняются наследственные государственные и судебные должности; Глава 21: сохраняются права королевских городов; Глава 22: в едином Парламенте Шотландию представляют 16 шотландских пэров в Палате лордов и 45 представителей Шотландии в Палате общин; Глава 23: шотландские пэры имеют равные с английскими права при судах над пэрами; Глава 24: создание Великой печати нового королевства; Глава 25: любые законы Англии и Шотландии, противоречащие условиям Договора, объявляются утратившими законную силу.

⁵ В отличие от Церкви Англии, Церковь Шотландии не подчинена государству и, являясь национальной по своему характеру, юридически не является «государственной церковью». Королева Великобритании не является главой церкви, а при коронации монарх обязан приносить клятву защищать безопасность шотландской церкви. На заседаниях Генеральной ассамблеи, высшего органа управления Церкви Шотландии, королеву представляет лорд Верховный комиссар.

отменять или изменять действия или решения шотландских судов или останавливать их исполнение. Это условие действует и в настоящее время. Данное обстоятельство, однако, не исключало и не исключает процесса ассимиляции, притом не только в сферах общего правового урегулирования. Уже в 1709 году Палата лордов (которая не считается «Вестминстерским судом») рассмотрела апелляцию на решение Сессионного суда — высшей судебной инстанции Шотландии по гражданским делам. Был установлен прецедент, что окончательной апелляционной инстанцией для судов гражданско-правовой юрисдикции Шотландии является Палата лордов (с 2009 года — Верховный суд Королевства)⁶. Другой путь ассимиляции шел через парламентское законодательство [1: с. 124].

При очевидной тенденции к унификации правовых норм, особенно заметной в последние десятилетия, британский парламент не посягает на традиционную судебную-правовую систему Шотландии. Наоборот, некоторые из институтов, свойственные континентальным моделям, заимствуются. Это относится прежде всего к институту государственных обвинителей, который с 1986 года был введен в Англии и Уэльсе [4: с. 246]. Что касается централизации управления судами, то она успешно осуществляется британским правительством через государственного секретаря по делам Шотландии и ведомство лорда-адвоката.

Источники шотландского права. Современные шотландские юристы классифицируют источники права Шотландии, пользуясь системой и терминологией английской юриспруденции: прецеденты, юридические трактаты и законодательство. Первые два источника иногда именуют «общим правом» Шотландии [2: с. 39–40].

Доктрина **прецедента** начала складываться в Шотландии после присоединения ее к Англии. Она фактически не отличается по содержанию от английской, хотя имеет свои особенности [2: с. 41]. С установлением права Палаты лордов рассматривать шотландские апелляции по гражданским делам, ее решения безусловно обязательны для судов Шотландии и в настоящее время. Между тем решения Палаты лордов (с 2009 года — Верховный Суд Королевства [3: с. 59]) по делам, рассмотренным английскими судами, не являются обязательными в Шотландии. При этом прецеденты, относящиеся к нормам, аналогичным в двух регионах, обладают особой убеждающей силой. Решения других шотландских и английских судов не обязательны друг для друга, хотя относятся к категории «убеждающих» прецедентов (взаимно), особенно если это прецеденты, интерпретирующие статуты Соединенного Королевства в тех сферах, где желательно единообразие (например, в налоговом праве). Публикация судебных отчетов (прецедентов) стала регулярной лишь с середины XIX века, когда начали издаваться ежегодные серии «Сессионные дела».

⁶ Со временем установилась практика рассмотрения шотландских апелляций с участием шотландских пэров. Большинство лордов-юристов были специалистами в английском праве и создавали своими решениями прецеденты, обязательные для судов Шотландии, нередко без учета особенностей шотландского права и даже шотландской терминологии.

Кроме того, решения Палаты лордов по шотландским апелляциям можно встретить в серии «Всеанглийские судебные отчеты».

Юридические трактаты. Для признания того или иного юридического труда источником права, он должен быть не только фундаментальным и признанным, но и институциональным. К таким трудам относится сравнительно небольшое число работ, комментирующих или излагающих шотландское право в целом или какую-либо крупную отрасль, по системе, принятой в «Институциях» Юстиниана. Формулировка нормы в такой работе, при отсутствии других, принимается в качестве источника. К наиболее древним относятся: трактат конца XIII века «Regiam Majestatem» — комментарии к судебному процессу в королевском суде; «Институции шотландского права» Стэйра, изданные в 1681 г.; «Институции шотландского права» профессора Джона Ирскина 1751–1753 гг.; «Институции» Маккензи, 1684 г.; «Комментарии к шотландскому праву» профессора Белла и ряд других⁷.

Законодательство. Законодательство Шотландии состоит из законов, принятых парламентом Шотландии до 1707 года, из законов парламента Великобритании, принятых с 1707 по 1800 гг., и законов, изданных после 1801 года, когда после присоединения Северной Ирландии образовалось Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии.

Акты парламента Шотландии, изданные до 1797 года, продолжают действовать до настоящего времени, периодически пересматриваются и переиздаются. В 1948 году была начата ежегодная публикация текущего шотландского законодательства, которая продолжается и в настоящее время. В это собрание включаются издаваемые Сессионным и Высоким судом (высшие суды Шотландии) правила гражданского судопроизводства (Acts of Sederunt) и правила уголовного судопроизводства (Acts of Adjournal), которые приравниваются к законам. Иные акты делегированного законодательства публикуются в общем собрании «Подзаконных актов», в виде ежегодно издаваемых томов, дополняемых томами, содержащими изменения и дополнения⁸. Парламентское законодательство как источник права является основным, посредством которого идет процесс унификации шотландского права и шотландских правовых порядков по английской модели. Как пишет Уолкер, «законодательство, издаваемое единым парламентом, постоянно принимается без учета различия двух систем... часто без знания и уважения шотландских условий, традиций и настроений, людьми, которые, подчас имеют отношение не к стране, а к партии...» [7: с. 127, 161]. В Шотландии действуют те акты британского парламента, которые либо содержат указание о том, что они распространяются на ее территорию, либо изданы только для Шотландии, что отражено в названии, например, Закон об уголовном правосудии (для Шотландии).

⁷ См.: Viscount Stair. The Institutions of the law of Scotland, 1681; John Erskine. An Institute of the law of Scotland, v. 2, s. 1773; George Joseph Bell Commentaries on the law of Scotland..., 1804; Principles of the Law of Scotland, 1829; David Hume. Commentaries on the Law of Scotland respecting Crimes, v.2, s.1797 & others.

⁸ URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Scottish_Parliament#Officials (дата обращения: 12.11.2015).

Существует и такой источник права, как «установленные авторы», к которым относят Томаса Крэйга, Джеймса Дэлримпла, Эндрю Макдоуола, Джона Эрскина и комментарии Джорджа Джозефа Белла (правоведы Нового времени).

После вступления Великобритании в Европейский союз (1973 г.), шотландские юристы, как и английские, признают в качестве источника права акты, издаваемые в ЕС.

Процессу правовой перестройки было положено начало принятием Закона 1965 года о создании комиссий по реформе права в Англии, Уэльсе и Шотландии. В задачу этих комиссий входило произвести «пересмотр» всего права с точки зрения его систематического развития, исключения аномалий, упрощении и модернизации права в целом, вплоть до его кодификации» [5: с. 201–202]. Закон о судах 1971 года аннулировал все остатки существовавшей децентрализации в управлении судами. В 1972–1974 гг. английский парламент отказался от имущественного ценза для присяжных, что, правда, немедленно вызвало недоверие со стороны гражданского общества к этому институту, состав которого стал более демократичным. Благодаря усилиям комиссии, правительству удалось существенно расширить полномочия полиции, регламентировав и одоблив те ее действия, которые она осуществляла неофициально, в порядке внесудебного давления на правосудие. Этому способствует и модификация доказательственного права, которое всегда было ограничено строго формальными правилами. А Закон 1967 года о краже, Закон 1981 года о покушении могут быть отнесены к кодификационным.

Партикуляризм шотландской правовой системы оказывает положительное влияние на английскую систему судопроизводства. Следует обратить внимание на предусмотренное шотландским уголовным процессом строгое ограничение сроков предварительного расследования. В Шотландии всегда существовало так называемое правило 110 дней. Оно состоит в том, что по истечении этого времени обвиняемый, находящийся в предварительном заключении, должен быть отпущен на свободу, если на 110-й день не было начато судебное рассмотрение его дела. Закон 1980 года дополнил это положение еще одним ограничением сроков: если со дня первой явки обвиняемого не начнется суд по обвинительному акту, обвиняемый считается свободным от обвинения со всеми вытекающими отсюда последствиями. Эта гарантия прав обвиняемого не существовала в английском процессе. Лишь с 1 января 1988 года в Англии и Уэльсе введены аналогичные процессуальные сроки (70 дней до предания суду и 112 дней с момента предания суду). Таким образом, можно отметить не только ассимиляцию английских норм в шотландское право, но и влияние шотландских норм на английские.

Что же касается порядка судопроизводства при рассмотрении уголовных дел в Шотландии, то в принципе он мало чем отличается от английского как при суммарном процессе, так и по обвинительному акту (в суде присяжных). Различие, на которое стоит обратить внимание, относится к особенностям суда присяжных. В Шотландии присяжные (по уголовным делам — жюри из 15 человек, по гражданским — 12) не просто слушатели, как в Англии, но и активные участники. Они могут задавать вопросы свидетелям и подсудимому. Кроме

того, в Шотландии никогда не было традиционного английского принципа единого вердикта (в Англии этот принцип отменен в 1967 году). В отличие от Англии, присяжные в уголовных судах Шотландии могут принять, помимо вердиктов «виновен» и «не виновен», вердикт «не доказано». Отдельные присяжные могут голосовать за разные вердикты. Вердикт «виновен» выносится в том случае, если за него подано не менее 8 голосов. Интересно, что при объявлении вердикта староста присяжных не называет число голосов. При обвинительном вердикте приговор, однако, не будет вынесен, если обвинитель не обратится с соответствующей просьбой к судье, без которой суд не перейдет к стадии назначения наказания.

Таким образом, правовая система Шотландии имеет партикулярный характер. Можно отметить две одновременно действующие тенденции ее развития: с одной стороны, британская политика унификации судебно-правовой системы, с другой — стремление к национальной самостоятельности и даже сецессии Шотландии. В 1970-х годах лейбористское правительство предприняло попытку предоставления Шотландии и Уэльсу некоторой автономии⁹. Возвращаясь к унификации английского права с шотландским, можно отметить, что эта унификация в определенной мере взаимна. Переход в Англии в 1980-х годах к учреждению института государственных обвинителей, к регламентации процессуальных сроков расследования является тому доказательством. Кроме того, заимствование норм континентального права служит отражением общей тенденции современного английского общего права к сближению его с романо-германской правовой семьей.

Литература

1. *Апарова Т.В.* Суды и судебный процесс Великобритании. Англия, Уэльс, Шотландия. М.: Институт международного права и экономики, Триада, Лтд, 1996. 157 с.
2. *Кросс Р.* Прецедент в английском праве. М.: Юридическая литература, 1985. 239 с.
3. *Яровая М.В.* О передаче полномочий Апелляционного комитета Палаты лордов Верховному суду Соединенного Королевства // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2012. № 2. С. 56–62.
4. *Яровая М.В.* Партикуляризм судебно-правовой системы Шотландии // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2014. № 1. С. 90–99.
5. The Law Commissions Act. 1965, ch. 22, P.Y.A.1965 // New Law Journal. 1986. March. № 6244. P. 201–202.
6. Lord Cooper. The Common and civil law. A Scot's View. Harv. LR, 1950. V. 63. 468 p.
7. Walker D. M. The Scottish Legal System. 8th ed. W. Green, 2001. 233 p.

⁹ Речь шла не о федерации, а о сохранении унитарного устройства. На обсуждение созданной в 1969 году Королевской комиссии был представлен проект о создании федерации Англии и Шотландии, и он сразу же был отвергнут. Принятый в 1977 году закон предложил деволюцию, то есть «передачу» некоторых прав высших органов власти однопалатной Ассамблее и правительству Шотландии. В 1978, и позже — в 1998 и в 2012 году английский парламент принял Законы о Шотландии. Последний референдум по вопросу о независимости Шотландии прошел 18 сентября 2014 года, вопрос о сецессии остался открытым.

Literatura

1. *Aparova T.V.* Sudy' i sudebny'j process Velikobritanii. Angliya, Ue'l's, Shotlandiya. M.: Institut mezhdunarodnogo prava i e'konomiki, Triada, Ltd, 1996. 157 s.
2. *Kross R.* Precedent v anglijskom prave. M.: Yuridicheskaya literatura, 1985. 239 s.
3. *Yarovaya M.V.* O peredache polnomochij Apellyacionnogo komiteta Palaty' lordov Verhovnomu sudu Soedinennogo Korolevstva // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2012. № 2. S. 56–62.
4. *Yarovaya M.V.* Partikulyarizm sudebno-pravovoj sistemy' Shotlandii // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2014. № 1. S. 90–99.
5. The Law Commissions Act. 1965, ch. 22, P.Y.A.1965 // New Law Journal. 1986. March. № 6244. P. 201–202.
6. Lord Cooper. The Common and civil law. A Scot's View. Harv. LR, 1950. V. 63. 468 p.
7. Walker D. M. The Scottish Legal System. 8th ed. W. Green, 2001. 233 p.

M. V. Yarovaya

Features of the Legal System in Scotland

The article examines historic and legal features of modern law of Scotland. The article introduces new updated information on the basis of the author's translation of the original legal documents and internet resources into scientific circulation..

Keywords: legal system of modern Scotland; history of law of Scotland; Act of Union; June 22, 1706; Scottish legislation; Scottish jury.

**О.Н. Васильева,
М.М. Милованова**

Установление механизма преступлений, посягающих на оборот валютных ценностей, в процессе расследования

В статье предпринята попытка выявить некоторые проблемные аспекты и раскрыть особенности установления механизма преступного события и его отдельных элементов в процессе доказывания. Показано, что моделирование механизма преступления позволяет проследить корреляционные связи и зависимости его элементов, включающих совокупность действий преступника, предмета преступного посягательства, случайно втянутых в преступное событие лиц и связанные с этим процессом явления.

Ключевые слова: валютные ценности; денежные инструменты; преступление; механизм преступления; субъект преступной деятельности.

В системе охраняемых государством отношений особое место отводится внешнеэкономическим отношениям, а также международной торговле, имеющей в последние десятилетия большое значение для экономического развития практически всех стран [5: с. 10].

Следует отметить, что, согласно данным официальной статистики, в 2013 году правоохранительными органами Российской Федерации выявлено 1243 преступления в сфере внешнеэкономической деятельности, из них 903 совершено в крупном или особо крупном размерах, либо причинен крупный ущерб. В 2014 году выявлено 1068 таких преступлений, из них 800 совершено в крупном или особо крупном размерах, либо был причинен крупный ущерб. Данные за 2015 год уже содержат сведения о 1093 зарегистрированных фактах таких деяний, из них 864 — это преступления в крупном или особо крупном размерах, либо причинившие крупный ущерб. Несмотря на наблюдаемую тенденцию к незначительному снижению числа зарегистрированных противоправных деяний исследуемой категории в 2014 году по отношению к 2013 году, можно отметить их низкую раскрываемость и значительные суммы ущерба от такой противоправной

деятельности. Из 686 фактов преступлений, находящихся в производстве и предварительно расследованных в 2013 году, было выявлено 272 лица, уголовные дела о которых направлены в суд. В 2014 году из 527 находящихся в производстве дел выявлено 275 лиц, уголовные дела в отношении которых направлены в суд. За 2015 год этот показатель составил 589 фактов преступлений и 248 привлеченных лиц соответственно [3]. Данная статистика в полной мере отражает преступный интерес к валютным ценностям.

Анализ сведений официальной статистики позволяет сделать вывод о высоком уровне латентности преступлений в сфере внеэкономической деятельности, неэффективной организации их расследования и слабой раскрываемости. По мнению О.Н. Васильевой, здесь нельзя не учитывать и имеющиеся недостатки в вопросах взаимодействия сотрудников правоохранительных органов с такими государственными структурами, как Федеральная таможенная служба, Федеральная налоговая служба, Росфиннадзор [2: с. 3].

Здесь следует сделать небольшое отступление и уточнить, что включают в себя валютные ценности и их оборот. Действующий Гражданский кодекс Российской Федерации в статье 141 упоминает о валютных ценностях, однако, не раскрывая их содержания, отсылает к Федеральному закону от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» (ред. от 30.12.2015) [4], в статье 1 которого разъяснено, что к ним относятся иностранная валюта и внешние ценные бумаги. Здесь же раскрывается, что включают в себя понятия «иностранная валюта» и «внешние ценные бумаги».

Необходимо отметить, что российское уголовное законодательство, обеспечивающее охрану внешнеэкономических отношений и оборот валютных ценностей, в последние годы было в значительной степени изменено и дополнено. Так, была предложена новая редакция статьи 193 УК РФ «Уклонение от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации». Новой является статья 193.1 УК РФ, предусматривающая уголовную ответственность за совершение валютных операций по переводу денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации на счета нерезидентов с использованием подложных документов. Статьей 200.1 УК РФ восстановлена ответственность за контрабанду наличных денежных средств и денежных инструментов.

Содержание понятия «денежные инструменты» дается в примечании к указанной норме, а также раскрывается в статье 2 Решения Межгосударственного Совета ЕврАзЭС от 05.07.2010 № 51 «О Договоре о порядке перемещения физическими лицами наличных денежных средств и (или) денежных инструментов через таможенную границу Таможенного союза» [1]. Под ними понимаются «дорожные чеки, векселя, чеки (банковские чеки), а также ценные бумаги в документарной форме, удостоверяющие обязательство эмитента (должника) по выплате денежных средств, в которых не указано лицо, которому осуществляется такая выплата...»

С нашей точки зрения, это не что иное, как ценные бумаги, развернутое определение которых дается в гражданском законодательстве и которые включены валютным законодательством в содержание валютных ценностей.

Следовательно, анализ статей 193, 193.1 и 200.1 Уголовного кодекса Российской Федерации позволяет заключить, что в них идет речь об охране оборота валютных ценностей, несмотря на то, что законодатель игнорирует данный термин и не раскрывает его определения. Тем не менее, являясь повседневными инструментами в жизни участников внешнеэкономических отношений, валютные ценности опосредуют операции, связанные с оплатой приобретенных товаров, работ, услуг. В этой связи под ними предлагается понимать совокупность структурных элементов (материальных объектов), вовлекаемых в сферу валютно-финансовых связей, имеющих стоимостное выражение в денежной единице иностранного государства, а также представляющих комбинацию прав (владения, пользования, распоряжения), зафиксированных в установленной законом форме. В этой связи термин «валютные ценности» — собирательное понятие, представляющее собой целостную структуру, включающую в себя категории «валюта», «внешние ценные бумаги», «денежные инструменты», которые соотносятся как часть и целое.

Как известно, деятельность по расследованию преступлений, представляет один из наиболее сложных видов социальной деятельности, направленной на полное, всестороннее и объективное исследование и установление всех обстоятельств уголовного дела. В ее сферу вовлекаются субъекты, интересы которых могут не совпадать с интересами лица, осуществляющего предварительное расследование, и быть вообще диаметрально им противоположными. Для того чтобы установить все элементы преступного события следователь (дознатель) путем построения мысленной модели воссоздает механизм преступления, представляющий собой сложную динамическую систему, охватывающую событие преступления с его пространственно-временными, причинно-следственными, информационными, социальными и иными связями, обуславливая этой моделью возникновение криминалистически значимой информации о самом преступлении, его участниках и результатах.

При этом особое место отводится установлению события преступления. Как уже отмечалось, уголовно-правовые запреты, обеспечивающие охрану оборота валютных ценностей, содержатся в ст. ст. 193, 193.1, 200.1 УК РФ. Следовательно, при установлении факта уклонения от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации (ст. 193 УК РФ) нужно установить факт нарушения требований валютного законодательства: а) о зачислении денежных средств и б) о возврате денежных средств.

В обоих случаях такая обязанность вытекает из требований Федерального закона от 10.12.2003 №173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» (ред. от 21.07.2014), в статье 19 которого указано, что резиденты

при осуществлении внешнеторговой деятельности (если иное не предусмотрено настоящим Федеральным законом) обязаны в сроки, предусмотренные внешне-торговыми договорами (контрактами), обеспечить: 1) получение от нерезидентов на свои банковские счета в уполномоченных банках иностранной валюты или валюты Российской Федерации, причитающейся в соответствии с условиями указанных договоров (контрактов) за переданные нерезидентам товары, выполненные для них работы, оказанные им услуги, переданные им информацию и результаты интеллектуальной деятельности, в том числе исключительные права на них; 2) возврат в Российскую Федерацию денежных средств, уплаченных нерезидентам за неввезенные в Российскую Федерацию (неполученные на территории Российской Федерации) товары, невыполненные работы, неоказанные услуги, непереданные информацию и результаты интеллектуальной деятельности, в том числе исключительные права на них.

Иными словами, надлежит установить факт деяния в виде юридического бездействия, которому могут сопутствовать действия, направленные на непоступление средств на указанные счета. При этом надо учитывать, что в отдельных случаях субъекты преступной деятельности могут использовать заведомо подложные документы.

Устанавливая время совершения преступления также необходимо учитывать срок, предопределяющий обязанность для субъекта возвратить иностранную валюту на счет в уполномоченном банке, за несоблюдение которого наступает ответственность. Криминалистически значимую информацию о сроках зачисления и возврата денежных средств следователь извлекает из внешнеторгового контракта, в котором они должны быть прописаны как существенные условия.

В процессе установления механизма совершения преступления, предусмотренного статьей 193.1 УК РФ, необходимо доказать факт совершения валютных операций по переводу денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации на банковские счета одного или нескольких нерезидентов с представлением кредитной организации, обладающей полномочиями агента валютного контроля, а также документов, связанных с проведением таких операций и содержащих заведомо недостоверные сведения об основаниях, целях и назначении перевода. Как показывает анализ следственной и судебной практики, наиболее часто в таких преступлениях используют следующие подложные документы: внешнеторговый контракт, паспорт сделки, справку о поступлении валюты, документ об исполнении обязательств по кредитному договору и сам кредитный договор, справку о расчетах через счета за рубежом.

При этом в процессе установления факта совершения преступлений, предусмотренных статьями 193 и 193.1 УК РФ, следует установить величину размера ущерба, которая по однократно либо по неоднократно проведенным валютным операциям в течение одного года должна превышать шесть миллионов рублей,

чтобы преступление квалифицировалось как крупный ущерб. Особо крупный размер ущерба законодатель определил в сумме, превышающей тридцать миллионов рублей.

В некоторых случаях для совершения деяний субъекты преступной деятельности могут использовать специально созданные для однократного или регулярного проведения финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом юридические лица в различных организационно-правовых формах. Важно также установить количество субъектов преступной деятельности, принимавших участие в совершении преступления и роль каждого из них. Изложенные обстоятельства и факт совершения преступного деяния группой лиц по предварительному сговору или организованной группой выступают квалифицирующими обстоятельствами.

Установление факта совершения преступления, предусмотренного в статье 200.1 УК РФ, говорит о контрабанде (незаконном перемещении через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС) наличных денежных средств и (или) денежных инструментов. Данная норма отсылает к положениям Таможенного кодекса Таможенного союза. При этом для квалификации преступного деяния также необходимо установить был ли причинен крупный или особо крупный ущерб, что зависит, во-первых, от вида перемещаемых объектов без надлежащего декларирования наличных денежных средств или денежных инструментов, а также принадлежности перемещаемых валютных средств физическому либо юридическому лицу. Сумма крупного и особо крупного ущерба раскрывается в примечании к данной статье.

Следует отметить, что структура механизма преступления, посягающего на оборот валютных ценностей, также включает закономерности, обуславливаемые преступной деятельностью субъекта. Применительно к преступлениям, посягающим на оборот валютных ценностей, субъектом названной деятельности может быть: отдельное лицо, группа лиц по предварительному сговору, организованная группа, преступное сообщество (организация). Деятельность их может включать совокупность (комплекс) последовательных действий, объединенных общим замыслом, в рамках отдельного преступления либо же в рамках последовательной смены действий (относительно длительных во времени, а иногда и в пространстве), объединенных преступным замыслом. Действия субъекта по подготовке к совершению преступления, посягающего на оборот валютных ценностей, его непосредственному совершению и сокрытию могут носить как самостоятельный, так и взаимосвязанный характер.

Таким образом, в процессе расследования преступлений, посягающих на оборот валютных ценностей, следователем (дознателем) исследуется факт совершенного деяния и обстоятельства, входящие в предмет доказывания. В этих целях следователь воссоздает (формирует) модель расследуемого события, максимально приближенную к реальной криминальной ситуации,

т. е. модель механизма преступления. Установление механизма преступлений, посягающих на оборот валютных ценностей, способствует правильной уголовно-правовой квалификации противоправного деяния; выявлению лиц, его совершивших; установлению связи между фактами, их временной и пространственной характеристик, устранению противоречий между фактами; определению направления хода расследования преступления. При этом знания о механизме преступления также необходимы для проверки достоверности ранее построенных моделей, усовершенствования на их основе частных криминалистических методик расследования, а также построения системы типичных версий.

Литература

1. Бюллетень международных договоров. 2012. № 6. Июнь.
2. Васильева О.Н. Уголовно-правовые средства защиты оборота валютных ценностей. М.: Юрлитинформ, 2009. 176 с.
3. Официальный сайт МВД России. Данные официальной статистики ГИАЦ МВД за 2013–2015 гг. URL: <https://mvd.ru/folder/101762>
4. Собрание законодательства РФ. 15.12.2003. № 50, ст. 4859.
5. Теоретические и прикладные аспекты развития современного предпринимательства / под ред. М.А. Эскиндарова. М.: Перо, 2014. 314 с.

Literatura

1. Byulleten' mezhdunarodny'x dogovorov. 2012. № 6. Iyun'.
2. Vasil'eva O.N. Ugolovno-pravovy'e sredstva zashhity' oborota valyutny'x cennostej. M.: Yurlitinform, 2009. 176 s.
3. Oficial'ny'j sajt MVD Rossii. Danny'e oficial'noj statistiki GIACz MVD za 2013–2015 gg. URL: <https://mvd.ru/folder/101762>
4. Sobranie zakonodatel'stva RF. 15.12.2003. № 50, st. 4859.
5. Teoreticheskie i prikladny'e aspekty' razvitiya sovremennogo predprinimatel'stva / pod red. M.A. E'skindarova. M.: Pero, 2014. 314 s.

*O.N. Vasil'eva,
M.M. Milovanova*

Establishing a Mechanism for the Crimes That Infringe on the Circulation of Currency Assets in the Course of Investigation

The paper attempts to identify some problematic aspects and reveal the features of establishing the mechanism of a criminal event and its individual elements in the process of investigation. In this relation the mechanism of the crime simulation enables to trace correlations and dependencies of its elements, including the body of criminal actions, the subject of a criminal assault, persons inadvertently drawn into the criminal event and related processes and phenomena.

Keywords: currency assets; monetary instruments; crime; crime mechanism; the subject of criminal activity.

**И.Н. Куксин,
И.В. Чечельницкий**

Современные тенденции развития уголовного законодательства России в контексте обеспечения принципа справедливости¹

Статья посвящена анализу методов реализации принципа справедливости в уголовном законодательстве Российской Федерации. В статье раскрыто содержание и значение принципа справедливости для уголовного права, показано, что дальнейшее совершенствование уголовного закона в контексте справедливости должно происходить на основе гармоничного баланса интересов личности, общества и государства, при сочетании либерализации в отношении преступлений небольшой и средней тяжести и усиления ответственности за тяжкие и особо тяжкие преступления.

Ключевые слова: принцип справедливости; уголовное законодательство Российской Федерации; декриминализация; либерализация; баланс интересов.

Актуальность анализа путей и средств обеспечения справедливости правовой системы России в целом и уголовного законодательства в частности обусловлена дефицитом справедливости в современном обществе. Опросы населения, которые проводил фонд «Общественное мнение» в 2007 и 2011 гг., показали, что более 60 % населения России считают современное российское общество несправедливым [16]. В 2014 г. в ходе опроса «Левада-Центра» 35 % граждан России ответили, что приоритетным направлением развития государства должно стать восстановление социальной справедливости [1].

Справедливость востребована практически во всех сферах жизни общества. Именно поэтому с древнейших времен вопросы о справедливости или несправедливости социального устройства, морально-нравственных основах принципа справедливости и его нормативном закреплении посредством правовых норм находятся под пристальным вниманием общественности, ученых, юристов и политиков.

Первые известные представления о справедливом праве сложились в Вавилоне и Древнем Китае. В античную эпоху идеи справедливости стали предметом философского осмысления. Они составляли основу «идеального государства»

¹ Подготовлено при информационной поддержке СПС КонсультантПлюс.

у Платона. Аристотель разработал формальную структуру справедливости. Выдающиеся юристы Древнего Рима связали воедино справедливость и право, определив последнее как «искусство доброго и справедливого» [3].

Средние века оказали противоречивое влияние на развитие права и представлений о справедливости. С одной стороны, они стали оплотом религиозного консерватизма и идеи о непознаваемом божественном характере справедливости, с другой стороны, именно интенсивное развитие мировых религий в этот период придало мощный импульс формированию современного облика правовых систем мира и аксиом права.

Эпоха Нового времени принесла миру антропоцентристское² понимание права и справедливости, возвысила естественно-правовые концепции. Они имели позитивное значение, поскольку сыграли роль катализатора развития теории прав человека и рыночных отношений (более подробно см. [25]).

Дальнейшее развитие представления о справедливости получили в позитивистских, социологических, психологических и материалистических школах права, которые абстрагировались от трансцендентного характера справедливости и стремились найти ее «земной» источник. Огромное влияние на развитие представлений о справедливом общественном устройстве в XX в. оказало учение Дж. Ролза о справедливости «как честности в выполнении соглашения» [15]. Значительное количество работ, посвященных познанию справедливости, которые появились на рубеже XX–XXI веков, говорит о том, что в настоящее время данная проблема актуальна как никогда.

Анализ исторического развития представлений о справедливости свидетельствует о том, что они во все времена были и по-прежнему остаются основой легитимности государственно-правовых систем, морально обоснованным оправданием их существования и функционирования. В условиях переходного этапа развития российского общества утверждение идеалов справедливости в нравственном сознании, социальном устройстве, законодательстве, правотворчестве имеет ключевое значение для обеспечения устойчивого развития Российской Федерации, защиты ее национальных интересов и достижения благополучия.

Необходимость создания целостной концепции противостояния современным вызовам и угрозам XXI века требует от исследователя вновь и вновь возвращаться к вопросу о сущности справедливости и ее преломлении во всем многообразии спектра общественных отношений, требующих правового регулирования.

Президент Российской Федерации В.В. Путин в своем Послании Федеральному Собранию Российской Федерации 3 декабря 2015 г. отметил, что «Россия уже давно на переднем рубеже борьбы с террором. Это борьба

² Антропоцентризм — воззрение, согласно которому человек есть центр и высшая цель мироздания (Большой энциклопедический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая Российская энциклопедия; СПб.: Норинт, 2014. С. 59).

за свободу, правду и справедливость. За жизнь людей и будущее всей цивилизации» [11]. Нарастающая с каждым днем угроза международного терроризма заставляет нас задуматься над вопросами о справедливости возрождения института смертной казни для террористов в качестве исключительной меры наказания, о возможности отступления от принципа недопустимости объективного вменения и привлечения к ответственности родственников террористов, о пределах допустимости применения Вооруженных сил Российской Федерации на территории иностранных государств для подавления террора.

С другой стороны, обеспечение принципа справедливости уголовного права требует скорейшего исполнения поставленной Президентом России задачи по декриминализации ряда статей Уголовного кодекса Российской Федерации и переводе преступлений, не представляющих высокой общественной опасности, в разряд административных правонарушений в целях декриминализации нашего общества.

Захлестнувшая Россию волна экономического кризиса, сопровождающаяся резким падением уровня жизни основной части населения страны, увеличением числа лиц, проживающих за чертой бедности в 2015 г. на 2,3 млн человек (до 20,3 млн человек) [14], с неизбежностью актуализирует вопросы о социальной справедливости действующей системы перераспределения доходов и благ в обществе, соразмерности платы за труд, налогообложения, социального обеспечения наиболее незащищенных групп населения, возможности повышения пенсионного возраста и других актуальных вопросов, непосредственно связанных с категорией справедливости.

В современной юридической науке различают нравственную, социальную, юридическую справедливость. Нравственная справедливость выражается в предоставлении каждому человеку того, чего он заслуживает на основании представлений о добре и зле. Социальная справедливость проявляется в распределении в обществе материальных и духовных благ на основе сочетания элементов равенства и неравенства.

«Сегодня в России запрос на социальную справедливость как никогда велик. Но как мы можем говорить о ней, — отмечает заместитель Председателя Государственной думы Андрей Исаев, — когда оклады руководителей госкорпораций засекречены, а государство отыгрывается на государственных и муниципальных служащих, замораживая им заработную плату? При этом о состоянии дел в госкорпорациях народ узнает только из предновогодних обращений главы «Роснано» Анатолия Чубайса» [4].

Юридическая справедливость заключается в соразмерности законодательно закрепленных прав, обязанностей, ответственности, функций, компетенции, процессов и интересов личности, общества и государства. В процессе создания закона справедливость может приобрести свойство нормативности, нравственная справедливость трансформируется в юридическую, которая, реализуясь в конкретных общественных отношениях, должна привести к установлению социальной справедливости.

Наиболее значительные социальные последствия вызывает именно несправедливость, возведенная в закон. Нарушение принципа юридической справедливости может иметь глубочайшие последствия как для отдельной личности (например, для невинно осужденного человека), так и для обеспечения стабильности общества и государства.

В уголовном праве России принцип справедливости играет первостепенную роль, поскольку весь процесс привлечения преступника к ответственности и наказания согласно части 2 статьи 43 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) осуществляется «в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений» [17].

Уголовный закон пошел дальше других отраслей права и принцип справедливости не только отражен, но и раскрыт в статье 6 УК РФ, в соответствии с которой «наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного». Еще один аспект реализации справедливости в уголовно-правовом смысле заключается в том, что «никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление» (часть вторая статьи 6 УК РФ).

Необходимо отметить, что подобные подходы можно увидеть и в уголовных законодательствах других государств. Например, принцип справедливости закреплен в уголовном законодательстве Азербайджана, Армении, Беларуси, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана, Молдовы.

Принцип справедливости в уголовном законодательстве Азербайджана, Армении, Беларуси, России, Таджикистана, Узбекистана включает в себя три компонента: пропорциональность уголовных санкций опасности преступления; соответствие уголовных санкций обстоятельствам совершения преступления и личности виновного (индивидуализация уголовной ответственности); отрицание возможности наказания лица дважды за одно и то же преступление. Единство подходов свидетельствует как об общности исторического развития представлений о справедливости, так и о высоком качестве и жизнеспособности данных норм.

При этом необходимо понимать, что, с одной стороны, если слово «справедливость» не фигурирует в тексте закона, это не значит, что он несправедлив, а с другой стороны, если слово «справедливость» присутствует в законе, то он не становится справедливым априори, поскольку требуется также поступательная реализация принципа справедливости в каждой его статье. Поэтому справедливость в законодательстве должна быть выражена как путем ее закрепления в качестве принципа отрасли законодательства, так и в нормах правового акта, посредством соразмерных юридических конструкций и институтов.

В этой связи гармонизация уголовного законодательства государств Евразийского экономического союза в целях недопущения различной квалификации

одинаковых деяний и нарушения принципа справедливости остается крайне актуальной проблемой в настоящее время. К сожалению, в нынешней структуре ЕврАзЭС отсутствует межпарламентское измерение, однако значительную роль в данном вопросе играют рекомендации по совершенствованию законодательства Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности. Например, принятые 26 ноября 2015 г. рекомендации по сближению и гармонизации национального законодательства государств — членов ОДКБ в сфере противодействия терроризму и экстремизму, рекомендаций по сближению и гармонизации национального законодательства государств — членов ОДКБ в сфере обеспечения информационно-коммуникационной безопасности и другие [10].

Конечно, когда речь идет об уголовном законодательстве, то на первый план выходит проблема обеспечения справедливости наказания, то есть соразмерности между преступлением как общественно опасным совершенным деянием, запрещенным уголовным законом под угрозой наказания, и предусмотренной за его совершение ответственностью. Особое значение данного подхода подчеркивалось Г.В.Ф. Гегелем: «...один лишний удар, один лишний или недостающий талер или грош, одной неделей, одним днем больше или меньше тюремного заключения — уже несправедливость» [2].

Российский законодатель в последние годы уделяет значительное внимание обеспечению принципа справедливости во всех отраслях права. Особенно это заметно на примере уголовного и административного законодательства. Так, Пленум Верховного суда РФ одобрил законопроект «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [12], который предусматривает поправки к Уголовному кодексу РФ (УК) и Кодексу об административных правонарушениях РФ (КоАП). Согласно законопроекту, из-под уголовного наказания выводятся деяния, имеющие незначительную тяжесть: мелкое хищение, побои и подлог из числа уголовно наказуемых преступлений, а также злостное уклонение от уплаты алиментов переводятся в разряд административных правонарушений. Наказывать за такие проступки можно будет штрафами, исправительными или обязательными работами по соответствующим статьям КоАП.

Таким образом, реализация принципа справедливости достигается тем, что, с одной стороны, идет декриминализация преступлений в сфере экономической деятельности [9] и либерализация уголовного законодательства [5] в этой части, а с другой стороны, ужесточаются наказания за преступления против личности, особенно в отношении несовершеннолетних [8].

В настоящее время наблюдается резкое падение уровня доходов населения и сокращение рабочих мест. Президент Российской Федерации В.В. Путин при проведении «Прямой линии» 14 апреля 2016 г. отметил, что «...реальные доходы населения уменьшились на 4 %, а реальные зарплаты — еще сильнее», «сохраняется на низком уровне безработица — 5,6 %» (Российская

газета. 2016. 15 апреля. С. 2). Эти факторы могут привести к значительному росту мелких бытовых краж. Привлечение к уголовной ответственности за указанные деяния формирует негативные последствия, так как такая репрессивная мера «приводит к тому, что сотни тысяч граждан РФ становятся ранее судимыми». «В этой связи, — как сказано в пояснительной записке к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» — предлагается увеличить с одной тысячи до пяти тысяч рублей сумму ущерба, при нанесении которого возможна уголовно-правовая репрессия в отношении лиц, совершивших простые формы кражи, мошенничества, присвоения или растраты, установив за данные правонарушения административную ответственность в форме обязательных работ, что в большей степени соответствует степени и характеру общественной опасности данных правонарушений и эффективности принудительного воздействия» [12].

Кроме того, проектом Федерального закона № 953369-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» предлагается сбалансировать сумму значительного ущерба и повысить нижнюю границу значительного ущерба, причиненного гражданину (квалифицирующий признак ряда преступлений, предусмотренных главой 21 УК РФ), где «в пункте 2 примечания к статье 158 слова «двух тысяч пятисот» заменить словами «десяти тысяч» с 2,5 до 10 тысяч рублей» [13]. Повышение порога цены значительного ущерба адекватно отражает уровень доходов населения и стоимости продуктов питания.

Анализ принятых в 2015 г. федеральных законов в области уголовных правоотношений с позиции обеспечения принципа справедливости позволяет сделать вывод о том, что законодатель одновременно с либерализацией некоторых экономических составов преступлений идет на ужесточение уголовной репрессии в тех сферах, где предусмотренная ныне ответственность не позволяет обеспечить безопасность охраняемых законов объектов.

Так, в 2015 г. увеличен срок с 180 до 360 дней, в течение которого лицо может быть привлечено к уголовной ответственности за розничную продажу несовершеннолетнему алкогольной продукции, совершенной лицом неоднократно (Федеральный закон от 28 ноября 2015 г. № 346-ФЗ) [18]; ужесточен подход к определению размера ущерба, причиненного лесным насаждениям по статьям 260 и 261 УК РФ (Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 267-ФЗ) [19]; усилена уголовная ответственность за незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, максимальная санкция здесь увеличена с 200 000 рублей до 1 500 000 (Федеральный закон от 29 июня 2015 г. № 193-ФЗ) [20]; расширена система альтернативных наказаний за коррупционные преступления

(Федеральный закон от 8 марта 2015 г. № 40-ФЗ) [21]; усилена уголовная ответственность за преступления, совершаемые в целях хищения денежных средств с использованием банковских технологий (Федеральный закон от 8 июня 2015 г. № 153-ФЗ) [22]; УК РФ дополнен новым составом преступления — «Незаконный оборот новых потенциально опасных психоактивных веществ» (статья 234.1 УК РФ) с максимальным наказанием в виде лишения свободы на срок до восьми лет (Федеральный закон от 3 февраля 2015 г. № 7-ФЗ) [23]; усилена уголовная ответственность за недопущение, ограничение или устранение конкуренции: расширен перечень действий, подпадающих под состав данного преступления (Федеральный закон от 8 марта 2015 г. № 45-ФЗ) [24].

Таким образом, обеспечение принципа справедливости в сфере уголовного законодательства требует эффективного сочетания либерализации законодательства вплоть до декриминализации преступлений по экономическим и другим составам небольшой и средней тяжести, с одной стороны, и ужесточения уголовно-правовых средств борьбы с тяжкими и особо тяжкими преступлениями против личности, общества и государства — с другой стороны.

Либерализация уголовного законодательства не должна приводить к вседозволенности действий криминальных элементов и разгулу преступности. Для России серьезными вызовами XXI века стали терроризм и коррупция на государственном уровне. Справедливость требует, чтобы преступники, совершившие тяжкие и особо тяжкие преступления против личности, общества и государства, наказывались со всей строгостью. В этой связи убедительными представляются предложения отдельных политиков о возможности отмены моратория на смертную казнь в виде исключения для террористов и их пособников, виновных в гибели людей [7]. Чрезвычайно эффективным представляется также расширение института конфискации имущества [6] и системы штрафов для коррупционеров.

Такие подходы, с одной стороны, основаны на гармоничном сочетании интересов личности, общества и государства, в части соразмерности преступления и наказания, а с другой — позволяют декриминализовать те деяния, которые относятся в настоящее время к преступлениям небольшой тяжести, о чем и свидетельствуют перечисленные выше поправки к уголовному и административному законодательству.

Литература

1. Левада-Центр. Болевые точки // URL: <http://www.levada.ru/21-04-2014/bolevyetochnki> (дата обращения: 09.01.2016).
2. Гегель Г.В.Ф. Философия права // URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000360/st006.shtml> (дата обращения: 07.01.2016).
3. Дигесты Юстиниана / отв. ред. Л.Л. Кофанов. Кн. 1 М.: Статут, 2002. С. 83.
4. Исаев А. Нужна ли России либеральная повестка? // Российская газета. 2016. 13 января.
5. Куксин И.Н. К вопросу о либерализации уголовного законодательства Российской Федерации // История, теория, практика российского права: сборник научных работ / отв. ред. В.В. Захаров. Вып. 9. Курск: КГУ, 2013. С. 206–214.

6. *Куксин И.Н.* Стоит ли государству восстанавливать конфискацию как вид уголовного наказания? // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2013. № 1. С. 81–94.

7. Миронов предложил вернуть смертную казнь для террористов // URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2689029> (дата обращения: 06.01.2016).

8. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних: Федеральный закон от 29 февраля 2012 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 10. Ст. 1162.

9. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 11. Ст. 1495.

10. Официальный сайт Парламентской Ассамблеи ОДКБ // http://www.paodkb.ru/docs/approved/parlamentskouy_assambleey_odkb/ (дата обращения: 09.01.2016).

11. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_189898/ (дата обращения: 10.03.2016).

12. Пояснительная записка «К проекту Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности»» // URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=139628> (дата обращения: 20.04.2016).

13. Проект Федерального закона № 953369-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=139308>

14. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики // URL: http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d06/249.htm (дата обращения: 12.12.2015).

15. *Ролз Дж.* Теория справедливости. М.: ЛКИ, 2010. 536 с.

16. Фонд «Общественное мнение». Справедливость не торжествует // URL: <http://fom.ru/obshchestvo/10263> (дата обращения: 09.01.2016).

17. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ.

18. Федеральный закон от 28 ноября 2015 г. № 346-ФЗ «О внесении изменения в статью 151.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 48 (ч. I). Ст. 6712.

19. Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 267-ФЗ «О внесении изменений в статьи 260 и 261 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 29 (ч. I). Ст. 4393.

21. Федеральный закон от 29 июня 2015 г. № 193-ФЗ «О внесении изменений в статью 183 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 27. Ст. 3984.

22. Федеральный закон от 8 марта 2015 г. № 40-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 1410.
23. Федеральный закон от 3 февраля 2015 г. № 7-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 64. Ст. 885.
24. Федеральный закон от 8 марта 2015 г. № 45-ФЗ «О внесении изменений в статью 178 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 1415.
25. *Чечельницкий И.В.* Справедливость и правотворчество // URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=СЛ;n=77763> (дата обращения: 31.03.2016).

Literatura

1. Levada-Centr. Bolevy'e tochki // URL: <http://www.levada.ru/21-04-2014/bolevye-tochki> (data obrashheniya: 09.01.2016).
2. *Gegel' G.V.F.* Filosofiya prava // URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000360/st006.shtml> (data obrashheniya: 07.01.2016).
3. Digesty' Yustiniana / otv. red. L.L. Kofanov. Kn. 1 M.: Statut, 2002. S. 83.
4. *Isaev A.* Nuzhna li Rossii liberal'naya povestka? // Rossijskaya gazeta. 2016. 13 yanvara.
5. *Kuksin I.N.* K voprosu o liberalizacii ugolovnogo zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii // Istoriya, teoriya, praktika rossijskogo prava: sbornik nauchny'x rabot / otv. red. V.V. Zaxarov. Vy'p. 9. Kursk: KGU, 2013. S. 206–214.
6. *Kuksin I.N.* Stoit li gosudarstvu vosstanavlivat' konfiskaciyu kak vid ugolovnoho nakazaniya? // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2013. № 1. S. 81–94.
7. Mironov predlozhl vernut' smertnyuyu kazn' dlya terroristov // URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2689029> (data obrashheniya: 06.01.2016).
8. O vnesenii izmenenij v Ugolovny'j kodeks Rossijskoj Federacii i otdel'ny'e zakonodatel'ny'e akty' Rossijskoj Federacii v celyax usileniya otvetstvennosti za prestupleniya seksual'nogo xaraktera, sovershenny'e v otnoshenii nesovershennoletnix: Federal'ny'j zakon ot 29 fevralya 2012 g. № 14-FZ // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2012. № 10. St. 1162.
9. O vnesenii izmenenij v Ugolovny'j kodeks Rossijskoj Federacii: Federal'ny'j zakon ot 7 marta 2011 g. № 26-FZ // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2011. № 11. St. 1495.
10. Oficial'ny'j sajt Parlamentskoj Assamblei ODKB // http://www.paodkb.ru/docs/approved/parlamentskoj_assambleey_odkb/ (data obrashheniya: 09.01.2016).
11. Poslanie Prezidenta Rossijskoj Federacii Federal'nomu Sobraniyu Rossijskoj Federacii // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_189898/ (data obrashheniya: 10.03.2016).
12. Poyasnitel'naya zapiska «K proektu Federal'nogo zakona «O vnesenii izmenenij v otdel'ny'e zakonodatel'ny'e akty' Rossijskoj Federacii v svyazi s prinyatiem Federal'nogo zakona «O vnesenii izmenenij v Ugolovny'j kodeks Rossijskoj Federacii i Ugolovno-processual'ny'j kodeks Rossijskoj Federacii po voprosam sovershenstvovaniya osnovanij i poryadka osvobozhdeniya ot ugolovnoj otvetstvennosti»» // URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=139628> (data obrashheniya:

20.04.2016).

13. Proekt Federal'nogo zakona № 953369-6 «O vnesenii izmenenij v Ugolovny'j kodeks Rossijskoj Federacii i Ugolovno-processual'ny'j kodeks Rossijskoj Federacii po voprosam sovershenstvovaniya osnovanij i poryadka osvobozhdeniya ot ugolovnoj otvetstvennosti» // URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=139308>

14. Oficial'ny'j sajt Federal'noj sluzhby' gosudarstvennoj statistiki // URL: http://www.gks.r.u/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d06/249.htm (data obrashheniya: 12.12.2015).

15. *Rolz Dzh.* Teoriya spravedlivosti. M.: LKI, 2010. 536 s.

16. Fond «Obshhestvennoe mnenie». Spravedlivost' ne torzhestvuet // URL: <http://fom.ru/obshchestvo/10263> (data obrashheniya: 09.01.2016).

17. Ugolovny'j kodeks Rossijskoj Federacii ot 13 iyunya 1996 g. № 63-FZ // Sobranie zakonodatel'stva RF.

18. Federal'ny'j zakon ot 28 noyabrya 2015 g. № 346-FZ «O vnesenii izmeneniya v stat'yu 151.1 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2015. № 48 (ch. I). St. 6712.

19. Federal'ny'j zakon ot 13 iyulya 2015 g. № 267-FZ «O vnesenii izmenenij v stat'i 260 i 261 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2015. № 29 (ch. I). St. 4393.

21. Federal'ny'j zakon ot 29 iyunya 2015 g. № 193-FZ «O vnesenii izmenenij v stat'yu 183 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2015. № 27. St. 3984.

22. Federal'ny'j zakon ot 8 marta 2015 g. № 40-FZ «O vnesenii izmenenij v otdel'ny'e zakonodatel'ny'e akty' Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2015. № 10. St. 1410.

23. Federal'ny'j zakon ot 3 fevralya 2015 g. № 7-FZ «O vnesenii izmenenij v otdel'ny'e zakonodatel'ny'e akty' Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2015. № 64. St. 885.

24. Federal'ny'j zakon ot 8 marta 2015 g. № 45-FZ «O vnesenii izmenenij v stat'yu 178 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2015. № 10. St. 1415.

25. *Chechel'niczkij I.V.* Spravedlivost' i pravotvorchestvo // URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=CJI;n=77763> (data obrashheniya: 31.03.2016).

I.N. Kuksin,

I.V. Chechel'nitskiy

Modern Trends of Development of Criminal Legislation of Russia in the Context of Ensuring Fairness

The article analyzes the methods of implementation of the principle of fairness in the criminal legislation of the Russian Federation. The article reveals the contents and significance of the principle of justice for criminal law, it is shown that further improvement of criminal law in the context justice should be based on the harmonious balance of interests of the individual, society and the state, the combination of liberalization in relation to offences and medium-gravity crimes and increased responsibility for felonies and particularly grave crimes.

Keywords: principle of justice; the criminal legislation of the Russian Federation; decriminalization; liberalization; balance of interests.

С.Н. Чурилов

К вопросу о целях применения криминалистических средств и методов

В статье отстаивается мнение о том, что к предметной области науки криминалистики относятся специфические средства и методы предотвращения преступлений, которые рассматриваются в качестве важной составляющей общей системы мер предупреждения преступности.

Ключевые слова: криминалистические средства и методы; цели применения; предотвращение преступлений.

Смысл существования и направления развития криминалистической науки в XXI веке определяют стоящие перед ней основные специальные задачи, к которым относятся: изучение объективных закономерностей действительности, составляющих основу предмета науки; развитие ее общей и частных теорий; разработка новых и совершенствование существующих средств и методов судебного исследования и предотвращения преступлений; изучение зарубежного опыта и достижений криминалистики за рубежом, пути и рекомендации по их использованию [4: с. 8].

В этой связи актуальными проблемами криминалистики, вызвавшими оживленную дискуссию среди ученых, стали уточнение объектной и предметной областей данной науки, совершенствование ее системы, определение сфер применения разрабатываемых ею средств и методов, пополнение языка науки модернизированными и новыми понятиями, относящимися к отдельным ее разделам.

В настоящей работе мы коснемся лишь одного, ставшего также дискуссионным, вопроса о криминалистических средствах и методах предотвращения преступлений. Обычно по целям применения различают криминалистические средства и методы судебного исследования преступлений и криминалистические средства и методы предотвращения преступлений. Под криминалистическими средствами и методами судебного исследования преступлений понимаются технические, тактические и методические средства и методы собирания, исследования и использования доказательственной информации, применяемые в процессе расследования, производства судебных экспертиз и судебного разбирательства уголовных дел. Используемый при этом термин «судебное исследование преступлений», введенный в научный оборот Р.С. Белкиным [3: с. 84], не вызывает у нас возражений, поскольку адресатами разрабатываемых криминалистикой средств и методов являются дознаватели,

следователь, прокурор (государственный обвинитель), судебный эксперт, адвокат (защитник) и суд. Иную позицию по этому вопросу занимает О.Я. Баев, который не включает суд в субъектную систему криминалистики и по этой причине предлагает «совокупную деятельность действительных ее субъектов по исследованию преступлений... именовать не судебным, а уголовно-процессуальным исследованием преступлений» [2: с. 317]. Однако такое предложение не достигает желаемой, с точки зрения О.Я. Баева, цели, ибо уголовно-процессуальное исследование преступлений осуществляется на всех стадиях уголовного судопроизводства, включая стадию судебного разбирательства по делу. По этой причине нет оснований для замены устоявшегося в науке термина «судебное исследование преступлений».

Вопрос о криминалистических средствах и методах предотвращения преступлений остается дискуссионным. Не достигнуто общепризнанного мнения о том, должны ли относиться к предметной области криминалистики вопросы предотвращения (предупреждения) преступлений. Обсуждение этой проблемы начато в середине прошлого столетия и, насколько нам известно, никто из авторов не высказывался против отнесения этих вопросов к компетенции криминалистики. Дискуссия велась лишь о том, какие средства и методы предупредительного характера следует отнести к предмету науки криминалистики, ибо меры предупреждения преступности в целом и отдельных видов преступлений призвана разрабатывать криминология. Решение этого вопроса лежало в плоскости разграничения предметных областей этих наук. Имея единый объект изучения — преступную деятельность, — криминология и криминалистика имеют разные предметы познания. К предмету криминологии относятся закономерности, которые характеризуют состояние, динамику, формы и причины преступности и определяют систему предупредительных мер [1: с. 107], а предметом криминалистики являются меры предупреждения преступлений технического и тактического характера, разрабатываемые на основе познания закономерностей возникновения информации о преступлении и работы с доказательствами. Криминология включает в систему предупредительных мер криминалистические меры предупреждения отдельных видов преступлений, но сама их не разрабатывает, а только пользуется ими как данными науки криминалистики [3: с. 174, 175]. В принципе такие же взгляды на эту проблему были у А.И. Винберга, В.П. Колмакова, И.Я. Фридмана, А.Н. Васильева и др. именитых ученых-криминалистов.

К решению вопроса, какие специальные средства и методы предотвращения преступлений должна разрабатывать криминалистика, авторы подходили по-разному. Разброс мнений по данному вопросу был довольно-таки значительный: от отнесения к числу криминалистики всех методов предупреждения преступлений (Г.Н. Александров) до отнесения к числу криминалистических не только технических средств, тактических приемов и методов (С.П. Митричев, А.И. Винберг, В.К. Звирбуль и др.), но и организационных и воспитательных средств и методов (В.Ф. Зудин).

Р.С. Белкин в результате анализа существующих подходов к разрешению данной проблемы пришел к выводу о возможности подразделить все криминалистические средства и методы предотвращения преступлений на следующие группы:

- средства и методы установления причин и условий, способствовавших совершению и сокрытию преступлений;
- средства и методы получения информации о готовящихся преступлениях;
- средства и методы защиты различных объектов от преступных посягательств и создания благоприятных условий для возникновения доказательственной информации [3: с. 154].

До недавнего времени такой подход к разрешению этого вопроса, пожалуй, никем не оспаривался. Однако О.Я. Баев полагает, что отнесение мер предупреждения преступлений к самостоятельной части предметной области криминалистики является «данью времени», относящегося к советской эпохе, и что «предотвращение преступлений, включаемое Р.С. Белкиным и большинством ученых в предметную область криминалистики, осуществляется преимущественно не криминалистическими, а именно оперативно-разыскными средствами и методами, и потому как таковое в предмет криминалистики не входит — оно составляет часть предметной области теории оперативно-разыскной деятельности. Проблемы же предупреждения преступлений — есть, как известно, предмет не криминалистики, а такой науки криминального цикла, как криминологии». И далее: «То, что эти научные дисциплины в своих целях используют наработки криминалистики — процесс естественный, так же как естественным является использование криминалистикой в своих целях наработок этих научных дисциплин» [2: с. 314].

Анализируя эту цитату, мы обнаруживаем, что теория оперативно-разыскной деятельности и криминология, оказываясь, используют все же в своих целях наработки криминалистики. Данная часть цитаты по своему содержанию противоречит общему посылу автора, что средства и методы предотвращения преступлений не относятся к предмету науки криминалистики. Также не стыкуется одно с другим и в той части цитируемого положения, когда автор пишет, что предотвращение преступлений «осуществляется **преимущественно** (выделено нами. — С.Ч.) не криминалистическими, а именно оперативно-разыскными средствами и методами». Такое допущение не исключает включение в определение криминалистики указания на средства и методы предотвращения преступлений.

На наш взгляд, нет каких-либо оснований для исключения из предметной области науки криминалистики средств и методов, используемых в целях предотвращения преступлений, как самой криминалистикой, так и криминологией, и теорией ОРД. В принципе этот вопрос решен положительно законодателем и в таком же духе нашел отражение в уголовно-процессуальной науке.

Так, в процессе предварительного расследования и судебного разбирательства по уголовным делам наряду с другими обстоятельствами должны быть установлены обстоятельства, способствовавшие совершению преступлений (ч. 2 ст. 73 УПК РФ). Их установление в процессе доказывания необходимо для принятия мер по предупреждению новых аналогичных или других преступлений, а в некоторых случаях важно для правильного разрешения уголовного дела [8: с. 27]. В части 2 ст. 158 УПК РФ законодатель наделяет дознавателя, руководителя следственного органа, следователя правом по внесению по уголовному делу в соответствующую организацию или соответствующему должностному лицу представления о принятии мер по устранению установленных обстоятельств, способствовавших совершению преступления. Представление подлежит рассмотрению с обязательным уведомлением о принятых мерах не позднее одного месяца со дня его вынесения. Аналогичным правом наделен суд, который в случае выявления при судебном рассмотрении уголовного дела обстоятельств, способствовавших совершению преступления, вправе вынести частное определение или постановление, в котором обращается внимание соответствующих организаций и должностных лиц на данные обстоятельства, требующие принятия необходимых мер (ч. 4 ст. 29 УПК РФ).

Внесение представления (определения, постановления) должностным лицом органа предварительного расследования (судом) направлено на предотвращение преступлений, недопущение впредь обстоятельств, которые облегчают совершение преступлений и содействуют наступлению преступного результата (например, отсутствие или неисправность сигнализации на объекте, благоприятные условия для изготовления на заводском оборудовании самодельного огнестрельного или холодного оружия и т. п.), формируют решимость совершить преступление и т. д. Доказывание обстоятельств, способствовавших совершению преступления, предполагает разработку тактики соответствующих следственных действий (осмотра места происшествия, осмотра документов и предметов, обыска жилища и рабочего места обыскиваемого, допроса свидетелей, потерпевших, проведения судебной экспертизы). Например, перед судебным экспертом по делам о преступном нарушении правил техники безопасности ставятся вопросы: соответствует ли устройство и техническое состояние машины, агрегата, оборудования, приспособления правилам техники безопасности; достаточно ли было количество имеющихся предупредительных и запрещающих плакатов для обеспечения безопасности работ и др.

Обстоятельства, способствовавшие совершению и сокрытию преступления, подлежат обязательному установлению. Отсутствие в уголовном деле материалов, указывающих на результаты проведения расследования по установлению этих обстоятельств, должно расцениваться как существенный пробел, неполнота следствия или дознания. На это должны обращать внимание начальник органа дознания, руководитель следственного органа и прокурор.

При неполноте следствия в этой части уголовное дело должно направляться на доследование. К сожалению, практика свидетельствует об обратном. Обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, расцениваются отдельными практическими работниками органов расследования как обстоятельства второго сорта, а суды при разрешении дел по существу не обременяют себя исследованием обстоятельств, способствовавших совершению преступлений.

Не менее эффективными, в смысле предотвращения преступлений, являются результаты экспертных исследований, в ходе которых, выполняя задание, сформулированное в постановлении следователя, судебный эксперт выявляет обстоятельства, способствовавшие совершению преступления. Эти обстоятельства могут быть выявлены экспертом и по собственной инициативе, так как в соответствии с п. 4 ч. 3 ст. 57 УПК РФ он вправе давать заключение в том числе по вопросам, хотя и не поставленным в постановлении о назначении судебной экспертизы, но имеющим отношение к предмету экспертного исследования. О выявленных при производстве экспертиз обстоятельствах, способствовавших совершению преступлений, уведомляются соответствующие организации и должностные лица для принятия мер по их устранению. Уведомление в виде выводов и рекомендаций, сформулированных на основе результатов анализа и обобщения экспертной практики, направляются от имени экспертного учреждения за подписью его руководителя.

О положительной роли криминалистических экспертиз в предупреждении преступлений писал С.П. Митричев. При производстве данного рода экспертиз могут проводиться исследования в целях установления, в частности, способа совершения преступления и обстоятельств, облегчивших применение данного способа [7: с. 32].

В.П. Колмаков кардинально подходил к решению этого вопроса. Он предлагал криминалистическую профилактику выделить в самостоятельный раздел криминалистики и отнести к криминалистическим средствам предотвращения преступлений технические средства и тактические приемы, основывающиеся на данных криминалистики и «направленные на выявление, исследование и устранение причин и условий, способствующих преступлениям, а также на предупреждение готовящихся и пресечение начавшихся преступлений» [6: с. 107]. Данная идея автора о создании криминалистической профилактики как самостоятельного раздела криминалистики не вызвала заметного резонанса в научных кругах.

Средства и методы получения информации о готовящихся преступлениях мы не относим к предметной области криминалистики, ибо они должны разрабатываться сугубо теорией оперативно-разыскной деятельности, отпочковавшейся от науки криминалистики. Непосредственными задачами оперативно-разыскной деятельности являются, в частности, выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих или совершающих (ст. 2 ФЗ об ОРД 1995 г.).

В случае выделения судебной экспертологии (общей теории судебной экспертизы) из криминалистики в качестве самостоятельной отрасли знания, о чем писали А.И. Винберг и Н.Т. Малаховская [5] и пишет О.Я. Баев [2: с. 318], вопросы криминалистической профилактики в соответствующей ее части отойдут к этой теории, а пока они относятся к предмету криминалистики.

Разработку средств и методов защиты различных объектов от преступных посягательств и создания благоприятных условий для возникновения доказательственной информации мы также относим к числу задач криминалистической науки. Имеются в виду средства и методы, способствующие возникновению различных следов на теле, предметах одежды и обуви преступника и создающие благоприятные условия для быстрого раскрытия преступлений (разработка, например, запаховых и химических ловушек), препятствующие достижению преступного результата (разного рода запирающие устройства, средства сигнализации), либо вовсе исключаящие преступные посягательства на данную категорию объектов. Использование таких средств и методов в профилактических целях является для преступных элементов сдерживающим фактором.

На основе вышесказанного мы приходим к выводу о том, что одной из важных целей применения разрабатываемых криминалистикой средств и методов является предотвращение преступлений. Криминалистические средства и методы профилактического характера есть не что иное, как важная составляющая общей системы мер предупреждения преступности.

Литература

1. *Аванесов Г.А.* Криминология и социальная профилактика. М.: Акад. МВД СССР, 1980. 526 с.
2. *Баев О.Я.* Самоидентификация современной криминалистики (объект, предмет и субъектная система современной науки криминалистики // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 4 (5). С. 308–323.
3. *Белкин Р.С.* Курс криминалистики: в 3 т. Т. 1: Общая теория криминалистики. М.: Юристъ. 1997. 408 с.
4. *Белкин Р.С.* Криминалистическая энциклопедия. М.: Мегатрон XXI, 2000. 334 с.
5. *Винберг А.И., Малаховская Н.Т.* Судебная экспертология (Общетеоретические и методологические проблемы судебных экспертиз). Волгоград, 1978. 182 с.
6. *Колмаков В.П.* Некоторые вопросы криминалистической профилактики преступлений // Сов. государство и право. 1961. № 12. С. 106–109.
7. *Митричев С.П.* Предупреждение преступлений и задачи судебной экспертизы // Соц. законность. 1961. № 12. С. 32–35.
8. *Чурилов С.Н.* Предмет доказывания в уголовном судопроизводстве и криминалистике: научно-практическое пособие. М.: ЗАО Юстицинформ, 2010. 136 с.

Literatura

1. *Avanesov G.A.* Kriminologiya i social'naya profilaktika. M.: Akad. MVD SSSR, 1980. 526 s.

2. *Baev O.Ya.* Samoidentifikaciya sovremennoj kriminalistiki (ob''ekt, predmet i sub''ektnaya sistema sovremennoj nauki kriminalistiki // Biblioteka kriminalista. Nauchny'j zhurnal. 2012. № 4 (5). S. 308–323.

3. *Belkin R.S.* Kurs kriminalistiki: v 3 t. T. 1: Obshhaya teoriya kriminalistiki. M.: Yurist''. 1997. 408 s.

4. *Belkin R.S.* Kriminalisticheskaya e'nciklopediya. M.: Megatron HHI, 2000. 334 s.

5. *Vinberg A.I., Malaxovskaya N.T.* Sudebnaya e'kspertologiya (Obshheteoreticheskie i metodologicheskie problemy' sudebny'x e'kspertiz). Volgograd, 1978. 182 s.

6. *Kolmakov V.P.* Nekotory'e voprosy' kriminalisticheskoy profilaktiki prestuplenij // Sov. gosudarstvo i pravo. 1961. № 12. S. 106–109.

7. *Mitrichev S.P.* Preduprezhdenie prestuplenij i zadachi sudebnoj e'kspertizy' // Soc. zakonnost'. 1961. № 12. S. 32–35.

8. *Churilov S.N.* Predmet dokazyvaniya v ugovennom sudoproizvodstve i kriminalistike: nauchno-prakticheskoe posobie. M.: ZAO Yusticininform, 2010. 136 s.

S.N. Churilov

About the Purpose of the Application of Forensic Tools and Techniques

Contrary to the views of individual authors the author of the article persists in the opinion that the subject area of criminology includes specific means and methods for the prevention of crimes that are considered as an important component of the overall system of crime prevention measures.

Keywords: forensic tools and techniques; the purposes of use; crime prevention.

Р.Ш. Рахматулина

Ответственность провайдера

Статья посвящена ответственности провайдера, использованию на интернет-ресурсах результатов интеллектуальной деятельности. Рассматриваются пределы ответственности провайдера в случаях использования объектов интеллектуальной собственности на различных сайтах физических и юридических лиц. Анализируются изменения законодательства, связанные с вопросами ответственности провайдера. Проведено сравнение использования объектов интеллектуальной собственности на иностранных и российских интернет-сайтах.

Ключевые слова: хостинг; провайдер; авторское право; интернет-сайт; результаты интеллектуальной деятельности.

Введенная Законом № 187-ФЗ от 2 июля 2013 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях» статья 1253.1 регулирует особенности ответственности информационного посредника. Информационный посредник — это лицо, которое передает материал в сети Интернет, предоставляя возможность не только размещения этого материала или информации, но и доступа к материалу в этой Сети.

Понятия «интернет-провайдер» в российском законодательстве не содержится.

В Законе № 149-ФЗ от 27 июля 2006 г. «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее — Закон об информации) в статье 2 содержатся такие понятия, как «провайдер хостинга» и «владелец сайта в сети Интернет».

Провайдер хостинга — лицо, оказывающее услуги по предоставлению вычислительной мощности для размещения информации в информационной системе, постоянно подключенной к сети Интернет. Провайдер хостинга обеспечивает обладателя информации — владельца сайта — сетевым адресом и доменным именем.

Любой сайт — это сложный объект интеллектуальной собственности с другими результатами интеллектуальной деятельности, а также информационный

ресурс. Разные результаты интеллектуальной деятельности, объединенные в сложный объект, охраняются как каждый в отдельности, так и вместе как единый объект.

Владелец сайта в сети Интернет — лицо самостоятельное и по своему усмотрению определяющее порядок использования сайта в сети Интернет, в том числе порядок размещения информации на своем сайте.

Субъекты — абоненты, заказчики (юридические и физические лица, индивидуальные предприниматели), которые размещают на принадлежащих им сайтах различную информацию, к содержанию которой устанавливаются специальные требования.

Рассмотрим правовую ответственность провайдеров в России и зарубежных странах.

В России наиболее частые споры с правообладателями возникают по следующим нижеперечисленным объектам интеллектуальной собственности.

Воспроизведение на сайтах карт, на которых отображаются схемы проезда к месту нахождения владельца сайта, например, его магазина.

В соответствии с пунктом 1 статьи 1259 ГК РФ и статьи 3 Закона № 209-ФЗ «О геодезии и картографии», географические, геологические и другие карты, планы и т. д. отнесены к объектам авторского права, и любое их заимствование будет нарушением. Судебная практика в таких делах полностью на стороне правообладателя, т. е. любое заимствование будет считаться нарушением интеллектуальных прав.

Использование чужой рекламы, рекламного слогана или малейшая схожесть с рекламным продуктом будет считаться также нарушением, так как сама реклама — это интеллектуальный продукт (объект авторского права: аудиовизуальное произведение).

Использование на сайтах музыки или текста песен, авторских фотографий, аудиовизуальных произведений: мультипликационных и художественных произведений без разрешения правообладателя также не допускается. Все вышеперечисленные объекты — объекты авторского права (произведения литературы науки и искусства). Право на такие объекты возникает с момента создания, и это право, в соответствии с российским и международным законодательством, регистрировать не надо [1: с. 129]. Но есть такие объекты, право на которые трудно доказать, как, например, программы ЭВМ и базы данных. Их регистрируют в Патентном ведомстве, но в отличие от объектов патентного права, право на эти объекты возникает с момента их создания в силу того, что программа ЭВМ и база данных — это объекты авторского права.

Знаки охраны «С» и «Р» уведомляют о принадлежности и охране авторских и смежных прав. Отсутствие таких знаков на объектах авторских и смежных прав не обязательно говорит о том, что такие результаты интеллектуальной деятельности не охраняются.

С защитой интеллектуальных прав связана коммерциализация результатов интеллектуальной деятельности и эффективное управление ею [2: с. 84].

Использование средств индивидуализации и других чужих обозначений на сайтах также будет нарушением прав правообладателей результатов интеллектуальной деятельности.

Особенность прав на средства индивидуализации заключается в том, что они могут закрепляться не только за их разработчиками, но и за лицами, зарегистрировавшими их на свое имя [3: с. 22].

При регистрации доменного имени может возникнуть ситуация, когда такое название уже зарегистрировано, как, например, в товарном знаке. И это будет являться основанием для отказа в регистрации (хотя бывают случаи и регистрации, тогда обладатель товарного знака в судебном порядке может просить суд о принятии решения об аннулировании такого доменного имени).

Использование чужих результатов интеллектуальной деятельности на сайтах приводит к различного рода ответственности. Информационный посредник не понесет ответственности за нарушение интеллектуальных прав на результаты интеллектуальной деятельности в случаях передачи информации в Сеть об объектах интеллектуальной собственности при соблюдении следующих условий:

- он не сам передает информацию об объектах интеллектуальных прав и не определяет того, кто такой материал опубликовал;
- не изменяет материал-информацию при оказании услуг связи, за исключением изменений, которые касаются технологического процесса передачи;
- не знал и не мог знать о том, что использование объектов интеллектуальной собственности лицом, который осуществлял передачу материала, содержащего такие объекты, является неправомерным;
- в случаях получения заявления от правообладателя о нарушении его интеллектуальных прав и при принятии немедленных мер для прекращения таких нарушений.

Применительно к гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительных прав (а это как раз видно из дела № А40-75669/08-110-609 провайдера — общества с ограниченной ответственностью «Агава-софт», касающегося использования фотографических произведений), к которой привлекался хостинг-провайдер, а также при привлечении к ответственности и владельцев социальных и файлообменных интернет-ресурсов, суды часто применяют позицию, высказанную в Постановлении Президиума ВАС РФ от 1 ноября 2011 г. № 6672/11. В данном деле суд указал о необходимости установить были ли совершены провайдером действия по удалению, блокированию спорного контента или доступа нарушителя к сайту после того, как ему стало известно о нарушении исключительных прав правообладателя (в связи с привлечением к участию в деле провайдера в качестве ответчика).

В этом деле не были учтены материалы Президиума Высшего арбитражного суда Российской Федерации (Постановление от 23 декабря 2008 г. № 10962/08), в соответствии с которыми судам следует рассматривать участие провайдера

в делах по передаче и хранению охраняемой информации: может ли провайдер контролировать наполнение спорной информации. Провайдер не будет нести ответственность за передаваемую информацию, если он не инициирует ее передачу, не выбирает получателя информации, не влияет на ее целостность, а также принимает превентивные меры по предотвращению использования объектов исключительных прав без согласия правообладателя [4: с. 17].

Пути решения. Провайдер должен доказать, что он не получил прибыли от пользователей хостинга провайдера, где были использованы чужие результаты интеллектуальной деятельности. Также у провайдера должны быть специальные технические возможности для быстрого устранения всех нарушений интеллектуальных прав.

При рассмотрении дел, связанных с нарушениями интеллектуальных прав, суд будет учитывать оперативность действий провайдера по скорейшему удалению или блокировке контента, содержащего чужие результаты интеллектуальной деятельности. В иных случаях будет признана вина провайдера.

Таким образом, если говорить, например, о музыкальных, аудиовизуальных произведениях, то ответчик (провайдер) должен будет доказывать в суде, что не совершал действий по доведению до всеобщего сведения музыкального, аудиовизуального произведения (Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 1 февраля 2010 г. № 09АП-26277/2009-ГК, Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 11 мая 2010 г. № КГ-А40/3891-10 по делу № А40-89751/08-51-773 (ООО «Первое музыкальное издательство» против ООО «Рамблер Интернет Холдинг»)) [5].

В Китае и на Ближнем Востоке, например, провайдер несет ответственность за все действия пользователей независимо от того, знал он о нарушениях или нет. В европейских странах и в США провайдер не понесет ответственности, если докажет, что он невиновен. Если на российском хостинге будут размещены сведения или материалы, нарушающие американское законодательство, то, в соответствии с американскими нормами (Digital Millenium Copyright Act (DMCA) 1998), правообладатель должен отправить письмо провайдеру об удалении незаконных материалов. При этом, если сведения будут иметь какую-нибудь связь с США, например, использование английского языка на сайте, то тогда американское законодательство может быть применено в отношении нерезидентов. В спорах в интернет-пространстве американские суды применяют свои нормы, даже при самой минимальной связи с территорией США.

Далее рассмотрим правоотношения, которые не связаны с правом интеллектуальной собственности.

С 2006 года в России действует Федеральный закон № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», который предусматривает различные условия наступления ответственности в случае оказания услуг по передаче информации и по хранению информации соответственно (п. 3 ст. 17).

Оператор (провайдер) связи обеспечивает пользователю возможность пользования услугами связи 24 часа в сутки и обязан соблюдать тайну информации и тайну связи. Сведения об оказанных услугах и об информации, передаваемой по сети передачи данных, могут предоставляться только абонентам и (или) пользователям или их уполномоченным представителям, если иное не предусмотрено федеральными законами. Приостановить оказание услуг связи оператор вправе только в случаях, предусмотренных законодательством РФ (Федеральный закон «О связи» (п. 1 ст. ст. 13, 63, 64); Постановление Правительства РФ от 23 января 2006 г. № 32 «Об утверждении Правил оказания услуг связи по передаче данных»; Постановление Правительства РФ от 10 сентября 2007 г. № 575 «Об утверждении Правил оказания телематических услуг связи»).

Если охватывать вопросы защиты деловой репутации, то необходимо обратиться к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства, а также деловой репутации граждан и юридических лиц». В пункте 5 этого Постановления перечислены все надлежащие ответчики по искам о защите чести, достоинства и деловой репутации, которыми кроме авторов и лиц, распространивших порочащие сведения, могут быть автор и редакция соответствующего средства массовой информации, то есть организация, физическое лицо или группа физических лиц, осуществляющие производство и выпуск данного средства массовой информации.

Если говорить об ответственности конкретных лиц в зоне Интернета, то возникает следующая картина:

- владелец сайта;
- автор;
- провайдер.

Здесь не вошел сервис-провайдер, который помогает осуществлять взаимоотношения пользователя с Интернетом.

Как показывает практика, владельцы серверов не несут ответственности по той информации, которая находится на их площадке в случае, когда сервер повторяет точь-в-точь зарубежную информацию на другом языке. В этих случаях страницы не контролируются.

Хост-провайдеры, сервис-провайдеры, распространители информации могут преследоваться в том случае, если они сознательно помещают на всеобщее обозрение противоправную информацию, информацию, нарушающую публичные интересы, порядок, права и интересы граждан.

В любом случае здесь должен действовать принцип презумпции невиновности, и виновное действие должно быть доказано судом. Поэтому провайдеры должны сами отслеживать всю информацию в своем сегменте (на своем сервере) в Интернете. Если после уведомления соответствующих служб, они не предпримут действий по устранению нарушений и это будет доказано, то провайдеры тогда должны нести соответствующую ответственность.

Сложными в виртуальном пространстве Интернета являются отношения с иностранным элементом. В таких отношениях интернет-сделка может быть заключена между гражданами разных стран, и в этом случае находящаяся на сервере информация может нарушать зарубежное законодательство по охране объектов интеллектуальной собственности и т. д.

При таких спорах с участием иностранных лиц возникают проблемы следующего характера: право какого государства применит суд при разрешении спора и какие коллизионные привязки будут использованы для определения применимого права – «закон места нахождения», «закон места заключения», «закон места причинения» и др.; суд какой страны будет вправе рассматривать спор. В интернет-отношениях с иностранным элементом не всегда возможен выбор применимого права.

Как считает И.М. Рассолов, необходимо выбирать применимое право по «месту нахождения сервера» и в обоснование своих доводов приводит пример следующего судебного разбирательства в отношении сайта «Ингушетия.ру»: «уголовное дело возбудили по заявлению прокуратуры Ингушетии из-за статьи журналиста газеты «Ангушт», размещенной на этом информационном ресурсе. В апреле 2008 г. Московский городской суд отказался рассматривать дело о признании сайта экстремистским и запрете его деятельности. Мосгорсуд посчитал производство дела неподсудным и перенаправил его в Кунцевский районный суд по месту регистрации владельца сайта. В свою очередь, Кунцевский районный суд г. Москвы посчитал, что это дело находится в его юрисдикции, несмотря на то, что сайт зарегистрирован в США, а деятельность ресурса связана с территорией Ингушетии. Таким образом, российский суд провозгласил сразу несколько важных принципов, которые легли в основу судебной практики в России. Суд установил подсудность данных споров, исходя из принципа фактического присутствия ответчика на территории страны суда, провозглашая закон своей территории по данному делу. Уголовное дело возбудили по ч. 1 ст. 282 УК РФ по месту жительства владельца доменного имени (защита в ходе прений отрицала, что предполагаемый субъект преступления является владельцем самого сайта). Мосгорсуд посчитал, что сайт «Ингушетия.ру» не является СМИ, что вытекает из критериев определения подсудности и отсутствия предварительного письменного предупреждения, которое обычно направляется учредителю и (или) редакции (главному редактору) до закрытия СМИ по Закону «О средствах массовой информации» (ст. 16)» [6: с. 120].

В спорах в интернет-пространстве с участием иностранных лиц очень часто встает вопрос, куда подавать иск, в суд какого государства. В таком случае определяется место нахождения ответчика.

Пути решения. Многие провайдеры копируют всю информацию в архивы. В случае привлечения провайдера к ответственности он должен сам найти надлежащего ответчика — автора ненадлежащей информации, при этом у провайдера есть все возможности произвести такой поиск. Кроме того,

провайдеры могут регулярно копировать информацию в архивы со специальных лог-файлов, хранить такую информацию и должны предоставлять ее по требованию всех государственных органов.

Таким образом, если провайдер будет американским юридическим лицом, а правообладатели интернет-сайтов российскими физическими лицами или индивидуальными предпринимателями, то российская юрисдикция не будет распространяться на провайдера, если сам сервер находится в США. Но при этом может возникнуть ситуация о связи с российским правом, как в перечисленных выше случаях.

К вопросу об ответственности относятся также поправки к известному «антипиратскому закону» (Законопроект № 458668-6 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»» // Собрание законодательства. 2014. № 48. Ст. 6645).

В соответствии с этими поправками может быть заблокирован доступ к интернет-пространству, где содержится запрещенная продукция — результаты интеллектуальной деятельности в области авторских и смежных прав (электронные книги, переводы, музыкальные произведения, программы ЭВМ и др.). Данным законом введена мера блокирования доступа к сайту на территории России «навсегда», если владелец не раз нарушал права обладателей объектов интеллектуальной собственности. Мосгорсуд как первая инстанция рассматривает споры о защите прав на все объекты авторских и смежных прав в Интернете: музыку, книги, игры, программное обеспечение, кроме фотографий и «произведений, полученных способами, аналогичными фотографии». Этими же полномочиями Мосгорсуд обладал чуть раньше в отношении кинематографических произведений (№ 187-ФЗ от 02.07.2013). В связи с этим в Мосгорсуд может обратиться правообладатель как за предварительными обеспечительными мерами, так и мерами для удаления всей информации, имеющей отношение к нарушению его прав на результаты интеллектуальной деятельности.

В соответствии с законом, при первом же обращении правообладателя о нарушении права провайдер должен отреагировать на заявление блокировкой сайта и другими мерами, как было описано выше.

Литература

1. Интеллектуальная собственность: учебное пособие / под ред. Н.М. Коршунова. М.: Норма, 2008. 400 с.
2. Жарова А.К., Елин В.М., Демьянец М.В. Предпринимательская деятельность в сети Интернет: монография. М.: ЮРКОМПАНИ, 2014. 440 с.
3. Рассолов И.М. Право и Интернет. Теоретические проблемы. 2-е изд., доп. М.: Норма, 2009. 210 с.
4. Савельев А.И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование: монография. М.: Статут, 2014. 543 с.
5. Харитоновна Ю.С. О классификации отношений, в предмет которых входит управленческая деятельность по гражданскому законодательству РФ // ЭПОС. 2009. № 3 (39). С. 84–92.

6. Харитоновна Ю.С. Средства индивидуализации предпринимателей и результатов их деятельности в гражданском праве России. М.: Московский институт управления, 2009. 56 с.

Literatura

1. Интеллектуальная собственность: учебное пособие / под ред. N.M. Korshunova. М.: Norma, 2008. 400 с.

2. Zharova A.K., Elin V.M., Dem'yanecz M.V. Предпринимательская деятельность в сети Интернет: монография. М.: YuRKOMPANI, 2014. 440 с.

3. Rassolov I.M. Право и Интернет. Теоретические проблемы. 2-е изд., доп. М.: Norma, 2009. 210 с.

4. Savel'ev A.I. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование: монография. М.: Statut, 2014. 543 с.

5. Харитоновна Ю.С. О классификации отношений, в предмет которых входит управленческая деятельность по гражданскому законодательству РФ // Е'POS. 2009. № 3 (39). С.84–92.

6. Харитоновна Ю.С. Средства индивидуализации предпринимателей и результатов их деятельности в гражданском праве России. М.: Московский институт управления, 2009. 56 с.

R.Sh. Rahmatulina

Liability of the Provider

The article deals with the liability of the provider and the use of results of intellectual property in the Internet resources. We consider the limits of the provider's liability in case of use of intellectual property on various sites of individuals and entities. The changes in legislation relating to matters of provider's liability are analyzed. A comparison of the use of intellectual property on Russian and foreign Internet sites is given.

Keywords: hosting; provider; copyright; website; intellectual property.

**Л.Б. Ситдикова,
С.Ю. Стародумова**

Имущественная ответственность опекунов и недееспособных лиц

В статье проводится анализ норм действующего законодательства в отношении имущественной ответственности опекунов недееспособных лиц. В целом дефиниция ответственности является дискуссионной, что касается ответственности опекунов, то данный вопрос крайне остро нуждается в правовой доработке, причем в различных аспектах.

Ключевые слова: ответственность; имущественная ответственность; опекун; недееспособность.

Гражданско-правовая ответственность опекунов недееспособных лиц — крайне неизученная сфера, и многие авторы ограничиваются лишь рассмотрением ст. 1076 ГК РФ [2], при этом об ответственности опекунов вообще упоминается весьма редко.

Давая характеристику ответственности опекунов, возникает вопрос о том, что мы можем понимать под ответственностью. К сожалению, в ГК РФ не содержится дефиниции «ответственность». Это неудивительно, законодатель намеренно при составлении Гражданского кодекса избегал включения в него спорных понятий, оставляя право на свободное толкование его норм правоприменителями, что крайне несвойственно для системы романо-германского права. Однако в доктрине права существует огромное множество подходов к пониманию ответственности. В данной статье мы не будем подробно останавливаться на проблеме определения понятия ответственности, а используем следующую дефиницию: гражданско-правовая ответственность — одна из форм государственного принуждения, предусмотренная санкцией правовой нормы гражданского законодательства посредством мер ответственности в отношении правонарушителя, выражающихся в возложении на него дополнительной гражданско-правовой обязанности, в претерпевании им лишений и ограничений личного, имущественного или организационного характера и направленных на восстановление нарушенной имущественной сферы потерпевшего.

Вопрос ответственности опекунов здесь будет рассмотрен с точки зрения ст. 24 ГК РФ [1], посвященной имущественной ответственности. Из смысла данной статьи можно вывести определение понятия имущественной ответственности гражданина: имущественная ответственность гражданина — это ответственность гражданина по своим обязательствам всем принадлежащим ему имуществом, за исключением имущества, на которое в соответствии

с законом не может быть обращено взыскание. Отсюда следует, что ответственность гражданина возникает из обязательств. Согласно п. 2 ст. 307 ГК РФ, обязательства возникают: из договоров и других сделок; вследствие причинения вреда; неосновательного обогащения; из иных оснований, указанных в Гражданском кодексе РФ. Согласно ст. 1076 ГК РФ, ответственность за вред, причиненный недееспособным гражданином, несет опекун или организация, обязанная осуществлять за ним надзор, если не будет доказано, что вред возник не по их вине. Из положений этой статьи и упомянутой ст. 307 ГК РФ следует, что ответственность опекуна не ограничивается ст. 1076 ГК РФ, посвященной ответственности за причинение вреда недееспособным лицом, а ответственность за вред, причиненный недееспособным лицом, является лишь частью имущественной ответственности как недееспособного лица, так и его опекуна.

Рассмотрим более предметно ответственность опекунов недееспособных лиц. Для этого необходимо будет исследовать возможные варианты оснований возникновения такой ответственности, а оснований, при детальном анализе, оказалось достаточно много, и все они носят сложный и неоднозначный характер. Так при каких же обстоятельствах мы можем говорить о возникающей ответственности опекуна?

Как известно из ст. 21, п. 2 ст. 29 и п. 2 ст. 32 ГК РФ, а также п. 1 ст. 2 ФЗ «Об опеке и попечительстве» [3], лицо, признанное недееспособным, не может самостоятельно своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их, а все юридически значимые действия или сделки от имени недееспособного лица совершает его опекун.

«Новеллой российского законодательства является введение в норму п. 2 ст. 29 ГК РФ положения, согласно которому опекун при совершении сделки в интересах недееспособного лица обязан учитывать мнение недееспособного, а при невозможности установления его мнения — с учетом информации о его предпочтениях, полученной от третьих лиц. Содержание данной нормы вызывает обоснованное недоумение» [4: с. 5]. Новая редакция п. 2 ст. 29 ГК РФ фактически возлагает на опекуна обязанность оценивать психическое состояние недееспособного в целях установления факта возможности или невозможности учета мнения недееспособного по поводу совершаемой сделки. Существенную роль играет здесь субъективное мнение как самого опекуна при учете мнения недееспособного по поводу сделки, так и добросовестность его поведения при совершении такой сделки.

«Признавая гражданина недееспособным, суд учитывает совокупность юридических фактов: медицинский критерий — психическое расстройство и юридический критерий — неспособность (невозможность) понимать значение своих действий или руководить ими. Последнее обстоятельство является прямым следствием первого. При этом суд принимает во внимание как одно из доказательств заключение судебно-психиатрической экспертизы, установившей данные юридические факты. В действительности же такой гражданин,

как субъект права, не способен от своего имени участвовать не только в сфере правового регулирования, но и в обычной жизни, когда он совершает действия фактического, неправового характера. Для восполнения такой недостаточности социальной адаптации недееспособному и назначается опекун» [4: с. 5].

Согласно ст. 171 ГК РФ, сделка, совершенная гражданином, признанным недееспособным вследствие психического расстройства, — ничтожна по пороку субъектного состава. Таким образом, самостоятельно, без чьего либо участия, недееспособное лицо не может совершать сделки, вместо него от его имени это осуществляет опекун при известных ограничениях для сделок, допустимых к совершению опекуном и установленных в ФЗ «Об опеке и попечительстве».

Самым стандартным случаем рассмотрения ответственности опекуна является случай, когда недееспособное лицо причинило вред здоровью или имуществу других лиц. При таких обстоятельствах в силу вступают положения ст. 1076 ГК РФ, а также п. 2 ст. 26 ФЗ «Об опеке и попечительстве», по которым, как уже ранее говорилось, ответственность за вред будет нести опекун или уполномоченная организация, если не докажут, что вред возник не по их вине. При этом если опекун умер или не имеет достаточных средств для возмещения вреда, причиненного именно жизни или здоровью потерпевшего, а само недееспособное лицо обладает таковым, суд с учетом всех обстоятельств дела, включая имущественное положение недееспособного лица и потерпевшего, вправе принять решение о возмещении вреда полностью или частично за счет самого причинителя вреда (п. 3 ст. 1076 ГК РФ). Данная статья ГК РФ не рассматривает случаи, когда у организации, обязанной осуществлять надзор за недееспособным лицом, нет достаточного имущества для возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью потерпевшего, поэтому здесь необходимо отметить важный момент, а именно — будет ли в таком случае возмещаться вред с учетом всех обстоятельств за счет имущества недееспособного лица? Исходя из положений данной статьи — нет. Также в статье не рассматривается вопрос о состоянии данной организации в процессе ликвидации, что само по себе вполне возможно.

Теперь обратимся к рассмотрению более сложных вариантов. Как не раз подчеркивалось, недееспособное лицо самостоятельно не может заключить сделку, однако сделка, согласно ст. 153 ГК РФ, влечет установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей, при этом необязательно, что момент этого установления, изменения или прекращения гражданских прав и обязанностей наступает именно в момент заключения сделки, нередки случаи, когда обязанности исполнить какое-либо обязательство по сделке возникают намного позже, в зависимости от того, что было прописано в договоре, то есть о чем договорились стороны. Отсюда возможен такой вариант, когда лицо, будучи еще дееспособным, заключило сделку с другим лицом, однако необходимость исполнить обязательства по ней возникла лишь спустя определенное время, за которое это лицо было признано решением суда недееспособным вследствие психического расстройства. Выходит, что обязательство проистекает из договора,

но обязанность исполнить его возникает уже у недееспособного лица, поскольку статус этого лица уже изменился. Таким образом, у недееспособного лица возникает обязанность исполнить свои обязательства по договору, заключенному им ранее. Если оно исполняет свои обязательства, тогда данный вопрос считается решенным, однако если лицо не исполняет или исполняет ненадлежащим образом свои договорные обязательства, тогда оно должно нести ответственность за неисполнение или исполнение ненадлежащим образом своих обязательств. Следовательно, недееспособное лицо должно будет нести ответственность. Однако возможно ли это? Если недееспособное лицо не способно понимать значения своих действий или руководить ими, — оно не сможет и исполнить свои обязательства по договору. Опекун же осуществляет от имени недееспособного лица все юридически значимые действия, но несет ответственность согласно порядку, установленному гражданским законодательством, лишь по сделкам, совершенным им от имени недееспособных лично, а не по сделкам, совершенным недееспособным лицом ранее или уже будучи недееспособным (второй вариант будет рассмотрен позднее). Опекун именно «осуществляет» юридически значимые действия, а не «обязан их осуществлять». В ст. 15 ФЗ «Об опеке и попечительстве» установлено, что обязанности опекунов предусмотрены гражданским законодательством. В ст. 36 ГК РФ закреплены следующие обязанности опекуна: извещать органы опеки и попечительства о перемене места жительства, забота о содержании своих подопечных и об их восприятии собственных действий и руководство ими, об обеспечении их уходом и лечением, защита прав и интересов подопечных и др. Этим перечнем законодательно закрепленные обязанности опекуна недееспособного лица и заканчиваются. Среди данных обязанностей нет обязанности по выполнению юридически значимых действий. Поскольку недееспособное лицо считается либо не понимающим значения своих действий, либо не в состоянии ими руководить, то для законодателя, как отмечает Е.В. Каймакова, «...совершенно естественно, что оно не имеет своей воли, а, значит — не может давать распоряжения опекуну, по крайней мере, у опекуна нет обязанности выполнять распоряжения подопечного, ведь он признан недееспособным вследствие психического расстройства» [5: с. 24]. Таким образом, опекун может и не выполнять обязательств, которые возникли по договору у недееспособного лица, поскольку не обязан выполнять поручения подопечного и не обязан исполнять юридически значимые действия. Однако этого недостаточно. В дополнение к этому отметим, что опекун может даже и не знать о существовании той или иной сделки недееспособного лица, заключенной им еще будучи дееспособным, и возникших обязательств по ней, а недееспособное лицо могло и не сказать о ней в силу своего психического состояния.

В данном случае при предъявлении иска в суд к недееспособному лицу, опекун не будет нести ответственность за недееспособное лицо своим имуществом (хотя и вправе совершать сделки от имени недееспособного), поскольку обязательства возникли из договора, заключенного лицом дееспособным и не были исполнены уже недееспособным лицом, то есть ответственность будет возникать из данного договора, но именно у его сторон. Опекун же не является стороной по данному договору. Как указывает М.В. Карпов, опекун лично будет нести

ответственность, возникающую лишь в силу акта органов местного самоуправления о назначении опекуна, из которого и возникают отношения между опекуном и подопечным [6: с. 25]. Ответственность опекуна будет возникать в данном случае только в отношении недееспособного лица и только на основании составленного органом опеки и попечительства акта об обнаружении ненадлежащего исполнения опекуном обязанностей по охране имущества подопечного или управлению имуществом подопечного, которые повлекли за собой уменьшение стоимости имущества подопечного и других действий. Орган опеки и попечительства затем предъявляет требования к опекуну о возмещении убытков, причиненных подопечному. Таким образом, опекун не должен нести ответственность по обязательствам недееспособного лица, возникшим из договора, заключенного недееспособным лицом в момент, когда оно еще обладало дееспособностью.

Недееспособные лица не несут ответственности вследствие нарушения обязательств по договору, а значит, при обращении с иском контрагента недееспособного лица в суд о возмещении убытков за неисполнение или ненадлежащее исполнение недееспособным лицом своих обязательств (п. 1 ст. 393 ГК РФ), суд может отказать в иске в связи с отсутствием вины недееспособного лица. На опекуна же, как говорилось ранее, данная ответственность не может быть возложена, в силу того, что он не имел обязанности по исполнению обязательств по данному договору и не являлся его стороной, а значит, надлежащим ответчиком являться не будет. Опекун лишь будет нести ответственность перед недееспособным лицом в виде возмещения убытков, если таковые возникли, однако, представляется, только при условии, если будет доказано, что он знал о существующем договоре и намеренно не осуществлял действий, направленных на его исполнение, что и повлекло обращение контрагента недееспособного лица в суд.

Также следует отметить, что не происходит смены лиц в обязательстве при признании лица недееспособным. Оно также остается стороной и должником, однако утрачивает полностью возможность исполнить свои обязательства, поскольку лишается дееспособности, то есть возможности исполнять гражданские обязанности. Те обязанности, которые это лицо создало себе, не переходят автоматически на его опекуна, нигде в законодательстве нет подобной нормы.

Как отмечает Е.А. Татаринцева, «...опекун лишь несет ответственность за сделки, совершенные от имени недееспособного, а значит только лишь за сделки, осуществленные, во-первых, уже в период, когда лицо стало недееспособным, а во-вторых, только за те сделки, которые он сам совершил от имени недееспособного» [7: с. 23]. Причем данное положение, по нашему мнению, прописано четко, без каких-либо возможностей толкования. Отсюда следует вывод, что у недееспособного лица нет никакой возможности исполнить обязательства по сделке ни лично, ни заставить это сделать опекуна, а значит, можно предположить, что возникнет ситуация, когда обязательство не может быть исполнено и вследствие этого будет прекращено по ст. 416 ГК РФ.

В случае, когда недееспособное лицо заключило договор еще будучи дееспособным и неисполнение обязательств или ненадлежащее исполнение обязательств возникло еще в момент, когда лицо было дееспособным, можно

говорить о том, что как вина, так и возможность исполнить обязательства у лица имелась на тот период, когда оно было дееспособным, и это никак не связано с его теперешним состоянием недееспособного. Следовательно, это лицо будет надлежащим ответчиком в суде при предъявлении к нему требований кредиторов и будет нести ответственность всем своим имуществом, однако посредством осуществления всех необходимых юридически значимых действий опекуном. Если же опекун не исполнит решение суда, тогда санкции будут применены также к имуществу его подопечного, однако затем, согласно ст. 26 ФЗ «Об опеке и попечительстве», органы опеки и попечительства предъявят требования опекуну о возмещении убытков, причиненных недееспособному лицу.

Теперь рассмотрим второй случай, когда договор был заключен лицом, уже признанным решением суда (вступившим в законную силу) недееспособным. Как уже говорилось ранее, согласно п. 1 ст. 171 ГК РФ, сделки, заключенные недееспособным лицом, — ничтожны. Однако, согласно п. 2 ст. 171 ГК РФ, по требованию опекуна в интересах недееспособного лица решением суда сделка, заключенная недееспособным гражданином, может быть признана действительной, если она совершена к выгоде недееспособного лица. Сделка, которая была признана действительной, будет порождать права и обязанности, а следовательно, при неисполнении обязательств по ней, также будет возникать и ответственность за ее неисполнение или исполнение ненадлежащим образом. Здесь очевидно, что данную ответственность будет нести опекун, согласно п. 1 ст. 26 ФЗ «Об опеке и попечительстве», как по сделкам, совершенным от имени недееспособного лица. В данном случае будет применяться аналогия закона (ст. 6 ГК РФ). При этом опекун будет нести ответственность в порядке, установленном гражданским законодательством. Следовательно, поскольку опекун выступает от имени недееспособного лица и распоряжается его имуществом, то и ответственность будет реализовываться за счет имущества подопечного. При этом, как уже неоднократно рассматривалось ранее, опекун в этом случае своим имуществом ответственности нести не будет, поскольку не является стороной по договору и у него не возникает обязательств из него, а следовательно — и ответственности. В таком случае при возбуждении гражданского дела в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением недееспособным лицом своих обязательств по сделке, которая была заключена недееспособным лицом и признана действительной, а также по сделке, которая была заключена опекуном от имени недееспособного лица — ответчиком в суде будет недееспособное лицо, опекун — его представителем. Имуществом, на которое будет обращено взыскание, будет имущество недееспособного лица. Впоследствии, из-за недобросовестности выполнения своих обязанностей опекуна, согласно ст. 26 ФЗ «Об опеке и попечительстве», будет возмещать убытки недееспособному лицу. Данная ситуация происходит именно так, поскольку предполагается, что все действия, которые совершает опекун, совершаются в интересах и в пользу подопечного, иначе опекуна лишат его права опекунства. Контроль же за добросовестностью опекуна должны своевременно осуществлять органы опеки и попечительства (ст. 7, ст. 8, ст. 24 ФЗ «Об опеке и попечительстве»). И если незаконными действиями или бездействиями органов опеки и попечительства был

причинен вред подопечному, он подлежит возмещению в порядке, предусмотренном гражданским законодательством (ст. 28 ФЗ «Об опеке и попечительстве»).

Важно отметить, что опекун, назначаемый недееспособному лицу, фактически действует от имени недееспособного лица, то есть он замещает дееспособность недееспособного лица своими действиями. Осуществляя юридически значимые действия, опекун приобретает и осуществляет гражданские права, а также создает гражданские обязанности и исполняет их от имени и для недееспособного лица, то есть — вместо него. Другой вопрос, что не все права может осуществлять опекун вместо недееспособного лица, например, право избирать и быть избранным согласно ст. 32 Конституции РФ недееспособному лицу не принадлежит вообще, а, значит, не может быть исполнено и посредством опекуна.

Таким образом, в случае когда речь идет об обязанности недееспособного лица, которая проистекает из договора или из другого обстоятельства, кроме обязательства из причинения вреда, ст. 1076 ГК РФ неприменима, и аналогия ее — также. Если бы законодатель уделил больше внимания вопросу правового положения недееспособных лиц, он бы предусмотрел отдельный пункт в ст. 29 ГК РФ, который был бы посвящен разрешению вопроса об имущественной ответственности недееспособных лиц, а тем самым — и их опекунов. Основания делать подобное заявление связаны с тем, что по отношению к лицам, обладающим неполной дееспособностью в силу возраста, а также к лицам, ограниченным в дееспособности, законодатель предусмотрел в каждой статье положение об имущественной ответственности таких лиц. Так, согласно п. 3 ст. 26 ГК РФ, «несовершеннолетние в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет самостоятельно несут имущественную ответственность по сделкам, совершенным ими в соответствии с пунктами 1 и 2 настоящей статьи». Согласно п. 3 ст. 28 ГК РФ, «имущественную ответственность по сделкам малолетнего, в том числе по сделкам, совершенным им самостоятельно, несут его родители, усыновители или опекуны, если не докажут, что обязательство было нарушено не по их вине».

Подводя итоги, необходимо отметить, что вопрос ответственности опекунов недееспособных лиц нуждается в правовой доработке, причем в различных аспектах.

Литература

1. Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 13.07.2015) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=193157>
2. Гражданский кодекс РФ (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 29.06.2015) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=182037>
3. Федеральный Закон РФ «Об опеке и попечительстве» от 24.04.2008 № 48-ФЗ (ред. от 28.11.2015) // СПС «Консультант Плюс». URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=189610>
4. Данилова Л.Я. Новеллы российского законодательства об ограничении дееспособности граждан, страдающих психическими расстройствами // Семейное и жилищное право. 2015. № 3. С. 4–6.

5. *Каймакова Е.В.* Проблемы соотношения гражданско-правовых и семейно-правовых способов защиты семейных прав // Семейное и жилищное право. 2013. № 5. С. 23–26.
6. *Карпов М.В.* О некоторых вопросах применения мер ответственности в семейно-правовых отношениях // Семейное и жилищное право. 2013 №. 2. С. 24–29.
7. *Татаринцева Е.А.* Договор об осуществлении опеки (попечительства) как основание возникновения правоотношений по воспитанию ребенка в семье // Семейное и жилищное право. 2015. № 3. С. 21–25.

Literatura

1. Grazhdanskij kodeks RF (chast' pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 13.07.2015) // SZ RF. 1994. № 32. St. 3301. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=193157>
2. Grazhdanskij kodeks RF (chast' vtoraya) ot 26.01.1996 № 14-FZ (red. ot 29.06.2015) // SPS «Konsul'tantPlyus». URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=182037>
3. Federal'ny'j Zakon RF «Ob opeke i popечitel'stve» ot 24.04.2008 № 48-FZ (red. ot 28.11.2015) // SPS «Konsul'tant Plyus». URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=189610>
4. *Danilova L.Ya.* Novelly' rossijskogo zakonodatel'stva ob ogranichenii deesposobnosti grazhdan, stradayushhix psixicheskimi rasstrojstvami // Semejnoe i zhilishhnoe pravo. 2015. № 3. S. 4–6.
5. *Kajmakova E.V.* Problemy' sootnosheniya grazhdansko-pravovy'x i semejno-pravovy'x sposobov zashhity' semejny'x prav // Semejnoe i zhilishhnoe pravo. 2013. № 5. S. 23–26.
6. *Karpov M.V.* O nekotory'x voprosax primeneniya mer otvetstvennosti v semejno-pravovy'x otnosheniyax // Semejnoe i zhilishhnoe pravo. 2013. №. 2. 24–29.
7. *Tatarinceva E.A.* Dogovor ob osushhestvlenii opeki (popечitel'stva) kak osnovanie vozniknoveniya pravootnoshenij po vospitaniyu rebenka v sem'e // Semejnoe i zhilishhnoe pravo. 2015. № 3. S. 21–25.

*L. B. Sitdikova,
S.Yu. Starodumova*

The Liability of the Trustees and Incapacitated Persons

The article analyzes current legislation in relation to property liability of guardians of disabled persons. In general the definition of liability is debatable and the liability of guardians is badly in need of legal revision in various aspects.

Keywords: responsibility; liability; guardian; disability.

Ю.Б. Шубников

Государство и право в институциональном механизме

В статье предпринята попытка рассмотрения институционального механизма, места и роли в нем различных видов социальных институтов, раскрытия роли государства и права в функционировании институционального механизма.

Ключевые слова: институциональный механизм; социальные институты; виды институтов; формальные институты; неформальные институты.

Выделение в последние десятилетия в общественных науках социального института как одного из структурообразующих элементов общественной теории и практики позволяет нам рассматривать социальное развитие как процесс взаимодействия этих институтов. И в этом случае все эти институты выступают как составные части единого социального механизма. Под социальным механизмом понимается «самодостаточное средство регулирования общественно значимых отношений, выражающих себя во взаимодействии между группами и общностями людей, элементами социальной структуры, различными сторонами социальных процессов в обществе» [13: с. 188]. Существование социальных механизмов обеспечивает обществу возможность осуществлять целенаправленное воздействие на содержание и динамику общественной практики.

Как известно, в общественной теории уделено значительное внимание анализу различных социальных механизмов (государственного, хозяйственного, финансового, кредитно-денежного, социально-психологического и т. д.). При этом, если посмотреть на эти социальные механизмы с институциональной точки зрения, то можно увидеть, что каждый из них имеет институциональную составляющую.

В этой связи в рамках институционального подхода к анализу общественной практики в качестве обобщенной модели социального механизма, по нашему мнению, можно рассматривать институциональный механизм. В качестве такового следует понимать социальный механизм, основанный на взаимодействии социальных институтов.

Выделение институционального механизма предполагает возможность рассмотрения общественных процессов как взаимодействия совокупности бесчисленного множества различных видов институтов в процессе создания и распределения благ, необходимых для существования каждого отдельного индивидуума и всего общества в целом.

В современной теории имеется значительное число толкований понятия «социальный институт» (институт). Они различаются между собой в понимании его природы, функций, содержания и роли в общественной практике. И, по нашему мнению, эта ситуация отражает объективно существующую ситуацию, суть которой состоит в том, что институт как явление теории и практики представляет собой комбинированную (интегративную) субстанцию. Каждое из известных определений института отображает одну или несколько из множества присущих ему граней. Поэтому поиск одного единственного верного определения методологически ошибочен и бесперспективен.

Вместе с тем анализ существующих на сегодняшний день в зарубежной и отечественной научной литературе определений социального института позволяет нам выделить две характерные особенности, образующие его содержательную основу. Первая особенность состоит в том, что социальный институт представляет собой набор правил поведения, принятых субъектами общественной практики в определенных обстоятельствах. На это прежде всего указывает Э. Дюркгейм, который определял социальные институты как «все верования, все действия, установленные группой» [6: с. 20]. Родоначальник институционализма Т. Веблен определял институты как «привычный образ мысли, руководствуясь которым живут люди», «привычные способы осуществления процесса общественной жизни в ее связи с материальным окружением, в котором живет общество» [2: с. 202–203]. У. Гамильтон характеризовал институт как «словесный символ лучшего обозначения группы общественных обычаев. Они означают преобладающий и постоянный образ мысли, который стал привычным для группы или превратился для народа в обычай... Институты устанавливают границы и формы человеческой деятельности. Мир обычаев и привычек, к которому мы приспособливаем нашу жизнь, представляет собой сплетение и неразрывную ткань институтов» [2: с. 6]. А. О. Уильямсон исходит из того, что институт представляет собой «правила игры, определяющие контекст, в котором осуществляется экономическая деятельность. Базовые политические, социальные и правовые нормы, которые образуют основу производства, обмена и распределения» [14: с. 688]. Данной точки зрения также придерживаются и отдельные российские авторы. Так, И.И. Агапова в своем учебном пособии «Институциональная экономика» под институтами понимает «определенные правила, стандарты поведения и стереотипы мышления» [1: с. 23].

Вторая особенность заключается в том, что институт включает в себя не только правила поведения, но также механизмы, организации, учреждения, людей и другие средства, обеспечивающие их соблюдение. Так, Д. Норт определяет институты как «правила, механизмы, обеспечивающие их выполнение, и нормы поведения, которые структурируют повторяющиеся взаимодействия между людьми» [9: с. 7]. Стэнфордская философская энциклопедия определяет социальные институты как «сложившиеся формы организации совместной жизнедеятельности людей» [18]. А. Грейф определяет институт как «систему правил, убеждений, норм и организаций, которые совместно

порождают регулярность социального поведения» [4: с. 56]. Я. Щепаньский под социальными институтами понимает системы «учреждений, в которых определенные люди, избранные членами групп, получают полномочия для выполнения общественных и безличных функций ради удовлетворения существенных индивидуальных и общественных потребностей и ради регулирования поведения других членов групп» [17: с. 96–97].

Авторы учебника «Институциональная экономика: новая институциональная экономическая теория», подготовленного в МГУ, определяют институт как «совокупность, состоящую из правил или нескольких правил и внешнего механизма принуждения индивидов к использованию этого правила» [7: с. 23]. П. Дасгупта считает, что институты представляют собой «структуры управления общественными организациями» [5: с. 47].

Данные две особенности института являются отражением единства и неразрывности двух основополагающих начал институциональной практики: совокупности правил, определяющих порядок долгосрочных и регулярных отношений между субъектами по поводу совместной деятельности и средств, обеспечивающих реализацию этих правил.

Таким образом, социальные институты могут рассматриваться как специфические социальные образования, обеспечивающие относительную устойчивость связей и отношений в рамках социальной организации общества, как исторически обусловленные формы и средства организации и регулирования общественной жизни.

Все социальные институты, образующие институциональный механизм, можно разделить на три группы. В первую группу входят институты, обеспечивающие функционирование различных сфер жизнедеятельности общества. К ним относятся институты: экономики (рынок, цена, конкуренция и др.), политики (демократия, политические партии, парламент, государство и др.), культуры (литература, живопись, кино, театр и др.), религии (православие, католичество, мусульманство, иудаизм и др.), образования (высшая и средняя школы, дошкольное образование и др.), семьи (брак, усыновление, развод) и другие.

Социальные институты данной группы в силу их значимости, как правило, находятся в центре внимания большинства исследователей. Так, Г. Спенсер в рамках своей «организмической теории» человеческого общества различает и исследует институты: продолжающие род (брак и семья) (Kinship); распределительные (или экономические); регулирующие (религия, политические системы) [12: с. 24–25].

П. Блау в своих исследованиях выделяет интегративные, дистрибутивные и организационные институты. Интегративные институты направлены на поддержку солидарности и существующих частных ценностей в обществе. Дистрибутивные институты воплощают в себе универсальные ценности и выступают средством их «сохранения». Организационные институты используются для мобилизации ресурсов и координации коллективных усилий в достижении социальных целей [13: с. 362].

И.И. Лейман предлагает выделять: 1) экономические институты; 2) политические институты; 3) институты воспитания и культуры; 4) социальные, в узком смысле, институты [8: с. 118]. А Н. Аберкромби, С. Хилл, Брайан С. Тернер в своем «Социологическом словаре» выделяют: «(1) экономические институты, служащие для производства и распределения товаров и услуг; (2) политические институты, регулирующие осуществление власти и доступ к ней; (3) институты стратификации, определяющие размещение позиций и ресурсов; (4) институты родства, связанные с браком, семьей и социализацией молодежи; (5) институты культуры, связанные с религиозной, научной и художественной деятельностью» [13: с. 106–107].

А.А. Радугин и К.А. Радугин в свою очередь выделяют: 1) экономическо-социальные институты; 2) политические институты, 3) социокультурные и воспитательные институты; 4) нормативно-ориентирующие институты; 5) нормативно-санкционирующие институты; 6) церемониально-символические и ситуационно-конвенциональные институты [11: с. 122].

Вторая группа социальных институтов характеризуется по признаку качественной оценки их положения в рамках институционального механизма, места и роли тех или иных институтов в рамках самой институциональной системы. Так, М.Б. Глотов в своем исследовании указывает на наличие у «зарубежных представителей институционального анализа» разделения социальных институтов на: «зрелые» и «незрелые», «универсальные» и «партикулярные», «регулятивные» и «санкционированные или оперативные», «специфические или нуклеативные» и «основные или диффузно-символические», «первичные», «вторичные» и «третичные» [3: с. 17].

Третья группа социальных институтов включает в себя институты, характеризующиеся по признаку их признания и поддержки государством (обществом). С этой точки зрения выстраиваемые в обществе институты, делятся на формальные и неформальные [7: с. 11]. Формальные институты представляют собой институциональные отношения, получившие закрепление в форме нормативно-правовых актов (законов, подзаконных нормативно-правовых актов) и обеспечиваемые путем государственного принуждения. Неформальные институты проявляются как устойчивые отношения, утверждаемые в виде обычаев, традиций, которые закрепляются в сознании людей или во внеправовых источниках (предания, обычаи, религиозные, исторические и культурные памятники и письменные источники) и обеспечиваемые силами и средствами самих субъектов гражданского общества (граждан, семьи, церкви, политических партий, профсоюзов, преступных сообществ, террористических организаций и др.).

Существование формальных институтов имеет огромное значение для функционирования институционального механизма. Это обусловлено тем, что формальные институты, в отличие от неформальных, поддаются прямому сознательному воздействию со стороны государства и общества и поэтому используются для регулирования общественной практики. Основная

роль в использовании формальных институтов для воздействия на институциональный механизм отводится государству и праву, которые сами могут рассматриваться как совокупность формальных институтов.

Государство в рамках институционального механизма выполняет целый комплекс функций, связанных с формализацией, сохранением, обеспечением деятельности как формальных, так и неформальных институтов, существующих в обществе [10: с. 344–345]. Функционирование современного институционального механизма возможно только при условии присутствия государства в качестве его основного регулятора. Государство в этом случае выступает в двойственной роли. Во-первых, оно выступает как сторона (судья и жандарм), которая обеспечивает соблюдение субъектами гражданского общества институциональных правил взаимоотношений между ними. Во-вторых, оно выступает как агентство (агент) по обеспечению и защите прав участников хозяйственной деятельности в рамках так называемого общественного договора [7: с. 170–185].

С точки зрения институционального устройства общества государство решает задачи по обеспечению функционирования и развития существующих институтов и формированию новых формальных институтов. Для решения этих задач общество предоставляет государству право определять правила, по которым строятся общественные отношения и обеспечивать их соблюдение, в том числе и с применением насилия в определенных границах.

Право, в свою очередь, в институциональном механизме выступает в качестве основного инструмента, используемого государством для обеспечения существования и функционирования формальных институтов [16: с. 18–22]. При этом оно используется для формализации институтов посредством нормотворческой деятельности законодательной власти и обеспечения их функционирования посредством правоприменительной практики исполнительной власти.

Право, кроме того, может использоваться обществом и государством также и для регулирования (корректировки) общественных процессов. В этом случае субъекты общественных отношений, целенаправленно используя правовые инструменты (закон, суд, органы государственной власти), инициируют формализацию тех или иных неформальных институтов и воздействуют на существующие формальные институты, приспособляя их к постоянно меняющимся нуждам общества. Право в этой своей функции используется обществом как социальный инструмент активного, осознанного воздействия на содержание общественных процессов.

Литература

1. Агапова И.И. Институциональная экономика: учебное пособие. М.: Экономика, 2006. 254 с.
2. Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984. 367 с.
3. Глотов М.Б. Социальный институт: определение, структура, классификация. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/793/915/1217/2-Glotov_13-20.pdf 2003.

4. *Грейф А.* Институты и путь к современной экономике. Уроки средневековой торговли. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. 536 с.
5. *Дасгупта П.* Экономика: очень краткое введение / пер. с англ. В.Ш. Шейнкера; под науч. ред. М.И. Левина. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. 240 с.
6. *Дюркгейм Э.* Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995. 352 с.
7. Институциональная экономика: новая институциональная теория: учебник / под общ. ред. А.А. Аузана. М.: ИНФРА-М, 2006. 416 с.
8. *Лейман И.И.* Наука как социальный институт. Л.: Наука. Ленингр. отд., 1971. 118 с.
9. *Норт Д.* Институты и экономический рост: историческое введение THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. Весна 1993. Т. 1. Вып. 2. С. 69–91.
10. *Олейник Ф.Н.* Институциональная экономика: учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2007. 416 с.
11. *Радугин А.А., Радугин К.А.* Социология: Курс лекций. М.: Владос, 1995. 122 с.
12. Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении / пер. с англ. В.М. Карзинкина, Ю.В. Семенова; (Амер. изд. под общ. ред. и предисл. Г. Беккера, А. Боскова). М.: Изд-во иностр. лит., 1961. 882 с.
13. *Соколова Г.Н.* Экономическая социология: курс лекций. 3-е стер. изд. Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2005. 188 с.
14. Социологический словарь: пер. с англ. / Николас Аберкромби, Стивен Хилл, Брайан С. Тернер; под ред. С.А. Ерофеева. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1997. 405 с.
15. *Уильмсон О.* Экономические институты капитализма. СПб.: Лениздат, 1996. 709 с.
16. *Шубников Ю.Б.* К вопросу о роли права в развитии общественных отношений в условиях модернизации государства // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 1 (61). С. 23–29.
17. *Щепаньский Я.* Элементарные понятия социологии. М.: Прогресс, 1969. 240 с.
18. Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: <http://plato.stanford.edu/>

Literatura

1. *Agarova I.I.* Institucional'naya e'konomika: uchebnoe posobie. М.: E'konomist'', 2006. 254 s.
2. *Veblen T.* Teoriya prazdnogo klassa. М.: Progress, 1984. 367 s.
3. *Glotov M.B.* Social'ny'j institut: opredelenie, struktura, klassifikaciya. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/793/915/1217/2-Glotov_13-20.pdf 2003.
4. *Grejfa A.* Instituty' i put' k sovremennoj e'konomike. Uroki srednevekovoj trgovli. М.: Izd. dom Vy'sshej shkoly' e'konomiki, 2013. 536 s.
5. *Dasgupta P.* E'konomika: ochen' kratkoe vvedenie / per. s angl. V.Sh. Shejnker; pod nauch. red. M.I. Levina. М.: Izdatel'skij dom «Delo» RANXiGS, 2016. 240 s.
6. *Dyurkgejm E.* Sociologiya. Ее predmet, metod, prednaznachenie. М.: Kanon, 1995. 352 s.
7. Institucional'naya e'konomika: novaya institucional'naya teoriya: uchebnik / pod obshh. red. A.A. Auzana. М.: INFRA-M, 2006. 416 s.
8. *Lejman I.I.* Nauka kak social'ny'j institut. L.: Nauka. Leningr. otd., 1971. 118 s.
9. *Nort D.* Instituty' i e'konomicheskij rost: istoricheskoe vvedenie THESIS. Teoriya i istoriya e'konomicheskix i social'ny'x institutov i sistem. Vesna 1993. Т. 1. Vy'p. 2. С. 69–91.

10. *Olejnik F.N.* Institucional'naya e'konomika: uchebnoe posobie. M.: INFRA-M, 2007. 416 s.
11. *Radugin A.A., Radugin K.A.* Sociologiya: kurs lekcij. M.: Vldos, 1995. 122 s.
12. Sovremennaya sociologicheskaya teoriya v ee preemstvennosti i izmenenii / per. s angl. V.M. Karzinkina, Yu.V. Semenova; (Amer. izd. pod obshh. red. i predisl. G. Bekkera, A. Boskova). M.: Izd-vo inostr. lit., 1961. 882 s.
13. *Sokolova G.N.* E'konomicheskaya sociologiya: kurs lekcij. 3-e ster. izd. Minsk: Akademiya upravleniya pri Prezidente Respubliki Belarus', 2005. 188 s.
14. Sociologicheskij slovar': per. s angl. / Nikolas Aberkrombi, Stiven Hill, Brajan S. Ternер; pod red. S.A. Erofeeva. Kazan': Izd-vo Kazanskogo un-ta, 1997. 405 s.
15. *Uil'mson O.* E'konomicheskie instituty' kapitalizma. SPb.: Lenizdat, 1996. 709 s.
16. *Shubnikov Yu.B.* K voprosu o roli prava v razvitii obshhestvenny'x otnoshenij v usloviyax modernizacii gosudarstva // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2014. № 1 (61). С. 23–29.
17. *Shhepan'skij Ya.* E'lementarny'e ponyatiya sociologii. M.: Progress, 1969. 240 s.
18. Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: <http://plato.stanford.edu/>

Yu.B. Shubnikov

State and Law in the Institutional Mechanism

In article attempt of consideration of “institutional mechanism”, systematization of the existing interpretations of the nature, content and types of social institutions, disclosure of the role of state and law in the functioning of the institutional mechanism.

Keywords: institutional mechanism; social institutions; types of institutions; formal institutions; informal institutions; state; law.

Я.Ю. Егоров

Развитие законодательства об ответственности за преступления в сфере экономической деятельности в России

Статья посвящена истории становления и развития законодательства об ответственности за преступления в сфере экономической деятельности в России. Автор анализирует нормы об ответственности за экономические преступления середины XIX – конца XX века и сравнивает с нормами действующего Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: преступления в сфере экономической деятельности; охрана экономических отношений; уголовное законодательство; история уголовного права.

Обращение к истории происхождения и развития тех или иных правовых явлений обусловлено желанием исследовать проблему в условиях различных политических и экономических реалий, а также недопустимостью игнорирования достижений правовой мысли России. Опыт прошлых лет не только позволяет понять действующее право, но и прогнозировать его дальнейшее развитие, опираясь на предпосылки, заложенные в настоящее время.

Рыночные отношения в современном российском обществе не являются новым явлением. Опыт установления уголовной ответственности за хозяйственные преступления в условиях развития рыночной экономики у России уже был. И если обратиться к подобному опыту, можно заметить некоторое сходство подходов тогда и сейчас к построению норм права и даже некоторых правовых проблем, возникающих в данной сфере. Например, уже в начале XX века ученые говорили о том, что неправомерное банкротство является «вымирающим преступлением», в то время как «жалобы на злостные неплатежи растут с каждым днем» [10: с. 389].

Установление современных экономических отношений в российском обществе явилось следствием многовекового развития производственных отношений. Каждая смена общественно-экономической формации сопровождалась совершенствованием механизма государственного принуждения. Такой механизм в разные

исторические периоды был призван либо запрещать чуждые обществу формы осуществления экономической деятельности, либо же создавать условия для нормального развития существующих экономических отношений. Особое влияние на этот процесс оказывал господствующий подход к определению места и роли частной собственности и производственных отношений в жизни общества.

Начало развития законодательства об ответственности за преступления в сфере экономической деятельности принято датировать серединой XIX века, и это начало связано непосредственно с зарождением капиталистических отношений в Российской империи. Но отдельные попытки охраны и регулирования экономических отношений Российское государство предпринимало неоднократно и ранее. Если сравнивать с современным Уголовным кодексом РФ (далее — УК РФ), то до середины XIX века уголовно-правовой охране подлежали лишь отношения по поводу получения государством прибыли в виде налогов, а также те отношения, которые современное уголовное право относит к экономическим преступлениям: изготовление поддельных денег, скупка и продажа краденного. Так, например, артикул 190 Артикула воинского 1715 года гласил: «ежели кто купит или продаст, ведаючи краденые вещи и скроет, и содержит при себе вора, оный яко вор сам наказан быть имеет» [12: с. 35]. Но законодатель относил подобные преступления к государственным, посягающим на монопольное право государства на принуждение. Отношения в сфере экономики не являлись в XVIII веке объектом самостоятельной охраны. В их правовом регулировании не было необходимости, так как их значение для российского общества было невелико. Согласно мнению Р.П. Толмачевой, в XVIII веке внешняя и внутренняя торговля позволили лишь создавать первоначальное накопление капитала для осуществления промышленной революции [16: с. 139]. В более поздний период благодаря интенсивному экономическому развитию охрана отношений между хозяйствующими субъектами стала в России необходима.

Как уже отмечалось, уголовно-правовую охрану отношения в сфере хозяйственной (экономической) деятельности получили лишь в середине XIX века с принятием 15 августа 1845 году Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, вступившего в силу 1 мая 1846 года (далее — Уложение 1845 г.). Государство путем установления уголовной ответственности старалось урегулировать отношения между хозяйствующими субъектами. Например, глава Пятая раздела Двенадцатого Уложения 1845 г. предусматривала ответственность за «принуждение к заключению сделки», а также за некоторые формы неисполнения договорных обязательств. Уложение 1845 года делило правонарушения на преступления и проступки, и сами правонарушения в области хозяйственной деятельности относились к последним, так как не посягали ни на государственную власть, ни на безопасность подданных. Хотя, как отмечается в «комментариях законодательства» тех лет, «слово преступление в Уложении не противопоставляется¹ слову проступок» [13: с. 1].

¹ По смыслу данного комментария слово «противопоставляется» можно заменить словом «противопоставляется». Применялось данное правило в случае возникновения споров относительно наличия или отсутствия в деянии лица рецидива преступлений.

В отличие от современного Уголовного кодекса Российской Федерации, Уложение 1845 г. предусматривало для виновных лиц выплату компенсации за «убытки, вреда или обиду», которые были причинены в результате совершения противоправного деяния. Дополнительно законодатель старался предусмотреть в каждой конкретной статье Особенной части Уложения 1845 г. обязанность возместить ущерб (убытки). Например, в ст. 2215: «Кто отдаст в наем или безвозмездное пользование какое-либо чужое имущество, не имея на то права или уполномочия, тот, сверх вознаграждения хозяина сего имущества за причиненный ему убыток, подвергается за сие: аресту на время от семи дней до трех недель; или денежному взысканию от десяти до пятидесяти рублей...» [1: с. 884]. Возможно, подобные меры были бы уместны и в современный период. Но необходимо отметить, что все правонарушения («преступления и проступки») в сфере хозяйственной деятельности по Уложению 1845 г. относились к преступлениям против «собственности частных лиц». Соответственно, законодатель не ставил перед собой задачу охраны самой законной экономической деятельности, а лишь собственности, которая, в том числе, используется для извлечения прибыли. Именно поэтому в Уложении 1845 г. достаточно много статей посвящено мошенничеству и некоторым видам неисполнения договорных обязательств.

Последующие события в истории Российской империи побудили законодателя к внесению изменений в уголовное законодательство. В истории отечественного права отмечается, что редакция 1885 года Уложения о наказаниях уголовных и исправительных включает в себя более широкий круг актов, которые охраняли государя от оскорбления, запрещали изготовление взрывчатых веществ, изменяли паспортный устав и т. д. [11: с. 480]. Но рассматриваемой автором настоящей статьи группы преступлений эти изменения не затронули.

Уже в 1881 году началась разработка нового Уголовного уложения. Данный документ был призван упорядочить уголовное законодательство. Доработано Уголовное уложение было только к 1903 году, но в действие введено было не сразу. Отдельные его положения так и не вступили в силу. Новое Уголовное уложение 1903 года было наиболее емким в понятиях и наиболее структурированным. Несмотря на то, что Уложение полностью было введено в действие лишь на прибалтийской территории Российской империи, его по праву можно считать одним из самых значимых кодифицированных источников уголовного права Российской империи. Тем не менее, по мысли современного исследователя В.И. Тюнина, источником построения дореволюционных научных классификаций преступлений являлось все-таки уголовное законодательство, представленное Уложением о наказаниях уголовных и исправительных и Уставом о наказаниях, налагаемых мировыми судьями [17].

Данное Уложение уже содержало несколько глав (15, 16, 20), которые ставили под охрану непосредственно экономическую деятельность. Например, статья 310 предусматривала ответственность за то, что виновный «устроил или приступил к устройству завода, фабрики, аптеки или иного промышленного или торгового

заведения, без надлежащего разрешения» [2: с. 109]. Такой состав преступления является прообразом современного незаконного предпринимательства. Или, например, согласно статье 373, виновный в том, что нанял на сельские работы рабочего, обязанного на то же время выполнять работы у другого нанимателя, наказывался арестом или денежной пеней [2: с. 126]. А в случае, если рабочий сам ввел в заблуждение нанимателя, то наказание, согласно статье 375, уже предназначалось ему. Подобное описание диспозиций статей Особенной части Уголовного уложения 1903 года говорит о попытках установления уголовно-правовой охраны экономических отношений между хозяйствующими субъектами. Иначе говоря, пределы допустимого вмешательства в экономику были несколько размыты, но заявлений относительно злоупотреблений со стороны государственных органов, подобно тем, которые делаются на сегодняшний день², не отмечалось. А.Н. Трайнин, как современник действующего уголовно-экономического законодательства, наоборот, в качестве одной из возможных причин отсутствия лиц, привлеченных к уголовной ответственности за некоторые виды экономических преступлений, называл даже снисходительность судей [10: с. 388].

Некоторые современные ученые отмечают, что характерной особенностью Уголовного уложения 1903 года является его бланкетность [15: с. 42]. Примечательно, что это же качество присуще и современному Уголовному кодексу Российской Федерации. Особенно это касается главы о преступлениях в сфере экономической деятельности, которая содержит достаточно большое количество понятий, заимствованных из иных отраслей права.

Уголовное уложение 1903 года явилось последним кодифицированным источником уголовного права капиталистического Российского государства перед принятием в 1996 году Уголовного кодекса Российской Федерации. Сходство в подходах и в построении норм права о преступлениях в сфере экономической деятельности позволяет обратить внимание современных исследований на Уголовное уложение 1903 года и практику его применения.

В последующем периоде уже Временное правительство на правах законодателя делало попытки охраны экономических отношений. 20 марта 1917 года вышло постановление «Об установлении уголовной ответственности за отправку груза с заведомо ложным наименованием или с заведомо ложным обозначением получателя либо отправителя». Как отмечает В.В. Захаров, этот законодательный акт должен был пресечь нарушения установленного порядка получения разрешения на отправку грузов или же установленной для них очереди [8: с. 441]. В целом данный период характеризуется попытками Временного правительства предоставить как можно больше прав народу. Но в условиях Первой мировой войны 1914–1918 гг. необходима была стабилизация экономики.

Несмотря на сравнительно непродолжительный срок правления Временного правительства, можно говорить о том, что оно уделяло достаточно

² Пять проблем бизнеса. URL: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2014/02/17/ryat-problem-biznesa> (дата обращения: 09.05.2015).

внимания регулированию экономических отношений. Уже в марте 1917 года им было принято решение пересмотреть все существующие законы о труде. Как объясняет этот факт И.В. Евдошенко, «временное правительство осознало, что, не урегулировав так или иначе конфликт между «трудом и капиталом», нельзя будет обеспечить социальный мир в стране и ее продвижение по демократическому пути развития» [7: с. 67]. Очевидным было и то, что отношения в сфере экономической деятельности не могли быть стабильными в условиях классовой борьбы. Так или иначе, действующая власть данного исторического периода времени демонстрировала приверженность либеральным демократическим ценностям. Отменяя смертную казнь и ссылки на каторгу, затем с поправкой на условия войны вновь вводя высшую меру уголовного наказания, пытаясь угодить всем политическим силам, Временное правительство вело и соответствующую уголовную политику, хотя она так и не принесла положительных результатов.

Обобщая все вышеизложенное, можно отметить, что со времен начала зарождения капиталистических отношений в российском обществе до начала советского периода производственные отношения ускоренно развивались и это заставляло государство реагировать на все негативные примеры искажения экономической деятельности в стране. Границы допустимого вмешательства в экономическую деятельность частных лиц постоянно расширялись, что позволяло государству, с одной стороны, охранять права отдельных социальных слоев населения (рабочих, крестьян и т. д.), а с другой — обогащаться за счет налогов и иных обязательных платежей. Новая политика советского государства была направлена на переориентацию экономики с учетом мнения господствующего класса. Национализация и уничтожение частной собственности потребовали новых уголовно-правовых мер борьбы с рыночной экономикой. И уголовное право советского времени в хозяйственной сфере преследовало именно эти цели.

Развитие учения о преступлениях и наказаниях в советский период было обусловлено необходимостью противодействия преступности, посягающей на социалистические ценности советского общества. Каждое преступление, которое было запрещено уголовным законом, посягало на тот или иной принцип социализма. Например, криминологи обуславливали борьбу со спекуляцией и обманом покупателей необходимостью осуществления контроля за мерой труда и потребления в соответствии с принципом социализма «От каждого — по способностям, каждому — по труду» [9: с. 280]. Лица, которые занимались спекуляциями и обманом потребителей, представляли угрозу для советского общества, так как относились к приверженцам идей частной собственности и своим образом жизни оказывали влияние на подрастающее поколение.

До вступления в силу УК РСФСР 1960 года охрана отношений в сфере экономической деятельности государства носила дуалистический характер. В результате политики «военного коммунизма» уже в 1921 г. страна была охвачена крестьянскими восстаниями. В результате развала сельского хозяйства

в стране царил голод. Реакцией правительства была смена экономической политики. Новая экономическая политика (НЭП) допускала некоторые виды предпринимательской деятельности, а также частичное восстановление рыночных отношений. Уголовные кодексы периода НЭПа (УК РСФСР 1922 и 1926 гг.), с одной стороны, содержали ряд составов преступлений, которые были характерны для рыночной экономики, а с другой стороны, содержали главу о хозяйственных преступлениях, куда были включены посягательства на социалистическое хозяйство. Как отмечает Б.В. Волженкин, принципиальное значение для охраны социалистических хозяйственных отношений имели нормы права о спекуляции, частнопредпринимательской деятельности и коммерческом посредничестве, приписках и др. [6]. Уголовные кодексы РСФСР 1922 и 1926 гг. (последний принят после образования СССР) содержали незначительное число составов преступлений в сфере хозяйственной деятельности. В главе, посвященной хозяйственным преступлениям, спекуляция считалась преступлением только при использовании в преступных целях курса валют. Статья 138 УК РСФСР (1922 года) гласила: «Спекуляция с иностранной валютой в обмен на советские денежные знаки или наоборот карается лишением свободы на срок не ниже шести месяцев [3]. А УК РСФСР 1926 года вообще не содержал такого состава преступления, как спекуляция. При этом новый уголовный закон в главе V «Преступления хозяйственные» предусматривал ответственность за противоправные деяния, которые присущи исключительно для государства с развитыми капиталистическими отношениями. В статье 31 УК РСФСР 1926 г. предусматривалась ответственность за «неисполнение обязательств по договору, заключенному с государственным или общественным учреждением или предприятием, если при рассмотрении дела в порядке гражданского судопроизводства обнаружен злонамеренный характер неисполнения» [4]. Отношения по поводу неисполнения обязательств перед частными лицами уголовно-правовой охране не подлежали и вовсе.

Охрана отношений в сфере экономической деятельности строилась вокруг основы экономического строя. При капитализме основу строя составляла частная собственность, а при социализме — собственность общественная. Как говорил И.В. Сталин, коммунисты должны провозгласить общественную собственность столь же священной и неприкосновенной, как и капиталисты провозглашали частную [14: с. 12]. Это было необходимо для того, чтобы закрепить новые социалистические формы хозяйства во всех областях производства и торговли. В соответствии с экономической основой социализма выполнялись и функции охраны социалистической собственности. Советское государство строго наказывало за посягательство на народное добро, что способствовало преодолению пережитков капитализма в сознании людей [14: с. 13].

Впоследствии подход к построению системы определения преступлений начинает меняться. С принятием УК РСФСР 1960 года советское законодательство, отказываясь от доктрины имущественных преступлений, предлагало иную систему преступных посягательств. В данный период времени выделялись преступления против порядка управления, государственные и хозяйственные преступления.

Первая редакция УК РСФСР 1960 года содержала 18 составов хозяйственных преступлений. Данный закон запрещал частнопредпринимательскую деятельность, занятие запрещенным промыслом, незаконную охоту, подделку знаков почтовой оплаты и проездных документов и другие формы противоправного поведения, которые так или иначе подрывали основы социалистического хозяйства. Нормы об ответственности за эти преступления ставили под запрет сам факт совершения противозаконного деяния, независимо от факта наступления общественно опасных последствий: «Частнопредпринимательская деятельность с использованием государственных, кооперативных или иных общественных форм наказывается лишением свободы на срок до пяти лет с конфискацией имущества или ссылкой на срок до пяти лет с конфискацией имущества» [5]. Фактически советское государство не допускало ни одной из форм предпринимательской деятельности, равно как и перепродажу товаров в целях извлечения прибыли признавало спекуляцией.

С принятием Конституции Российской Федерации в 1993 году страна вновь обозначила курс на построение капиталистических отношений. Развитие рыночной экономики привело к появлению относительно новых для российского общества общественно опасных деяний. Государство установило пределы допустимого вмешательства в экономику, что привело к сокращению доли его участия в предпринимательских отношениях. Но, по мнению автора статьи, общество еще не готово к снижению роли государства в регулировании отношений между хозяйствующими субъектами. Например, понятие «спекуляция» вновь приобретает социально-негативный окраску в выступлениях даже Президента Российской Федерации³.

Исходя из всего вышеизложенного, можно отметить, что законодательство об ответственности за преступления в сфере экономической деятельности в России прошло достаточно сложный и длительный этап становления и развития. В зависимости от господствующего подхода к определению роли и места частной собственности в жизни общества, система преступлений в сфере экономической (хозяйственной) деятельности претерпевала определенные изменения в разные исторические периоды. Но в условиях развития рыночной экономики подходы к определению преступных форм экономической деятельности в основном совпадают. Именно по этой причине крайне важно периодически оглядываться назад и учиться на опыте и ошибках прошлого.

Литература

1. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных // В Типографии Второго Отделения Собственного Его Императорского Величества Канцелярии. С.-Петербург, 1845 г. IV, 898, [XVII] с.
2. Новое Уголовное уложение, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 года / Изд-во В.П. Анисимова. С.-Петербург, 1903. 257 с.

³ Путин 25 декабря ждет от ЦБ и кабмина доклад по борьбе со спекуляцией. РИА Новости. URL: <http://ria.ru/economy/20141205/1036844385.html#ixzz3ZmCPRiAN> (дата обращения: 10.05.2015).

3. Постановление ВЦИК от 01.06.1922 «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.
4. Постановление ВЦИК от 22.11.1926 «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года» // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.
5. Закон РСФСР от 27.10.1960 «Об утверждении Уголовного кодекса РСФСР» // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.
6. *Волженкин Б.В.* Преступления в сфере экономической деятельности (экономические преступления). СПб.: Центр-Пресс. 2007. С. 32–48.
7. *Евдошенко И.В.* Временное правительство и реформы трудовых отношений в России (февраль – октябрь 1917 г.) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». 2006. № 13 (68) С. 67–73.
8. *Захаров В.В.* История государства и права России: учебник: в 2 т. / под общ. ред. В.М. Сырых. М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. 448 с.
9. *Звирбуль В.К., Кузнецова Н.Ф., Миньковский Г.М.* Криминология. М.: Юрид. лит., 1979. 304 с.
10. *Трайнин А.Н.* Избранные труды / сост. Н. Ф. Кузнецова. СПб.: «Юридический центр Пресс», 2004. 898 с.
11. *Исаев И.А.* История государства и права России: учебник. 4-е изд., стер. М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. 800 с.
12. *Лернер Л.А.* Материалы к изучению истории отечественного государства и права. Вып. 3: Уголовное и процессуальное право эпохи Петра I. Курск: Курск. гос. ун-т, 2007. 67 с.
13. *Лутков Д.* Сборник сведений, разъясняющих применение на практике Уложения о наказаниях. Типография Т. Рись, на Садовой, у Яузской части, д. Медынцевой. 1872 г. 368 с.
14. *Некипелов П.Т.* Советское уголовное законодательство в борьбе с хищениями социалистической собственности. М.: Гос. издат. юрид. лит., 1954. 136 с.
15. *Сорокина А.В.* Система построения особенной части российских уголовных законов второй половины IX – начала XX вв. // Вестник Томского государственного университета. Право. 2013. № 4 (10). С. 36–46.
16. *Толмачева Р.П.* Экономическая история: учебник для бакалавров. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2013. 320 с.
17. *Тюнин В.И.* Экономические преступления в системе дореволюционного уголовного права (эволюция научных представлений) // Государство и право. 2000. № 11. С. 73–80.

Literatura

1. Ulozhenie o nakazaniyax ugodovny'x i ispravitel'ny'x // V Tipografii Vtorogo Otdeleniya Sobstvennogo Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii. S.-Peterburg, 1845 g. IV, 898, [XVII] s.
2. Noye Ugodovnoe ulozhenie, Vy'sochajshe utverzhdennoe 22 marta 1903 goda / Izd-vo V.P. Anisimova. S.-Peterburg, 1903 g. 257 s.
3. Postanovlenie VCIK ot 01.06.1922 «O vvedenii v dejstvie Ugodovnogo Kodeksa R.S.F.S.R.» // SU RSFSR. 1922. № 15. St. 153.
4. Postanovlenie VCIK ot 22.11.1926 «O vvedenii v dejstvie Ugodovnogo Kodeksa R.S.F.S.R. redakcii 1926 goda» // SU RSFSR. 1926. № 80. St. 600.
5. Zakon RSFSR ot 27.10.1960 «Ob utverzhdanii Ugodovnogo kodeksa RSFSR». Vedomosti VS RSFSR. 1960. № 40. St. 591.

6. *Volzhenkin B.V.* Prestupleniya v sfere e'konomicheskoy deyatel'nosti (e'konomicheskie prestupleniya). SPb.: Centr-Press. 2007. S. 32–48.
7. *Evdoshenko I.V.* Vremennoe pravitel'stvo i reformy' trudovy'x otnoshenij v Rossii (fevral' – oktyabr' 1917 g.) // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: «Pravo». 2006. № 13 (68) S.67–73.
8. *Zaxarov V.V.* Istoriya gosudarstva i prava Rossii: uchebnik: v 2 t. / pod obshh. red. V.M. Sy'ry'x. M.: Norma: INFRA-M, 2014. 448 s.
9. *Zvirbul' V.K., Kuzneczova N.F., Min'kovskij G.M.* Kriminologiya. M.: Yurid. lit., 1979. 304 s.
10. *Trajnin A.N.* Izbranny'e trudy' / sost. N.F. Kuzneczova. SPb.: «Yuridicheskij centr Press», 2004. 898 s.
11. *Isaev I.A.* Istoriya gosudarstva i prava Rossii: uchebnik. 4-e izd., ster. M.: Norma: INFRA-M, 2014. 800 s.
12. *Lerner L.A.* Materialy' k izucheniyu istorii otechestvennogo gosudarstva i prava. Vy'p. 3: Ugolovnoe i processual'noe pravo e'poxi Petra I. Kursk: Kursk. gos. un-t, 2007. 67 s.
13. *Lutkov D.* Sbornik svedenij, raz''yasnyayushhix primenenie na praktike Ulozheniya o nakazaniyax. Tipografiya T. Ris'', na Sadovoj, u Yauzskoj chasti, d. Medy'ncevoj. 1872 g. 368 s.
14. *Nekipelov P.T.* Sovetskoe ugolovnoe zakonodatel'stvo v bor'be s xishheniyami socialisticheskoy sobstvennosti. M.: Gos. izdat. yurid. lit., 1954. 136 s.
15. *Sorokina A.V.* Sistema postroeniya osobennoj chasti rossijskix ugolovny'x zakonov vtoroj poloviny' IX – nachala XX vv. // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. 2013. № 4 (10). S. 36–46.
16. *Tolmacheva R.P.* Ekonomicheskaya istoriya: uchebnik dlya bakalavrov. M.: Izdatel'sko-torgovaya korporaciya «Dashkov i K°», 2013. 320 s.
17. *Tyunin V.I.* E'konomicheskie prestupleniya v sisteme dorevolucionnogo ugolovnogo prava (e'volyuciya nauchny'x predstavlenij) // Gosudarstvo i pravo. 2000. № 11. S. 73–80.

Y.U. Egorov

Development of Liabilities for Crimes in the Sphere of Economic Activity in Russian Legislation

The article is devoted to the history of formation and development of legislation about liabilities for crimes in the sphere of economic activity in Russia. The author analyzes the rules of liability for economic crimes in the middle of the 19th cent and at the end of the 20th century, and compares with the standards of current Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: crimes in the sphere of economic activity; security and economic relations; criminal law; criminal law history.

А.С. Милосердов

Принцип учета исторических традиций в системе принципов местного самоуправления

В статье показаны современные подходы к оценке принципов организации местного самоуправления. Автор выделяет принцип учета исторических традиций как один из базовых принципов местного самоуправления. Сделан вывод о необходимости исследования содержания данного принципа.

Ключевые слова: местное самоуправление; принципы права; принципы местного самоуправления; исторические традиции; муниципальное право.

Актуальность исследования принципов местного самоуправления определяется в современных условиях следующими обстоятельствами:

- 1) местное самоуправление составляет одну из основ конституционного строя Российской Федерации;
- 2) местное самоуправление — это форма реализации народом своей власти, что повышает значение местного самоуправления для функционирования демократического правового государства;
- 3) развитие институтов местного самоуправления будет способствовать формированию полноценного гражданского общества;
- 4) в науке муниципального права остается неразработанным целый ряд важных теоретических вопросов, в том числе вопрос о принципах муниципального права и принципах организации местного самоуправления; наличие здесь теоретических пробелов негативно сказывается на практике реализации правовых норм.

Принципы организации местного самоуправления установлены специальным Федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [1]. При их анализе необходимо учитывать, что принципы муниципального права отличаются от принципов организации местного самоуправления.

Принципы права представляют собой такие наиболее общие положения, которые определяют содержание и направления правового регулирования. Традиционно их делят на общеправовые, межотраслевые и отраслевые [3: с. 149]. При таком подходе, не отвергая значения всех трех названных групп для муниципально-правовых отношений, подчеркнем особое значение именно отраслевых принципов муниципального права. Эти принципы, характерные только для данной отрасли права, будут определять ее специфику и содержание.

Для принципов муниципального права, как и для других правовых принципов, будут иметь значение следующие характеристики: универсальность; однозначность в определении содержания; взаимосвязанность; системность.

Чтобы воплотиться в жизнь, принципы права, во-первых, должны быть выражены в действующем законодательстве; во-вторых, восприняты населением и получить отражение в правосознании.

В муниципальном праве устанавливаются принципы местного самоуправления, то есть те исходные, базовые идеи и начала, на основе которых развивается и функционирует система местного самоуправления.

Европейская хартия местного самоуправления, принятая в 1985 г. и вступившая в силу для Российской Федерации с 1 сентября 1998 г., говорит об общем принципе местного самоуправления. Ст. 2 Хартии устанавливает, что «принцип местного самоуправления должен быть признан во внутреннем законодательстве и, по возможности, в Конституции государства» [4].

Как отмечалось выше, в современной России принят и действует Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Этот акт, несмотря на свое название, не содержит единого перечня принципов. В то же время закон использует саму категорию принципов непосредственно в названиях отдельных глав и статей, например, глава 2 называется «Принципы территориальной организации местного самоуправления», а ст. 18 носит название «Принципы правового регулирования полномочий органов местного самоуправления». Поэтому, как справедливо отмечает крупный специалист в сфере муниципального права И.И. Овчинников, «выявление и формулирование конкретных принципов во многом зависит от критериев, положенных в основу анализа текста закона и выделения тех положений, которые можно считать принципами. Такой подход порождает широкий разброс мнений о том, какие положения закона можно считать принципами, а какие нет» [7: с. 149].

Действительно, разные ученые называют и отстаивают различные перечни принципов, которые лежат в основе местного самоуправления. Например, В.И. Фадеев, который являлся автором одного из первых исследований современного отечественного муниципального права, сделал вывод о существовании четырех основных принципов местного самоуправления [8: с. 33–34]. В более поздней работе этот же ученый выделил 11 основных принципов местного самоуправления [5: с. 52–59]. И.В. Выдрин называет шесть организационных принципов местного самоуправления [3: с. 75–79]. В фундаментальном современном учебнике по муниципальному праву обосновано существование десяти принципов [6: с. 41].

Мы солидарны с позицией И.И. Овчинникова, который полагает, что при анализе принципов местного самоуправления «задача состоит не в том, чтобы определить их численность. Перечень принципов, акценты в формулировках могут несколько варьироваться в зависимости от целей исследования, критериев, приоритетов и т. п. Важно, чтобы каждый из общих принципов в обобщенной форме отражал те или иные объективные закономерности

развития местного самоуправления, сущностные проявления и общепризнанные ценности, демократический потенциал местного самоуправления» [7: с. 156].

Можно сформулировать следующие критерии выделения принципов организации местного самоуправления:

- общий характер (относится ко всем аспектам деятельности местного самоуправления);
- закреплённость в муниципальном законодательстве;
- ценностное значение;
- отражение сущности и природы муниципального права.

П. 2 ст. 1 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» устанавливает, что местное самоуправление обеспечивает решение вопросов местного значения населением «с учетом исторических и иных местных традиций». Учитывая достаточно общий в целом характер данной статьи и ее ориентированность на концептуальное понимание организации и деятельности местного самоуправления в России, полагаем, что ее анализ крайне важен для понимания принципов муниципального права, в том числе приведенный выше фрагмент статьи ФЗ позволяет сделать вывод о правомерности выделения такого принципа местного самоуправления, как принцип учета исторических и иных местных традиций. Он вполне соответствует тем критериям выделения принципов местного самоуправления, которые были сформулированы выше: имеет общий характер, закреплён в тексте закона, обладает определенным ценностным содержанием, соответствует природе муниципального права.

Этот принцип можно условно разделить на две части, или даже два принципа: принцип учета исторических традиций и принцип учета местных традиций. Остановимся подробнее на первом из них.

Представляется, что принцип учета исторических традиций местного самоуправления исходит из понимания местного самоуправления как развивающейся системы, которая должна опираться на те сущностные особенности, которые формируются у населения определенной местности в течение длительного времени. Система народовластия на местном уровне у каждого народа может иметь свои специфические черты, которые складываются постепенно, в процессе длительной эволюции национальной государственности.

Особенности исторического развития самоуправления на местном уровне могут определяться совокупностью разнообразных факторов, среди которых можно выделить следующие:

- 1) природно-климатические условия, характерные для данного конкретного региона;
- 2) историческая судьба народа, проживающего на данной территории, включая его взаимоотношения с соседями;
- 3) особенности национального менталитета, характерного для данного населения;

4) организация государственной власти и особенности модели ее взаимоотношений с местным населением;

5) господствующие формы правового регулирования и правовые традиции.

Роль правовых традиций особенно велика, так как правовая традиция выступает тем фактором, который аккумулирует в себе множество различных особенностей и определяет вектор государственно-правового развития. В этом вопросе представляют интерес базовые положения немецкой исторической школы права, основоположники которой придавали особое значение правовым обычаям, необходимости их изучения и использования в процессе законотворческой деятельности.

Изучение истории развития местного самоуправления у разных народов показывает, что эта история породила разные формы организации сходных по своему смыслу институтов народовластия. Народные собрания в очень близко расположенных друг от друга Афинах и Спарте отличались и в организационном, и в содержательном аспектах. Еще более заметными станут различия, если добавить в этот сравнительный ряд Новгородское вече.

Поскольку деятельность местного самоуправления осуществляется в правовых рамках, решающее значение приобретает человек как субъект права. Именно от деятельности людей как источника муниципальной власти зависят и характер, и особенности, и эффективность местного самоуправления. В свою очередь, правосознание населения той или иной территории складывается постепенно, в течение длительного времени, и особенности его формирования и специфические черты определяются теми факторами, которые были названы выше.

Исторические традиции местного самоуправления в России складывались и развивались в достаточно неблагоприятной обстановке. Особенности территориального расположения определили наличие постоянной внешней угрозы, которая в совокупности с большим размером населения страны детерминировала авторитаризм власти. Россия могла выживать и вести самостоятельное существование только при наличии сильной централизованной государственной власти, которая постепенно ликвидировала остатки прежних элементов народовластия, заменила самоуправление институтами государственного управления.

Авторитаризм власти не способствовал формированию самоуправляющихся моделей и структур на местном уровне. В то же время, даже в период крепостничества в Российской империи сохранялось крестьянское общинное самоуправление, правда, поставленное под жесткий административный контроль.

В целом, российская историческая традиция местного самоуправления может быть охарактеризована следующими особенностями:

1) ограниченный характер местного самоуправления;

2) развитие институтов самоуправления по инициативе «сверху», от государства;

3) преимущественно хозяйственный характер деятельности структур самоуправления;

4) жесткий административный надзор за местным самоуправлением.

Таким образом, важное теоретическое и практическое значение имеет научный анализ принципов организации местного самоуправления. Он должен вестись в рамках двух основных направлений: характер и значение принципов организации местного самоуправления; содержание и особенности каждого конкретного принципа. Что касается принципа учета исторических особенностей местного самоуправления, то его можно отнести к числу базовых, основополагающих принципов.

Литература

1. Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 15.02.2016) // Собрание законодательства РФ. 06.10.2003. № 40. Ст. 3822.
2. *Байтин М.И.* Сущность права. Современное нормативное правопонимание на грани двух веков. 2-е изд., доп. М.: Право и государство, 2005. 544 с.
3. *Выдрин И.В.* Муниципальное право России: учебник для вузов. М.: Норма, 2004. 320 с.
4. Европейская хартия местного самоуправления // Собрание законодательства РФ. 07.09.1998. № 36. Ст. 4466.
5. Муниципальное право: учебник для бакалавров / отв. ред. В.И. Фадеев. М.: Проспект, 2013. 336 с.
6. Муниципальное право России: учебник. 8-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016. 399 с.
7. *Овчинников И.И.* Принципы местного самоуправления (теоретико-правовой анализ) // Принципы права: сб. статей по итогам круглого стола в Московском институте государственного управления и права. М.: Изд-во «Русайнс», 2015. С. 146–163.
8. *Фадеев В. И.* Муниципальное право России. М.: Юрист, 1994. 168 с.

Literatura

1. Federal'ny'j zakon «Ob obshhix principax organizacii mestnogo samoupravleniya v Rossijskoj Federacii» ot 06.10.2003 № 131-FZ (red. ot 15.02.2016) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 06.10.2003. № 40. St. 3822.
2. *Bajtin M.I.* Sushhnost' prava. Sovremennoe normativnoe pravoponimanie na grani dvux vekov. 2-e izd., dop. M.: Pravo i gosudarstvo, 2005. 544 s.
3. *Vy'drin I.V.* Municipal'noe pravo Rossii: uchebnik dlya vuzov. M.: Norma, 2004. 320 s.
4. Evropejskaya xartiya mestnogo samoupravleniya // Sobranie zakonodatel'stva RF. 07.09.1998. № 36. St. 4466.
5. Municipal'noe pravo: uchebnik dlya bakalavrov / otv. red. V.I. Fadeev. M.: Prospekt, 2013. 336 s.
6. Municipal'noe pravo Rossii: uchebnik. 8-e izd., pererab. i dop. M.: YuNITI-DANA, 2016. 399 s.
7. *Ovchinnikov I.I.* Principy' mestnogo samoupravleniya (teoretiko-pravovoj analiz) // Principy' prava: sb. statej po itogam kruglogo stola v Moskovskom institute gosudarstvennogo upravleniya i prava. M.: Izd-vo «Rusajns», 2015. S. 146–163.
8. *Fadeev V.I.* Municipal'noe pravo Rossii. M.: Yurist, 1994. 168 s.

A.S. Miloserdov

**Reference to Historical Traditions
in the System of Local Self-Government Principles**

The article shows modern approaches to understanding the principles of organization of local self-government. The author highlights the principle of taking into account the historical traditions as one of the basic principles of local self-government. The conclusion about the need to study the contents of this principle is made.

Keywords: local government; principles of law; the principles of local self-government; traditions; municipal law.

Е.И. Свищева

Возможность перехода исключительного права на коммерческое обозначение к новому правообладателю без заключения договора

В статье раскрыты особенности перехода прав на коммерческое обозначение без заключения договора. Такой способ передачи прав относится к универсальному правопреемству, включающему наследование предприятия и его средств индивидуализации, реорганизацию юридического лица. Автором рассмотрены существующие механизмы по закреплению и переходу исключительных прав на коммерческое обозначение и высказаны предложения по совершенствованию действующего законодательства. Предложения позволят усовершенствовать реализацию прав на средства индивидуализации данным способом.

Ключевые слова: коммерческое обозначение; средство индивидуализации; предприятие; наследование предприятия; реорганизация юридического лица; универсальное правопреемство.

В условиях нестабильности экономики возникает актуальная проблема для субъектов предпринимательской деятельности: существование нематериальных активов, их поддержание или передача другим лицам. Коммерческое обозначение как средство индивидуализации предприятия, безусловно, относится к нематериальным активам и является самым слабозащищенным по сравнению с фирменными наименованиями и товарными знаками.

Передача коммерческого обозначения другим субъектам предпринимательской деятельности может осуществляться в рамках договорных правоотношений [4: с. 41–47], а также передаваться новому правообладателю и без договоров. К таким правоотношениям относится универсальное правопреемство. Вопросы, касающиеся этого вида правопреемства с использованием объектов интеллектуальной собственности на данный момент изучены мало. Только В.А. Болтнева [3: с. 35] в своей работе отразила связь исключительных прав с предприятием и их переход по наследству.

К видам универсального правопреемства относятся наследование и реорганизация юридического лица.

Отметим, что здесь для субъектов предпринимательской деятельности существует ряд принципиальных особенностей. Примером такой особенности с точки зрения процедуры реализации действия является соотносимое с рассматриваемой темой наследование предприятия.

Если наследник является индивидуальным предпринимателем или коммерческой организацией, у него может возникнуть преимущественное право на получение в наследство предприятия с учетом возвращения компенсации другим наследникам при несоразмерности долей. Если же ни у кого из наследников не возникает такого преимущественного права или им не воспользовались, предприятие не делится на доли, а включается в общую долевую собственность, если наследники не определяют иной порядок.

В случае, когда единственным наследником является гражданин без какого-либо статуса на момент открытия наследства, на время получения им статуса индивидуального предпринимателя для функционирования предприятия может быть назначен временный или доверительный управляющий.

Следует согласиться с В.А. Болтневой, обращающей в своей работе [3: с. 30–31] внимание на основные проблемы при наследовании предприятия, и в его составе, соответственно, исключительных прав:

- Чаще всего наследниками становятся физические лица без статуса индивидуального предпринимателя. Следовательно, к такому наследнику переходят права, которыми могут обладать только индивидуальные предприниматели или коммерческие организации.

- Возникает также проблема перехода прав на интеллектуальную собственность, в том числе на средства индивидуализации, которые физическим лицам не могут принадлежать.

- В.А. Болтнева настаивает на том, что физические лица в таких случаях должны получать хотя бы статус индивидуального предпринимателя в течение одного года или отчуждать (в противном случае) средства индивидуализации.

Проведя подробный анализ нормативно-правовых актов и практики применения существующего законодательства, считаем необходимым обратить внимание на то, что в таком случае исключительные права на коммерческое обозначение, принадлежавшие предприятию, будут утрачены. Перечислим причины этого.

Во-первых, если коммерческое обозначение не будет использоваться непрерывно в течение одного года, исключительное право на него автоматически прекратится и может беспрепятственно использоваться другими субъектами коммерческой деятельности. Во-вторых, самостоятельное отчуждение коммерческого обозначения также невозможно, так как оно служит для индивидуализации предприятия или бизнеса в целом. И это справедливо, несмотря на то, что коммерческое обозначение может выступать самостоятельным объектом по договорам как объект авторского права [4: с. 46].

Таким образом, наиболее острой можно считать проблему перехода исключительных прав на коммерческое обозначение в результате наследования его физическим лицом, не являющимся субъектом предпринимательской деятельности. А также в случае получения таким наследником статуса индивидуального предпринимателя вероятность непосредственного использования рассматриваемого средства индивидуализации (равно как и других атрибутов)

слишком мала, поскольку эффективное ведение предпринимательской деятельности такими лицами не всегда имеет успех.

Для таких случаев необходимо более детально проработать возможность использования доверительного управления в отношении результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, обеспечить более активное применение лицензионных договоров, договоров аренды или оценить вопрос продажи предприятия.

Учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод, что гораздо более успешным может быть наследование предприятий (и в их составе исключительных прав) только для субъектов предпринимательской деятельности. Сама по себе норма для физических лиц и приобретения ими статуса индивидуального предпринимателя является мертвой и работает только для получения наследства, но не для беспрепятственного дальнейшего функционирования предприятия. К тому же наследников может быть несколько, что значительно усложняет процесс.

Исходя из этого, поддерживаем точку зрения Е.А. Янушкевич: «Так как имущественный комплекс представляет собой определенную совокупность взаимосвязанных материальных и нематериальных благ, используемых по общему назначению, то переход его в порядке наследственного правопреемства к нескольким наследникам может снизить его ценность и экономическую эффективность. Целесообразным было бы закрепление порядка перехода имущественного комплекса при его разделе между несколькими наследниками к лицу, являвшемуся с наследодателем участником общей собственности на имущественный комплекс» [5: с. 7].

Несмотря на то, что В.А. Болтнева считает возможным передавать и использовать коммерческое обозначение для части предприятия [3: с. 22], полагаем нецелесообразным применение такой гипотезы для наследственных правоотношений, так как при варианте раздела предприятия при нескольких наследниках — физических лицах исключается массовое получение ими статуса индивидуального предпринимателя и резко уменьшается способность полноценного функционирования отдельных частей предприятия с полным комплектом средств индивидуализации, а тем более с использованием коммерческого обозначения без заключения каких-либо договоров (хотя бы договора простого товарищества).

По приведенным причинам в законодательстве необходимо установить, что именно приобретение при наследовании в составе организаций или предприятий исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации наиболее приоритетно субъектами коммерческой деятельности. Предлагаем изложить статью 1178 Гражданского Кодекса Российской Федерации в следующей редакции:

«Наследник, который на день открытия наследства зарегистрирован в качестве индивидуального предпринимателя, или коммерческая организация,

которая является наследником по завещанию, имеет при разделе наследства преимущественное право на получение в счет своей наследственной доли входящего в состав наследства предприятия (статья 132), а также в его составе исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, с соблюдением правил статьи 1170 настоящего Кодекса.

Когда наследниками выступают физические лица без статуса индивидуального предпринимателя, управление предприятием до получения ими такого статуса осуществляется посредством доверительного управления.

В случае, когда никто из наследников не имеет указанного преимущественного права или не воспользовался им, предприятие, входящее в состав наследства, разделу не подлежит и поступает в общую долевую собственность наследников в соответствии с причитающимися им наследственными долями, если иное не предусмотрено соглашением наследников, принявших наследство, в состав которого входит предприятие».

Вторым видом универсального правопреемства является реорганизация юридического лица, при которой средства индивидуализации могут переходить к другому юридическому лицу. В данном случае судьба объектов интеллектуальной собственности в законодательстве практически не отражена. Следует заметить, что для того, чтобы средства индивидуализации или другие результаты интеллектуальной деятельности могли передаваться новым субъектам, они должны быть отражены в балансовой ведомости предприятия или пройти инвентаризацию и обладать материальной ценностью, определение которой есть весьма трудоемкий процесс.

Относительно нематериальных активов есть всего лишь один пункт в Методических указаниях по проведению инвентаризации, который гласит:

«При инвентаризации нематериальных активов необходимо проверить:

- наличие документов, подтверждающих права организации на их использование;
- правильность и своевременность отражения нематериальных активов в балансе» [2: п. 3.8].

Основываясь на этом положении, можно говорить о том, что главным подтверждением прав на средства индивидуализации являются правоустанавливающие документы, а для коммерческих обозначений — подтверждение их фактического использования и наличие известности на определенной территории, и как дополнительный аспект — закрепление рассматриваемых нематериальных объектов в балансовой ведомости.

Реорганизация на сегодняшний день считается наиболее распространенной процедурой, которую юридические лица разных организационно-правовых форм используют в своей деятельности.

Точного определения реорганизации, как и предприятия, и коммерческого обозначения, не дается в Гражданском кодексе Российской Федерации. В статье 132 Гражданского кодекса Российской Федерации [1: ст. 132] указано лишь,

что предприятие является имущественным комплексом, который используют для осуществления предпринимательской деятельности. И такой комплекс включает в себя все виды имущества, используемые для реализации заявленных целей, в том числе и права на обозначения, служащие для его индивидуализации (коммерческие обозначения, товарные знаки и фирменные наименования).

Реорганизация юридического лица в большинстве случаев имеет целями:

- повышение эффективности управления;
- приобретение или отчуждение активов;
- объединение активов компаний для ведения наиболее результативной деятельности;
- предотвращение враждебных покушений со стороны конкурентов;
- стимулирование инвестиционной деятельности и привлечение партнеров.

В контексте данного исследования представляет наибольший интерес реорганизация с целью приобретения или отчуждения активов организациями, в том числе неимущественных активов. Именно они представляют собой одну из составляющих их конкурентоспособности.

Смена организационно-правовой формы может производиться в кризисных условиях малыми и средними организациями, у которых нет собственных известных средств индивидуализации, фирменного стиля, так как это предоставляет шанс сохранения бизнеса. Таким образом увеличивается количество реорганизаций в виде слияния более мелких участников экономических правоотношений с более крупными. В кризисных условиях, многие, даже крупные компании, вынуждены прибегать к присоединениям, выделениям, слияниям и иным преобразованиям.

Реорганизация юридического лица может производиться по воле учредителей или уполномоченных органов лица по следующим формам: слияние, разделение, присоединение, выделение, преобразование. С момента новой государственной регистрации лицо будет считаться реорганизованным (за исключением варианта со слиянием). Если происходит присоединение, то реорганизация считается проведенной с момента прекращения деятельности присоединяемого юридического лица и внесения записи в государственный реестр о его ликвидации.

Итак, данный способ изменения организационно-правовой формы неразрывно связан с имущественными вопросами в отношении субъектов предпринимательской деятельности. Согласно положениям гражданского законодательства, реорганизация подлежит обязательной государственной регистрации, и ее участники должны оформить следующие правоустанавливающие документы: передаточный акт или заполненная форма разделительного баланса (для главного распорядителя бюджетных средств и иных бюджетных организаций). Оформление того или иного акта зависит от формы реорганизации. Первый случай предусмотрен для слияний, присоединений и преобразований, второй — для процессов разделения и выделения.

Все виды реорганизации происходят по одинаковым этапам, для исследуемого нами вопроса интерес представляют:

- Этап 2: Инвентаризация активов и обязательств организации.
- Этап 3: Подготовка документов для проведения реорганизации.

На наш взгляд, по результатам данных этапов необходимо согласование, кому и каким образом переходят нематериальные активы, будет ли организация или организации вести свою деятельность под одним коммерческим обозначением, будут ли созданы филиалы или представительства.

Зачастую при реорганизации юридических лиц у других субъектов предпринимательской деятельности появляется возможность для участия во вновь создаваемом юридическом лице, а также здесь очень актуально приобретение активов. При этом именно и остается открытым вопрос: интеллектуальные активы будут передаваться филиалу или представительству юридического лица, а следовательно, они будут едины, или же приобретатель таких активов создаст новое юридическое лицо, где получаемые активы могут оформляться различным образом и может потребоваться дополнительное заключение договоров? В таких случаях функционирование коммерческого обозначения не всегда может продолжаться в дальнейшем. Тем более если происходит выделение или иные преобразования. Наиболее используемо средство индивидуализации при слиянии, присоединении или поглощении.

Рассматриваемые нами вопросы на практике опускаются, так как на не регистрируемое средство индивидуализации не обращается дополнительное внимания, тем более, что законодательство участников таких правоотношений к этому не обязывает.

Таким образом, можно сделать правомерный вывод о том, что коммерческое обозначение наряду с товарными знаками и фирменными наименованиями является неотъемлемой и важной частью предпринимательской деятельности, поэтому сохранность и правильная передача рассматриваемого обозначения другим субъектам достаточно важный и ответственный процесс. Отметим, что после указанных нами в исследовании предложений, удастся упростить переход прав на коммерческое обозначение в результате универсального правопреемства, а также повысить при таком переходе сохранность исходного обозначения.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. 13.07.2015) // СЗ РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.
2. Приказ Минфина РФ от 13.06.1995 № 49 «Об утверждении Методических указаний по инвентаризации имущества и финансовых обязательств» (в ред. 08.11.2010) // Финансовая газета. 1995. № 28.
3. *Болтнева В.А.* Исключительные права предприятия как сложного объекта: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 35 с.
4. *Свищева Е.И.* Особенности распоряжения правом на коммерческое обозначение по гражданско-правовым договорам // Право и экономика. 2014. № 7. С. 41–47.

5. Янушкевич Е.А. Наследование по завещанию предприятия как имущественного комплекса: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2006. 28 с.

Literatura

1. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervana) ot 30.11.1994 № 51-FZ (v red. 13.07.2015) // SZ RF. 05.12.1994. № 32. St. 3301.

2. Prikaz Minfina RF ot 13.06.1995 № 49 «Ob utverzhenii Metodicheskikh ukazanij po inventarizacii imushhestva i finansovy'x obyazatel'stv» (v red. 08.11.2010) // Finansovaya gazeta. 1995. № 28.

3. Boltneva V.A. Isklyuchitel'ny'e prava predpriyatiya kak slozhnogo ob'ekta: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2010. 35 s.

4. Svishheva E.I. Osobennosti rasporyazheniya pravom na kommercheskoe oboznachenie po grazhdansko-pravovy'm dogovoram // Pravo i e'konomika. 2014. № 7. S. 41–47.

5. Yanushkevich E.A. Nasledovanie po zaveshhaniyu predpriyatiya kak imushhestvennogo kompleksa: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Izhevsk, 2006. 28 s.

E.I. Svishheva

Possibility to Transfer the Exclusive Rights to the Trade Name to a New Right Holder without a Contract

The article reveals the peculiarities of transferring the rights to the trade name to a new right holder without a contract. This method of transfer of rights is related to universal succession and comprises the company succession and the succession of means of individualization, the reorganization of the legal entity. The author puts forward some proposals to improve the existing legislation and reviews existing mechanisms to consolidate and transfer exclusive rights to the trade name. The proposals will help improve the implementation of the rights to means of individualization using this method.

Keywords: trade name; means of individualization; company; succession of the enterprise; the reorganization of the legal entity; universal succession.

М.А. Шестопалов

Политико-правовые аспекты отношений советского государства и церкви

В статье представлен анализ архивных документов советской эпохи, касающихся вопроса отношений государства с Русской Православной Церковью¹. При описании характера таких отношений отмечено, что в течение всего советского периода отечественной истории он оставался неизменным, за исключением периода Великой Отечественной войны, когда наблюдалось сотрудничество по некоторым вопросам между государством и Церковью.

Ключевые слова: СССР; государство; церковь; декрет; война.

Государственно-церковные отношения в России имеют глубокую историю. Их генезис связан с формированием российского государства в X веке. Существующие параллели позволяют выделить несколько значимых периодов государственно-церковных отношений:

- период феодальной раздробленности XII–XIII вв.;
- синодальный период XVIII–XX вв.;
- советский период 1917–1991 гг.;
- современный период с начала 1990-х годов.

Первые два периода отечественной истории ознаменованы сильным влиянием Церкви, что позволяет сделать вывод о неопределимой роли православия при формировании на Руси собственной государственности и культуры. Однако к началу XX века в силу ряда различных причин воздействие религии (православия в частности) на общественные отношения значительно ослабевает. Первая мировая война, революция 1905 года, растущая социальная напряженность спровоцировали кризис государственной власти и дальнейшее ее свержение.

Начало советскому периоду государственно-церковных отношений положил Декрет СНК РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» [1: с. 373], принятый в январе 1918 года. Документ, состоящий из 13 пунктов, заложил основу правоотношениям советского государства с Церковью и установил ее правовой статус. А именно: все церковные и религиозные общества подчиняются общим положениям о частных обществах и союзах. Однако Церковь была лишена права владеть собственностью и не наделялась правами юридического лица.

¹ В данной статье в написании слов, связанных с церковью и ее институтами, оставлена авторская орфография, которая не совпадает со словарно-справочной (см. Лопатин В.В., Нечасова И.В., Чельцова Л.И. Прописная или строчная: орфографический словарь. М.: Эксмо, 2011).

Ранее (2 декабря 1917 г.), зная о подготовке данного декрета, Поместный Собор Церкви выразил свое несогласие по поводу навязываемых государственно-церковных отношений в Определении о правовом положении Православной Российской Церкви [13: с. 801]. Данное несогласие Церкви не оказалось необоснованным. В марте 1922 года на заседании Политбюро был утвержден состав комиссии по изъятию ценностей из московских церквей [3]. 14 апреля 1922 г. И.В. Сталин направляет всем секретарям губернских комитетов телеграмму шифром, которая посвящена работе властей над расколом внутри духовенства. В частности, И.В. Сталин отмечает (орфография текста телеграммы сохранена): *«Лойяльные элементы духовенства должны получить уверенность, что советская власть, не вмешиваясь во внутренние дела церкви, не позволит контр-революционным иерархам расправляться над демократическими элементами духовенства»* и *«Надо всемерно подталкивать лойяльных попов на лозунг нового поместного собора для смещения контр-революционного патриарха»* [4]. 26 мая 1922 г. Политбюро поддержало предложение Л.Д. Троцкого об оттягивании созыва Церковного Собора, обосновывая свое решение тем, что *«вполне вероятно такая комбинация, когда часть церкви сохранит лойяльного патриарха, которого не признает другая часть церкви, организуемая под знаменем синода или полной автономии общин»*, так как *«такая комбинация самая выгодная»* [5].

Далее советской властью была предпринята попытка расколоть Русскую Церковь с помощью обновленчества и специально созданного Высшего Церковного Управления, о прямом государственном контроле которого свидетельствует протокол Политбюро № 54 от 08.03.1923. В нем содержится решение *«признать необходимым дальнейшее существование ВЦУ»* [6]. Логическим завершением подготовки нормативной основы для открытой борьбы советской власти с Церковью стало издание Циркуляра о закрытии церквей [7].

Фундаментальным актом, регулирующим государственно-религиозные отношения, стало Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 года *«О религиозных объединениях»* [2], которое, с учетом изменений 1962 и 1975 годов, действовало на всем протяжении советской истории.

В 1936 году решением советской власти прекращена деятельность Высшего Патриаршего Синода православной церкви, образованного ранее как временный орган Высшего Церковного Управления. На основе всех сложившихся факторов с уверенностью можно сказать, что юридически Русская Церковь перешла на нелегальное положение.

Во время Великой Отечественной войны позиция советской власти по отношению к Церкви начинает меняться. На некоторый момент даже представляется существование союза государства и Церкви, так как этот союз отвечал тактической линии большевиков. Союз должен был упрочить духовные силы граждан, веру в победу, оказать всяческую, в том числе финансовую, помощь власти, но при этом союзник должен был находиться в зависимости от большевистского государства [12].

5 января 1943 г. митрополитом Сергием Страгородским в адрес И.В. Сталина была направлена телеграмма, в которой митрополит информировал Кремль о начале сбора пожертвований среди духовенства и верующих на танковую колонну им. Дмитрия Донского. Далее в телеграмме имеется просьба об открытии в Госбанке специального счета для зачисления на него собранных денежных средств. И.В. Сталин направил ответную телеграмму, в которой выразил *«благодарность от лица Красной армии за заботу о бронетанковых силах»* и добавил, что *«указание об открытии специального счета в Госбанке дано»* [14: с. 96].

4 сентября 1943 года происходит событие, которое было весьма необычно для советской власти. После встречи И.В. Сталина с митрополитами Сергием, Алексием и Николаем были поставлены вопросы о созыве Поместного собора для избрания Патриарха, а также о создании Совета по делам РПЦ как специального государственного органа для координации действий правительства и руководства Церкви. 5 сентября 1943 г. присутствовавшие на встрече митрополиты направили в адрес И.В. Сталина благодарственное письмо, в котором, в частности, отмечали: *«Русская Церковь никогда не забудет того, что признанный всем миром Вождь – не только Сталинской Конституцией, но и личным участием в судьбах Церкви поднял дух всех церковных людей к еще более усиленной работе на благо дорогого отечества»* [8].

28 ноября 1943 года принимается Постановление СНК № 1325 «О порядке открытия церквей». В данном постановлении детально описывалась процедура открытия храмов. Однако обозначенная процедура была крайне сложной, проходила в несколько этапов, где, в конечном счете, требовалось получение разрешения Совета по делам РПЦ.

Следующим значимым документом является Положение об управлении Русской Православной Церковью, разработанное Московской Патриархией вместе с Советом по делам РПЦ и утвержденное Постановлением СНК СССР № 162 от 28 января 1945 года. Данное Положение создало правовую коллизию: Положение устанавливало централизованное управление Церковью и широкие полномочия патриарха, что противоречило действующему Постановлению ВЦИК и СНК РСФСР от 08.04.1929 «О религиозных объединениях». Существование данного казуса объяснимо строгим контролем Церкви со стороны власти. В силу того, что Русская Православная Церковь так и не приобрела официального статуса юридического лица, то все преференции, которые ей предоставило государство (в частности, открытие временного специального счета в Госбанке), оно же могло их и отобрать.

Церковь стремилась поддерживать мирный настрой в государственно-церковных отношениях советской эпохи, всячески благодаря советскую власть за оказание помощи. В 1945 году по окончании Второй мировой войны Патриарх Алексей, поздравляя И.В. Сталина, пишет: *«Русская Православная Церковь, всегда призывающая благословение Божие на Ваши необъятные*

труды во благо нашей страны, вместе со всем народом сердечно приветствует Вас...» [9]. В то же время Сталин лично благодарил Церковь и ее отдельных иерархов за поддержку и заботу о советском народе [10].

При этом Русская Церковь продолжала подвергаться ряду различных правовых ограничений, в том числе невозможностью выезда отдельных представителей Русской Церкви за пределы Советского Союза. Для участия в зарубежных церковных мероприятиях требовалось рассмотрение данного вопроса на высоком уровне с участием Совета по делам РПЦ [11].

После смерти И.В. Сталина правовое положение Церкви, равно как и иных конфессий, остается прежним. 16 марта 1961 года Постановлением Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР и Постановлением Совета по делам РПЦ утверждается «Инструкция по применению законодательства о культах», которая давала разъяснения по целому ряду определений и терминов, приведенных в Конституции СССР, Постановлении «О религиозных объединениях», а также иных нормативных правовых актах, и являлась, таким образом, актом толкования права.

В 1977 году вступает в силу новая Конституция СССР. В статье 52 устанавливается право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, отправлять религиозные культы или вести атеистическую пропаганду. И вновь подтверждается принцип, указанный в Постановлении 1929 года, что Церковь в СССР отделена от государства и школа — от Церкви.

Таким образом, данная норма не повлияла на правовой статус Церкви, а лишь подтвердила статус, действующий ранее.

Изменения государственно-церковных отношений и правового статуса Церкви произошли 1 октября 1990 года с принятием Закона СССР «О свободе совести и религиозных организациях», а именно: Московская Патриархия, церковные учреждения и некоторые приходы наделялись правами юридического лица. Таким образом, Постановление 1929 года было заменено новым законом, что способствовало улучшению положения Русской Православной Церкви.

Итак, советский период государственно-церковных отношений отмечен мощным влиянием государства на Церковь. Политико-правовой контроль всех церковных учреждений, сопровождавшийся репрессивными мерами в отношении духовенства, сформировал особую модель отношений, в которой Церковь, не являясь субъектом права, продолжала все-таки существовать и вступать в отношения с публичной властью. Возникнув в 1918 году, данная модель с незначительными изменениями просуществовала вплоть до 1990 года, когда российское государство и Церковь вступили в новый период совместных правоотношений.

Литература

1. Декреты Советской власти. Т. 1. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1957.
2. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 08.04.1929 // Собрание узаконений РСФСР. 1929. № 35. Ст. 353

3. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 280. Л. 6,19. Протокол ПБ № 111 от 10–13 марта 1922 г. П. 39.
4. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 29. Л. 12. Шифротелеграмма И.В. Сталина секретарям губкомов о церкви.
5. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 294. Л. 3, 9–10. Протокол ПБ № 8 от 26 мая 1922 г. П. 11.
6. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 340. Л. 3. Протокол ПБ № 54 от 8 марта 1923 г. П. 11.
7. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 373. Л. 4, 11–13. Протокол ПБ № 25 от 16 августа 1923 г. П. 12.
8. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 806. Л. 139–140. Письмо митрополитов Сергия, Алексея и Николая с благодарностью за прием.
9. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1349. Л. 112. Приветствие Патриарха Московского и всея Руси Алексея в связи с награждением И.В. Сталина орденом «Победа», присвоением звания Героя Советского Союза и высшего воинского звания Генералиссимуса Советского Союза.
10. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 847. Л. 76. Телеграмма И.В. Сталина митрополиту Милетию, архиепископу Димитрию, епископу Ювеналию с просьбой передать привет и благодарность православному русскому духовенству и верующим г. Харбина за заботу о детях и семьях воинов Красной Армии.
11. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1054. Л. 8, 23. Протокол ПБ № 47 от 29 декабря 1945 г. Пп. 23, 94.
12. *Батеенков П.С., Ткачев А.М.* О взаимоотношениях государства и Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны // Саратовский государственный университет. URL: <http://www.sgu.ru/files/nodes/9659/19.pdf> (дата обращения: 24.11.2015).
13. *Протоиерей Владислав Цыпин.* Каноническое право. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2009. 864 с.
14. Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война: сборник документов. М.: Изд-во Московской Патриархии, 1943. 100 с.

Literatura

1. Dekrety' Sovetskoj vlasti. T. 1. M.: Gos. izd-vo politicheskoy literatury', 1957.
2. Postanovlenie VCIK i SNK RSFSR «O religiozny'x ob'edineniyax» ot 08.04.1929 // Sobranie uzakonenij RSFSR. 1929. № 35. St. 353.
3. RGASPI. F.17. Op. 3. D. 280. L. 6,19. Protokol PB № 111 ot 10–13 marta 1922 g. P. 39.
4. RGASPI. F. 558. Op. 11. D. 29. L. 12. Shifrotelegramma I.V. Stalina sekretaryam gubkomov o cerkvi.
5. RGASPI. F. 17. Op. 3. D. 294. L. 3, 9–10. Protokol PB № 8 ot 26 maya 1922 g. P. 11.
6. RGASPI. F. 17. Op. 3. D. 340. L. 3. Protokol PB № 54 ot 8 marta 1923 g. P. 11.
7. RGASPI. F. 17. Op. 3. D. 373. L. 4, 11–13. Protokol PB № 25 ot 16 avgusta 1923 g. P. 12.
8. RGASPI. F. 558. Op. 11. D. 806. L. 139–140. Pis'mo mitropolitov Sergiya, Aleksiya i Nikolaya s blagodarnost'yu za priem.
9. RGASPI. F. 558. Op. 11. D. 1349. L. 112. Privetstvie Patriarxa Moskovskogo i vseya Rusi Aleksiya v svyazi s nagrazhdeniem I.V. Stalina ordenom «Pobeda», prisvoeniem zvaniya Geroya Sovetskogo Soyuz a i vy'sshhego voinskogo zvaniya Generalissimusa Sovetskogo Soyuz a.
10. RGASPI. F. 558. Op. 11. D. 847. L. 76. Telegramma I.V. Stalina mitropolitu Miletiiyu, arxiepiskopu Dimitriyu, episkopu Yuvenaliyu s pros'boj peredat' privet i blagodar-

nost' pravoslavnomu rusckomu duxovenstvu i veruyushhim g. Xarbina za zobotu o detyax i sem'yax voinov Krasnoj Armii.

11. RGASPI. F. 17. Op. 3. D. 1054. L. 8, 23. Protokol PB № 47 ot 29 dekabrya 1945 g. P. 23, 94.

12. *Bateenkov P.S., Tkachev A.M.* O vzaimootnosheniyax gosudarstva i Russkoj pravoslavnoj cerkvi v gody' Velikoj Otechestvennoj vojny' // Saratovskij gosudarstvenny'j universitet. URL: <http://www.sgu.ru/files/nodes/9659/19.pdf> (data obrashheniya: 24.11.2015).

13. Protoierej Vladislav Czy'pin. Kanonicheskoe pravo. M.: Izd-vo Sretenskogo monasty'rya, 2009. 864 s.

14. Russkaya Pravoslavnaya Cerkov' i Velikaya Otechestvennaya vojna: sbornik dokumentov. M.: Izd. Moskovskoj Patriarxii, 1943. 100 s.

M.A. Shestopalov

Political and Legal Aspects Regarding the Soviet State and the Church

The article presents an analysis of archival documents of the Soviet era with respect to the question of relations between Russian Orthodox Church and the state. While describing the nature of such relations it was noted that during the Soviet period of Russian history it remained unchanged, except during World War II, when there was co-operation on some issues between the state and Church.

Keywords: the USSR; the State; Church; the decree; war.

КРИТИКА. РЕЦЕНЗИИ. БИБЛИОГРАФИЯ

Д.А. Пашенцев

Рецензия на монографию Е.М. Павленко «Образование в области прав человека как основа формирования правовой культуры и культуры прав человека в Российской Федерации» (М.: Права человека, 2016. 216 с.)

Образование всегда играло и продолжает играть определяющую роль для развития общества. Как справедливо отмечают отечественные социологи, «накапливая в себе прошлый и настоящий социальный опыт, образование тем самым создает предпосылки социальных инноваций во всех сферах общественной жизни... Образование по своим функциям и содержанию является сферой, системообразующей все общество» [1: с. 54].

В связи с реформированием системы образования в России в настоящее время в научном сообществе возобновлена дискуссия о роли, перспективах и тенденциях развития правового просвещения и воспитания, гражданского и юридического образования. Именно юридическое образование может способствовать решению важной задачи, связанной с повышением уровня правосознания населения. От решения этой задачи во многом зависит успешная реализация государственной политики в сфере борьбы с коррупцией и преступностью. Национальная система юридического образования оказывает прямое влияние на развитие права, на его восприятие правоприменителями, на функционирование всех государственно-властных и общественных структур, и в этом проявляется ее особая значимость.

Роль правового просвещения, юридического образования и правового воспитания неоднократно подвергалась изучению, известны диссертационные исследования, в том числе последних лет, однако работ, посвященных комплексному анализу значения образования в области прав человека для становления высокого уровня правовой культуры и грамотности, на сегодняшний день не существует. Между тем Россия как государство-участник многих

международных договоров в сфере образования взяла на себя обязательства по информированию и просвещению в области прав человека всех слоев населения, а также таких профессиональных групп, как сотрудники правоохранительных органов, военнослужащие, судьи, омбудсмены и другие. Поэтому проблема взаимосвязи и взаимообусловленности юридического образования и образования в области прав человека имеет существенное значение.

Под своим особым углом зрения к данной проблематике обращается автор вышедшей в свет монографии «Образование в области прав человека как основа формирования правовой культуры и культуры прав человека в Российской Федерации» — кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права и прав человека Юридического института МГПУ Евгения Михайловна Павленко [2].

Научный труд Е.М. Павленко посвящен теоретическому обоснованию именно концепции образования в области прав человека, под которым понимается «процесс и результат передачи и усвоения знаний, умений и навыков, формирования ценностных ориентаций и качеств личности в целях создания всеобщей культуры прав человека» [2: с. 105]. В своей работе автор рассматривает образование в области прав человека как основу формирования не только культуры прав человека, но и традиционной для нашей отечественной юридической науки — правовой культуры.

Вопросы соотношения и взаимосвязи данных категорий науки и явлений общественной жизни подвергаются анализу автором в первой главе настоящей монографии «Правовая культура и культура прав человека в правовой теории и практике». Проблемы формирования правовой культуры в юридической науке активно исследовались отечественными учеными начиная с 60-х гг. XX века. Однако с учетом современных реалий постановка автором монографии многих вопросов звучит по-новому.

Е.М. Павленко позиционирует себя как сторонник аксиологического подхода в исследовании культуры, рассматривая и правовую культуру, и культуру прав человека как элементы духовной культуры общества, процесс формирования которых затрагивает прежде всего изменение мировоззренческих установок и ценностных ориентаций, а также как категории, имеющие непосредственное отношение к оценке прав и свобод человека [2: с. 71]. Для автора правовая культура и культура прав человека не являются тождественными понятиями.

Вводя в научный оборот категорию «культура прав человека», Е.М. Павленко четко и последовательно определяет ее сущность, структуру, типологию, уровни, особенности соотношения с правосознанием (включая его отраслевую форму — конституционное правосознание) и правовой культурой. Автор с уважением воспринимает предшествующие теоретические достижения в области теории права, опирается на материалы фундаментальных трудов ученых-юристов Российской Федерации и зарубежных стран, в том числе на иностранных языках, а также диссертационных исследований последних лет.

Евгения Михайловна, обращая внимание на особенности восприятия в массовом сознании россиян категории «права человека», справедливо утверждает, что «многое в современном состоянии правовой культуры и культуры прав человека является следствием прошлого исторического опыта» [2: с. 78].

Авторский подход к культуре прав человека представляется весьма интересным, поскольку в современных условиях очевидна и необходима доктринальная разработка новой концепции прав человека, основанной на уважении к традиционным национальным и религиозным ценностям, на разделении универсализма и многообразия, направленной на созидание, а не на разрушение. Е.М. Павленко рассматривает права человека как важнейшую межцивилизационную ценность, которая имеет сильное объединяющее начало, при этом задается вопросом: возможно ли сегодня в условиях глобализации и социокультурного многообразия мира, столкновения культур говорить о «всеобщей культуре прав человека»? На страницах монографии автор приходит к выводу: «такой тип культуры прав человека является в идеале наивысшей формой культуры прав человека, которая может сформироваться под влиянием повсеместного утверждения общечеловеческих ценностей, выраженных в идее гуманизма и закрепленных в стандартах прав человека, и к воплощению которой должно как никогда сегодня стремиться международное сообщество» [2: с. 64–65].

Следует согласиться с позицией, высказанной автором рецензируемой монографии, по поводу особого значения, которое отводится (в рамках формируемой в обществе культуры прав человека) выполнению каждым человеком обязанности уважать права и свободы других лиц. Справедливо утверждение Е.М. Павленко о том, что соблюдение обязанности уважать права и свободы других лиц является показателем сформированного высокого уровня культуры прав человека и в то же время прочной гарантией реализации всех групп прав и свобод: личных (гражданских), политических, экономических, социальных и культурных [2: с. 92–93].

Заслуживает одобрения попытка автора выявить особенности правовой культуры и культуры прав человека в студенческой среде посредством разработки и проведения социологического опроса «Уровень правовой культуры и культуры прав человека студентов Юридического института МГПУ и Института менеджмента и права МЭСИ» [2: с. 177–215], результаты и основные выводы которого могут быть использованы в учебных и учебно-методических целях.

Вторая глава монографии «Государственная политика Российской Федерации в области модернизации юридического образования и развития образования в области прав человека» посвящена анализу основных направлений и форм деятельности государственных и общественных структур по формированию правовой культуры и культуры прав человека в современной России, а также тенденций и перспектив становления и развития образования в области прав человека в нашей стране.

Рассуждая о направлениях современной стратегии модернизации образования, автор монографии пишет: «Новые требования, предъявляемые к качеству в государственных образовательных стандартах, внедрение компетентного подхода, усиление роли SMART-технологий и провозглашение идеи «образования через всю жизнь» в принципе не перечеркивают возможности обучения правам человека в рамках юридического образования. Однако требуют в современных условиях выработки иных подходов» [2: с. 120]. Автор монографии отмечает, что для экспертного педагогического и научного сообщества образование в области прав человека является в настоящее время приоритетной задачей. При этом особая роль возлагается на усилия по формированию высокого уровня правовой культуры и культуры прав человека будущих юристов, а также представителей органов государственной власти и местного самоуправления, должностных лиц (судей, сотрудников правоохранительных органов, военнослужащих и т. п.). Поэтому развитие образования в области прав человека в современной России будет продолжаться [2: с. 152–153].

Необходимо отметить, что Е.М. Павленко, как практик, имеет серьезный опыт работы в сфере формального и неформального образования, является автором учебников, пособий, учебных программ курсов, посвященных проблематике прав человека и образованию в области прав человека, международным экспертом в данной области. Все это самым положительным образом отразилось на выполненном монографическом исследовании. В целом работа Е.М. Павленко, несомненно, является новым законченным комплексным исследованием, представляющим научный и практический интерес.

Литература

1. Григорьев С.И., Матвеева Н.А. Неклассическая социология образования начала XXI века. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2000. 466 с.
2. Павленко Е.М. Образование в области прав человека как основа формирования правовой культуры и культуры прав человека в Российской Федерации: монография. М.: Права человека, 2016. 216 с.

Literatura

1. Grigor'ev S.I., Matveeva N.A. Neklassicheskaya sociologiya obrazovaniya nachala XXI veka. Barnaul: Izd-vo BGPU, 2000. 466 s.
2. Pavlenko E.M. Obrazovanie v oblasti prav cheloveka kak osnova formirovaniya pravovoj kul'tury' i kul'tury' prav cheloveka v Rossijskoj Federacii: monografiya. M.: Prava cheloveka, 2016. 216 s.

**АВТОРЫ «ВЕСТНИКА МГПУ»,
СЕРИЯ «ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ»
2016, № 2 (22)**

Алехина Елена Леонидовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Казанского (Приволжского) федерального университета (alekhinael@rambler.ru)

Васильева Оксана Николаевна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Предпринимательское право» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (vasilieva_on@mail.ru)

Егоров Ярослав Юрьевич — аспирант кафедры теории государства и права Юридического института МГПУ (yarikgad@mail.ru)

Игнатъева Марина Валерьевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (imarina.79@mail.ru)

Куксин Иван Николаевич — доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Юридического института МГПУ (proffkuk-1944@yandex.ua)

Милованова Марина Михайловна — кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА) (milovanova@yandex.ru)

Милосердов Алексей Сергеевич — преподаватель кафедры гражданского права Международного юридического института (miloserdovas@rambler.ru)

Пашенцев Дмитрий Алексеевич — доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права МГПУ (dp-70@mail.ru)

Рахматулина Римма Шамильевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры «Гражданское право» юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (rimin@mail.ru)

Ростиславлев Дмитрий Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права МГПУ (RostislavlevDA@mgpu.ru)

Свищева Екатерина Игоревна — аспирантка кафедры «Гражданское право» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (svishcheva_ekaterina@list.ru)

Ситдикова Любовь Борисовна — доктор юридических наук, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Юридического института МГПУ (LBSitdikova@mail.ru)

Стародумова Светлана Юрьевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Российского государственного социального университета (clear06@mail.ru)

Чечельницкий Илья Валентинович — кандидат юридических наук, помощник депутата Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации (iv89261863056@gmail.com)

Чурилов Сергей Никифорович — доктор юридических наук, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин МГПУ (ChurilovSN@mgpu.ru).

Шестопалов Михаил Андреевич — аспирант кафедры теории и истории государства и права МГПУ (shestopalov@live.ru)

Шубников Юрий Борисович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права Российского государственного педагогического университета им. А.С. Герцена (shubnikovub@mail.ru)

Яровая Марина Вячеславовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционно-правовых дисциплин МГПУ (yarovayamv@mgpu.ru)

THE AUTHORS
of «Vestnik Moscow City University»,
a Series of «Legal Sciences», 2016, № 2 (22)

Alekhina Elena Leonidovna — PhD in Law, assistant professor, department of International Law, Kazan (Volga region) Federal University (alekhinael@rambler.ru)

Vasilieva Oksana Nikolaevna — PhD in Law, associate professor, department of “Business Law”, Financial University under the Government of the Russian Federation” (vasilieva_on@mail.ru)

Egorov Yaroslav Yuryevich — postgraduate student, department of Theory and History of State and Law, Law Institute, Moscow City University (yarikgad@mail.ru)

Ignatyeva Marina Valeryevna — PhD in Law, assistant professor, department of International Law, Russian State Pedagogical University named after A.I. Hertsen (imarina.79@mail.ru)

Kuksin Ivan Nikolaevich — Doctor of Law, honored lawyer of the Russian Federation, professor, department of Criminal and Legal Disciplines, Law Institute, Moscow City University (proffkuk-1944@yandex.ua)

Milovanova Marina Mikhailovna — PhD in Law, assistant professor, department of Criminology, Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (milovanova@yandex.ru)

Miloserdov Aleksey Sergeevich — lecturer, department of Civil Law, International Law Institute (miloserdovas@rambler.ru)

Pashentsev Dmitriy Alekseevich — Doctor of Law, professor, department of Theory and History of State and Law, Moscow City University (dp-70@mail.ru)

Rahmatulina Rimma Shamilyevna — PhD in Law, assistant professor, department of “Civil Law”, Law faculty, Financial University under the Government of the Russian Federation (rimin@mail.ru)

Rostislavlev Dmitriy Alexandrovich — PhD in History, assistant professor, department of Theory and History of State and Law, Moscow City University (RostislavlevDA@mgpu.ru)

Svishcheva Ekaterina Igorevna — postgraduate student, department of “Civil Law”, Financial University under the Government of the Russian Federation (svishcheva_ekaterina@list.ru)

Sitdikova Loubov Borisovna — Doctor of Law, professor, department of Civil and Legal Disciplines, Law Institute, Moscow City University (LBSitdikova@mail.ru)

Starodumova Svetlana Yuryevna — PhD in Law, assistant professor, department of Civil Law and Procedure, Russian State Social University (clear06@mail.ru)

Chechelnitkiy Ilya Valentinovich — PhD in Law, assistant of Deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation (iv89261863056@gmail.com)

Churilov Sergey Nikiforovich — Doctor of Law, professor, department of Criminal and Legal Disciplines, Moscow City University (ChurilovSN@mgpu.ru).

Shestopalov Michael Andreevich — postgraduate student, department of Theory and History of State and Law, Moscow City University (shestopalov@live.ru)

Shoubnikov Yuriy Borisovich — Doctor of Law, professor, head of department of Civil Law, Russian State Pedagogical University named after A.S. Hertsen (shubnikovub@mail.ru)

Yarovaya Marina Vyacheslavovna — PhD in Law, assistant professor, department of Constitutional and Legal Disciplines, Moscow City University (yarovayamv@mgpu.ru)

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Редакция просит при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике МГПУ», руководствоваться требованиями к оформлению научной литературы, рекомендованными Редакционно-издательским советом университета.

1. Шрифт — Times New Roman, 14 кегль, межстрочный интервал — 1,5; поля: верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое — 10 мм. Объем статьи, включая список литературы, постраничные сноски и иллюстрации, не должен превышать 40 тыс. печатных знаков (1,0 авт. л.). При использовании латинского или греческого алфавита обозначения набираются: латинскими буквами — в светлом курсивном начертании; греческими буквами — в светлом прямом. **Рисунки** должны выполняться в графических редакторах. **Графики, схемы, таблицы** нельзя сканировать.

2. Инициалы и фамилия автора набираются полужирным шрифтом в начале статьи слева; заголовок — посередине полужирным шрифтом.

3. В начале статьи после названия помещаются аннотация на русском языке (не более 500 печатных знаков) и ключевые слова (не более 5). Ключевые слова и словосочетания разделяются точкой с запятой.

4. Статья снабжается затекстовыми ссылками, оформленными в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка» на русском и английском языках.

5. Ссылки на издания из пристатейного списка даются в тексте в квадратных скобках, например: [3: с. 57] или [6: Т. 1, кн. 2, с. 89].

6. Ссылки на интернет-ресурсы и архивные документы помещаются в тексте в круглых скобках или внизу страницы по образцам, приведенным в ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка».

7. В конце статьи (после списка литературы) указывается автор, название статьи, аннотация и ключевые слова на английском языке.

8. Рукопись подается в редакцию журнала в установленные сроки на электронном и бумажном носителях.

9. К рукописи прилагаются сведения об авторе (ФИО, ученая степень, звание, должность, место работы, электронный адрес для контактов) на русском и английском языках.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

В случае несоблюдения какого-либо из перечисленных пунктов автор по требованию главного или выпускающего редактора обязан внести необходимые изменения в рукопись в пределах срока, установленного для ее доработки.

Более подробно о требованиях к оформлению рукописи можно посмотреть на сайте www.mgpi.ru в разделе «Документы» издательского отдела Научно-информационного издательского центра.

По вопросам публикации статей в журнале обращаться к главному редактору *Дмитрию Алексеевичу Пашенцеву* (Москва, ул. Новокузнецкая, д. 16, кафедра теории и истории государства и права Московского городского педагогического университета). Телефон редакции: (499) 959-55-51. E-mail: dp-70@mail.ru

Вестник МГПУ
Журнал Московского городского педагогического университета
Серия «Юридические науки»
№ 2 (22), 2016

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № ФС77-62496 от 27 июля 2015 г.

Главный редактор:
доктор юридических наук, профессор *Д.А. Пашенцев*

Главный редактор выпуска:
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Т.П. Веденеева

Редактор:

С.П. Пузырьков

Корректор:

К.М. Музамилова

Перевод на английский язык:

М.В. Лебедева

Техническое редактирование и верстка:

О.Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр ГАОУ ВО МГПУ
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.
Телефон: 8-499-181-50-36. e-mail: Vestnik@mgpu.ru

Подписано в печать: 31.05.2016 г.
Формат 70 × 108 1/16. Бумага офсетная.
Объем: 7,25 усл. печ. л. Тираж 1000 экз.